

Землеобольный, Т.м.

1 11

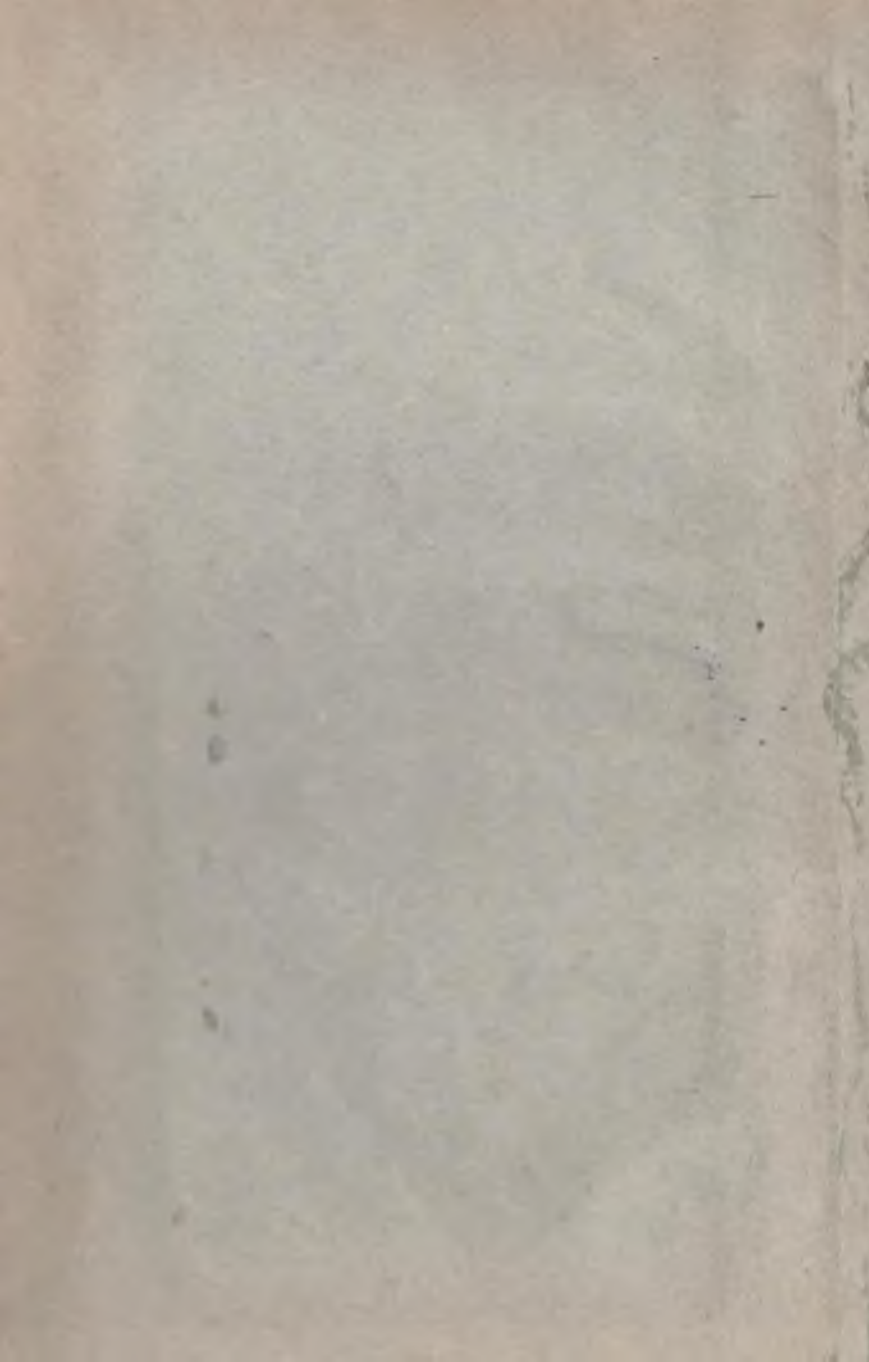
Землеобольный, Т.м.

в старом, с.

Семейный с.м. 18

18





102 99

84P1
2-181

СОЧИНЕНИЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложено къ журналу „Нива“ на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1901.

1855

Профессиональный фонд
РГБ - СССР
Земельный Комитет
Заб. ДЛ № 513.
1901 г.

наго столика также всталъ благообразный блѣкучья господинъ, въ сѣромъ простенькомъ пальто и подошелъ ко мнѣ.

Извините-съ!..— началъ онъ по-русски.

— Что вамъ угодно?

— По двумъ вашимъ словамъ въ отвѣтъ здѣшнему хозяину я рѣшилъ, извините, что вы.. чиновникъ-съ!

— Ошибаетесь; почему же вы такъ думаете.

Блондинъ вынулъ бумажникъ, досталъ оттуда карточку и подалъ мнѣ, со словами:

— Извините. Я вашъ соотечественникъ; я русскій *эмигрантъ-съ*.

На французской карточкѣ значилось: «Лоранъ, второй швейцаръ въ домѣ барона Ротшильда».

— Что же вамъ угодно отъ меня?

Блѣкучья господинъ попросилъ меня къ окну.

— Извините меня, — началъ онъ добрымъ голосомъ:— я пуждаюсь въ совѣтъ... Многихъ я здѣсь въ ресторанѣ-съ пересѣдлалъ и относился къ многимъ-съ. Все господа важные или занятые весельемъ-съ. До того ли имъ...

— Въ чемъ же ваше дѣло?

— Вы не чиновникъ?

— Нѣтъ, не чиновникъ.

— Въ университетѣ вы учились? Законамъ учились?

— Учился...

— Позвольте васъ попросить меня выслушать; если угодно къ садъ, тутъ по близости-съ, на лавочку...—Я пошелъ съ Лораномъ въ садъ, примыкавшій къ какому-то дворцу или казармѣ... Мы сѣли на лавочкѣ. Мой собесѣдникъ вынулъ красивый портъ-сигаръ и предложилъ мнѣ отличную «баядеру».

— Ахъ!—сказалъ онъ:—какъ тутъ ни весело, а все-таки поневолѣ обрадуешься живой родной душѣ. Двѣ недѣли, какъ я выжидать и искалъ человѣка, съ кѣмъ бы посоветоваться. Въ наше посольство идти жутко: такъ мало знакомствъ имѣю-съ между нашими: занять очень-съ. Я бѣглый крѣпостной человѣкъ-съ одного полтавскаго помѣщика-съ, а зовутъ меня, то-есть звали когда-то-съ дома, Лаврентіемъ Даниловичемъ Блипченко, а по-просту-съ Лаврушкой...

Лаврентій Даниловичъ помолчалъ, глядя на толпу щеголихъ, мелькавшихъ мимо насъ.

— Долго вамъ разсказывать, сударь, какъ я сюда пошелъ и какъ тутъ остался. Когда-нибудь сообщу. Теперь же дѣло

вотъ въ чемъ: тутъ баринъ одинъ есть; завзкій и добрый баринъ; только совсѣмъ прожняся—слабый, хворый, денегъ нѣтъ, а ко всему этому здѣсь соблазну манить— ну, и тянется: совсѣмъ уже, такъ сказать, уронилъ себя... извѣстно-съ, прогорѣлый!.. ну, а народъ тутъ расподѣлющій,— шельма на шельмѣ... Жаль, а помочь некому; силы надъ нимъ нѣту никакой, а силу надо...

— Такъ вы думаете, что я...

— Вы мнѣ, сударь, скажите одно: могутъ ли по нашему, то-есть русскому, закону вытребовать барина обратно, но-ложимъ такъ, въ Полтаву, что ли?

— Кто? правительство?

— Нѣтъ, не казна-съ... А дѣти—могутъ? У него двое и уже взрослыхъ; славные были дѣтки—Саша и Соня-съ, то-есть теперь уже Александръ Аркадычъ, выходитъ, и Софья Аркадьевна... Вѣдь пропадетъ человекъ; почитай уже теперь по улицамъ подбирается, паяцомъ за деньги готовъ стать къ расподѣлющему какому французу.

— А есть имѣніе у этого господина въ Россіи?

— Было-съ, триста душъ, да теперь уже ихъ нѣту... прокутился...

— А дѣти чѣмъ обезпечены?

— Отданы были въ обученіе чрезъ бабку; у бабки теперь вѣрцо и живутъ, своего достатку нѣтъ. И жива ли бабка, не знаю...

— Ну, вриды ли что тутъ силой сдѣлаешь; дѣти могутъ только писать ему, надо уговаривать.

— Уговорить его! совсѣмъ пропалъ, какъ есть...

Мы еще поговорили. Я обѣщаль навести справку въ по-сольствѣ, дать ему отвѣтъ черезъ недѣлю и простился съ нимъ.

На разставаньѣ Лаврентій Данилычъ замаялся.

— Скажу ужъ вамъ всю правду... Вы все равно въ по-сольствѣ узнаете, извините—этотъ баринъ Аркадій Ан-дреечъ... Дольскій—былъ когда-то мой баринъ. Двѣнадцать лѣтъ назадъ мы вотъ съ нимъ вмѣстѣ бѣжали сюда, при Тамартинь-съ, какъ разъ при республикѣ этой бѣжали и прогорѣли. Кабы не Господь-Богъ, да Миколай-чудотворецъ, и я бы, можетъ статья, въ тюрьмѣ какой сидѣлъ. А те-перь, благодаря Бога, въ хорошихъ людяхъ живу...

— Да, мѣсто хорошее; вы, кажется, у Ротшильда въ домѣ?

— Точно такъ-съ, у нихъ; баронъ распродобрѣющій че-

ловѣкъ-съ, какихъ поискать въ мірѣ. Сперва я у него выѣзднымъ былъ, а потомъ въ швейцары попалъ и комиссіи иногда имѣю по дѣламъ: по городу, отъ конторы...

— Сколько вы жалованья получаете?

— Deux milles francs d'appointements et deux milles de commissions, — сказалъ Блинченко, съ чистѣйшимъ парижскимъ выговоромъ, принимая при этомъ всѣ ухватки туземца: — двѣ тысячи франковъ жалованья и двѣ тысячи комиссіи, квартиру и одежду-съ.

— Это хорошо...

— Только ни днемъ-съ, ни ночью, вѣрите ли, покоя нѣтъ! Теперь же я выпросился, извините, — я жду вашего одоженія-съ—не оставьте!..

И онъ опять заговорилъ по-французски и повторилъ адресъ своей карточки. Странно! По-французски онъ говорилъ какъ истый парижанинъ; казалось, слушаешь денець франга на Итальянскомъ бульварѣ. Какъ заговорилъ опять по-русски, о Парижѣ и помину нѣтъ: будто слушаешь разговоръ дворника у лавочки на Новарской или въ Гороховой.

— Вы давно изъ Россіи-съ?—спросилъ онъ.

— Недавно.

— Что ваши крѣпостные?

— Дѣло обсуждается! нельзя,—много хлопотъ.

— Тэ-экъ-съ; насчетъ тоже-съ откуповъ, тутъ говорить, будто у насъ свободно будутъ водку продавать. Правда это?

— А васъ это занимаетъ?

— Да-съ, въ Миргородѣ у меня сестринъ мужъ нишкаремъ сидитъ, такъ какъ бы мѣста не утерять, много дѣтей... А правда тоже, извините...

— Ничего, ничего, что такое, говорите!

— Правда, тоже, тутъ произошелъ слухъ, что будто богача купца Самокишина въ Москвѣ на дѣнь къ столбу приковали за то, что народу чай изъ бѣльицу поддѣльный продавалъ? Мы у него въ домѣ у Попова съ бариномъ стояли, и будто народу было дано, всякому человѣку, право и дозволеніе три дня и три ночи плевать на него и бить его по щекамъ за это жидовство-съ?

— Кто это вамъ сказалъ? это чистѣйшій вздоръ!

— Пріятель тоже, скажу вамъ, русскій и какъ я—лакей тоже, бѣжалъ изъ Крыму, писалъ. Онъ бѣжалъ, значить, дуракъ, во время войны, да три года у англичанъ и потеръ лямку

во флотѣ; а теперь въ Лондонѣ на улицѣ Гей-Маркетъ, въ турецкой кофейнѣ офиціантомъ служить, уже тоже третій годъ. Онъ въ англицкихъ газетахъ начиталъ. Вы, я думаю, его видѣли, коли въ Лондонѣ были, — его *есть наши* эмигранты знаютъ—такъ его Даниакою и зовутъ. Падняхъ это тоже оиить пинеть мнѣ: «ну, братъ, Лавруша, поздравляю: у насъ сѣканцію отмѣняютъ». Шутникъ такой, что на-поди! Извините-сь, опять заболтался. Au revoir!

Мы разстались. Но я плохо сдержалъ данное слово. Ра-нѣе недѣля судьба унесла меня въ Италію. Выборы въ Тосканіѣ, смуты въ Римѣ, Неаполь и Венеція, Гарибальди въ турецкомъ парламентѣ — все это были такія впечатлѣнія, среди которыхъ по-неволѣ забылся и обѣдъ въ русскомъ кабачкѣ у Пьера Ахчаулова, и разговоръ съ Лораномъ Блищенко. Но зато едва я воротился въ Парижъ и въ квартиркѣ художника М., гдѣ бросилъ часть своихъ вещей, наткнулся на карточку съ именемъ и адресомъ мосье Лорана, — я отправился въ посольство, переговорилъ съ чиновниками, порылся даже въ сводѣ законовъ и поѣхалъ отыскивать знаменитую улицу Лафитта и еще болѣе знаменитый домъ барона Ротшильда. Мнѣ кстатн нужно было справиться въ банкирской конторѣ барона объ одномъ векселѣ, и я вошелъ въ контору. Цѣлое министерство представило моимъ глазамъ. Клерки за столами, главноуправляющіе съ пушистыми бакенбардами, мѣшки съ золотомъ, кучи билетовъ, кассы за металлическими сѣтками оконъ; общая тишина, мѣрные шаги по коврамъ и плавное скрипѣніе сотни перьевъ; самъ молодой, бѣлокурый баронъ, худощавый и красивый, «султанъ червонцевъ и цѣлковыхъ», въ мягкомъ креслѣ огромнаго, сіяющаго каминномъ, кабинета, съ сигарой, за подписаніемъ бумагъ—все это заняло меня. Но я снѣшилъ обратно въ пріемную и потомъ внизъ.

— Чтѣ угодно, мосье? — спросилъ меня дежурный привратникъ.

— Мосье Лоранъ?

— А, мосье Лоранъ; знаю, знаю; вы вѣрно его землякъ? Онъ все ждалъ кого-то; его теперь нѣтъ дома! Онъ съ баронессой въ Булонскомъ саду. Но вы пожалуйста въ его комнату, онъ живетъ выше меня; о, онъ истинно достойный малый и живетъ по заслугамъ выше меня — вотъ, по этой

же черной лѣстницѣ... А-а? Козакъ!.. козакъ! Хе-хе!.. Vous êtes tous des kosaks!

И дворникъ, лукаво подмигнувши, почему-то громко разсѣялся. Я вошелъ въ комнатку второго этажа, сопровождаемый дворникомъ. Это была конурка въ пять шаговъ; желѣзная кровать, подъ флапелевымъ одѣяломъ, два стула, столикъ у единственнаго окна, на столѣ два подсвѣчника, зеркало, палка съ бумагой, карандашъ и чернильница, плѣтка съ канарейкой надъ окномъ, а на стѣнѣ на гвоздѣ обернутое простыней платье. Апрельское солнышко весело свѣтило въ комнату, канарейка заливалась на все лады. Я склонился къ столу и сталъ писать записку. Дверь отворилась за спиной привратника.

— А! Это вы! я васъ давно ждалъ! — крикнулъ мнѣ на порогѣ послѣдний вошедшій Лаврентій въ голубой ливреѣ, шитой золотомъ, въ штиблетахъ и съ блестящими гербами на пуговицахъ.

Онъ сухо выселялъ подобострастнаго дворника, снялъ ливрею, облачился въ пальто и сѣлъ.

— Да, я васъ ждалъ, ждалъ! Гдѣ вы были, сударь?

— Въ Неаполѣ, въ Сицили, въ Туринѣ; гдѣ я не былъ?

— Гарибальди видѣлъ-съ? Вотъ герой; нашъ Суворовъ-съ!

— Видѣлъ въ парламентѣ и даже къ нему на домъ съ другими русскими водили; видѣлъ его и на улицѣ, — передъ студентами рѣчь держалъ...

— Да, герой человекъ, я думаю, такого и нашъ Ермоловъ бы не побѣдилъ. Тутъ шла на него по лавочкамъ тайкомъ подписка, и я два франка далъ. Хотите курить? Что же наше дѣло?

Я передалъ ему справку. Оказывалось, что г. Дольскаго по требованію дѣтей выселять не могли, — да врядъ ли дѣти и захотѣли бы хлопотать о такомъ ищенькѣ. Мой рассказъ произвелъ горькое впечатлѣніе на Лаврентія. Онъ склонился на руки, волосы унаги ему на лицо. Прошло минуты три.

— Прощаль человекъ! а что за человекъ былъ! Спасибо за справку; сталъ бы я вамъ жизнь его теперь разсказывать, да надо идти. Баронъ отпустилъ всего на пять дней; теперь дни такіе...

— Что же теперь такое?

— Да теперь... страстная недѣля-съ, страсти; а вы закутились и забыли? Надо говѣть, надо въ нашей церкви о

службахъ справиться. Извините, пойду туда, а къ вамъ опосля заверну-сь...

— Ну, ужъ итъ, Лаврентій Данилычъ, за грѣхи мои и я пойду съ вами. Въ самомъ дѣлѣ, я среди здѣшняго счета чиселъ и запутался.

Мы пошли бульварами. Шли долго; Лаврентій Данилычъ, какъ началъ рассказывать, все не умолкалъ. Прошли и Маделену, и Фобурь-Сенть-Оноре, и другія улицы. Заходили и въ нашу прежнюю церковь. Тамъ, во дворѣ, мои товарищъ отыскать помѣщеніе одного изъ причетниковъ родного клироса и у него справился о времени вечерней, всепощныхъ и обѣденъ. Помню я, что и этого причетникъ поразилъ меня тѣмъ же, чѣмъ поразилъ сперва и Лаврентій. Мы разговорились, въ веселой хорошенькой гостиной этого дьячка русской парижской церкви, передъ каминомъ, уставленнымъ фарфоромъ, среди уютной мебели, обитой трипомъ; по стѣнамъ висѣли картины масляными красками, при нашемъ входѣ изъ-за пьяншно встала маленькая дочь дьячка, игравшая что-то изъ оперы. Самъ онъ заговаривалъ по-французски — чистѣйшій парижанинъ, и даже слово «parbleu» употребилъ; заговорилъ по-русски — прямо дьячокъ изъ-за Москворѣчья; даже ругательства родныя ввертывалъ подчасъ въ свою рѣчь. Тридцать лѣтъ онъ живетъ въ Парижѣ при церкви, въ полномъ довольствѣ; усвоилъ себѣ все его привычки, всю обстановку туземнаго счастья и комфорта, а воротись на родину, одной косички на затылкѣ первое время не будетъ,—сохранилъ въ себѣ всю свитую Русь въ точности.

— Ну,—сказалъ Лаврентій, справившись у причетника:—мы на день еще свободны; такъ слушайте же далѣе, до конца!

Мы вышли на улицу Берри, оттуда набережной Сены въ Тюльерійскій садъ, и бесѣдовали до самаго вечера на лавочкѣ, у знаменитаго фонтана...

— Мы бѣжали двѣнадцать лѣтъ назадъ изъ Россіи. Мой баринъ-сь, какъ я сказывалъ, былъ богатый помещикъ. Вы меня извините, коли я что неприлично вамъ скажу: надо говорить правду. Баловался мой баринъ сызмальства, хоть былъ и дворянинъ; набереть, бывало, ребятнишекъ, какъ изъ корпуса прѣдетъ, запрягаетъ ихъ въ колясочку, играеть вслѣдъ, а послѣ и сбѣчетъ; это, говорить, для фронту. чтобъ послѣ боялись; насъ, говорить, тоже въ корпусѣ и

въ зачетъ сѣкали. А потомъ получилъ офицерскій чинъ, сейчасъ въ отставку поступилъ, завелъ собачню, своръ десять, тутъ уже и я въ комнаты попалъ. Начались попойки; господа сосѣдскіе съ нимъ пьютъ, охотятся, объѣдаютъ его, а потомъ надъ нимъ же смѣются, дуракомъ его за глаза зовутъ. Была у насъ по сосѣдству семейка, сущіе жиды. Какъ отецъ нашего барина померъ, его эти люди заловили,— попросту — женили. И узнали же мы эту барыню нашу! Какъ поселилась это въ нашей усадьбѣ, вѣдьма-вѣдьмой такъ и глядитъ, что ужъ я отъ нея терпѣлъ — и сказать трудно. Скоро раскусила ее и папъ баринъ. Сперва швала крѣпко, а тутъ уже просто закуриль такъ, что на-поди. Какъ уже тамъ случилось, были у нихъ уже и дѣтки, сынъ и дочь, а баринъ часто сталъ изъ дому отлучаться, все на охотѣ, все на охотѣ — собаки воютъ, барыня бѣсится, на служанкахъ вымещаетъ. Разъ мы воротились изъ отъѣзжаго поля, а дома недоброе дѣло—половъ дворъ судейскихъ, слѣдствіе идетъ—барыня померла «скоронисною съ смертью» — какъ снада, такъ уже и не встала съ.—Дѣвки наши задушили... Похоронили ее: баринъ сѣздилъ къ своей матери, дѣтей тамъ оставлялъ, а послѣ взялъ гувернантку,—швейцарку, что ли, только она больше по-французски все говорила, глазатая такая, полногрудая да разбитная, а прежде тихая-тихая была и все его въ плечо цѣловала. Ну, а уже тутъ вы, сударь, догадаетесь. Послѣ этой грызотни и вѣчной свалки въ домѣ, гувернантка повела все дѣло на чистоту; и дѣтей смотритъ, и людямъ говорить все вы, и на кухню побѣжить, и бѣлье барину поштопаеть, рубахиakraхмалить и вымоетъ, а тамъ стала вензеля на нихъ чудовые вышивать. И дались же ему послѣ эти вензеля: учиться и прежде дѣти не учились, а съ ней и подавно. Покинула она какъ-то сидѣнье съ дѣтьми, взяла свое платье и пошла къ барину въ кабинетъ примѣрять; я чистилъ посуду въ буфетѣ—слышу начался у нихъ хохоть. Баринъ все что-то говорилъ по-французски, а она смѣется, пищитъ по временамъ, а тутъ стали двигаться стулья, она въ залу выскочила. Не прошло и полчаса, баринъ выходитъ скорыми шагами и ко мнѣ, самъ въ землю смотреть: «Лаврушка, говоришь, пойдн, закрой мнѣ ставни въ кабинетѣ, что-то нездоровится; а мадамъ мнѣ дѣкарство сдѣласть, стунай!» Заперъ я ставни съ надворья; они й затворились вдвоемъ,

и пробыли такъ до вечера. Дѣтей я и накормилъ и спать уложилъ; да уже ночью она вышла, и говорить: «тишь, Лаврунь; мосье маладъ!»—И пошелъ съ той поры у насъ стыдъ и срамъ; женился съ нею баринъ, какъ женатый; старуха-ключница, Мавра Федосѣевна, его няня, еще и спать постель имъ вмѣстѣ на двоихъ стала. Это бы еще ничего; сперва-было сосѣди къ намъ, какъ обрѣзали, перестали ѣздить, а потомъ помирились и, какъ ни въ чемъ ни бывало, мѣнялись съ нашими визитами и даже Эмеренціи Карловнѣ, гувернанткѣ-то этой, ручку цѣловали. Забрала тогда насъ въ руки новая барыня пуще нашей родной; сама лично ничего не дѣлаетъ, а все мужа на насъ напускаетъ. Скоро дѣтей спровадили къ бабкѣ,—а бабка хоть небогатая, да добрая такая была; а сами сейчасъ на зиму въ Москву, и меня взяли съ собой. Тамъ баринъ сталъ выѣзжать въ маскарады, въ театры, ѣздили къ намъ разные господа, больше актеры изъ французскаго театра. Тутъ Эмеренція Карловна понесла... Ужъ какъ радъ былъ этому нашъ баринъ-то, Аркадій Андреевичъ; ужъ я таковой радости и не зрѣлъ отродясь.—«У меня, Лаврушка, говоритъ, сынъ французъ будетъ!»—а самъ такъ и прыгаетъ, такъ и мѣется. Ну, французикъ родился не живой, почти что какъ щенкомъ она, треклятая, опоросилась, танцую и на понойкѣ у одной своей пріятельки. Долго была она хвора, а тамъ опять они закурили—ѣхать да и ѣхать въ Италію.—«Мы, Лаврушка,—говорилъ баринъ:—въ хижины на берегу большого озера станемъ жить, какъ настунки; это и для здоровья Мусиньки (такъ онъ ее звалъ) нужно!» Тутъ ужъ я не утерпѣлъ.—«Эхъ, для чего вамъ, баринъ, хижина, коли у васъ Всесвятское, триста душъ и барскія палаты находятся; да и чѣмъ въ вашей вотчинѣ, сударь, рѣка Ворскла хуже озера итальянскаго какого большого?»—Но они уже порѣшили.—«Дуракъ, говоритъ, ты, Лаврушка, и настоящаго счастья не понимаешь; а впрочемъ—мы тебя тоже туда возьмемъ!»—«Лаврунь-дурнунь!» такъ меня и звала эта гувернантка съ той поры. Ну-съ, баринъ сперва заложилъ, а потомъ сталъ искать случая продать Всесвятское; тутъ выѣшалась бабка его дѣтей, жаловалась—ему не дали заграничнаго паспорта, онъ подговорилъ меня—мы черезъ Одессу и убѣжали въ Турцію, а потомъ прямо въ Италію. И точно, возлѣ Неаполя есть озерко у взморья, тамъ мы и

поселились: сперва я боялся, что поймают и въ Сибирь сошлютъ. А послѣ обошелся. Зажили мы. Я хожу корову пасти, дрова собираю, на базарь въ Каstellамаре (деревушка она, что ли, за Везувіемъ есть такая) хожу, салатъ, овощи, фрукты покушаю; а баринъ все ходитъ въ такой большущей соломенной шляпѣ, по морю катается, рыбу удитъ, на огни Везувія по ночамъ съ любовницей смотритъ и оба ровню ничего не дѣлаютъ болше. Покушаютъ, погуляютъ, полежатъ, спать лягутъ; я опять имъ и тутъ ставни закрываю, какъ во Всесвитскомъ. Выспитесь, опять поѣдигъ, опять это пошатаются по камнямъ, выкупаются или рыбки половить, и опять спать. Она растолстѣла, жирныя такія губы и плечи стали, глаза подернуло поволокой, такъ и пышетъ вся, сталь толстѣть и мой баринъ, но меньше. Онъ все на лакрима-кристи, да на алеатико сталь налегать; тамъ вина такія есть. Тутъ начала голова у него болѣть, приливами, глаза какъ кровь, еле уже ходитъ, а тутъ и желудкомъ сталь сердечный объѣдаться; я дважды за докторомъ ѣздилъ на ослѣ въ городъ, кровь ему бросили. Прошло такъ мѣсяцевъ семь; смотрю, оба замутились; привялило ихъ маленько что ли такое житье — хлопаютъ только глазами; она книжку читаетъ, онъ зѣваетъ, да куритъ. А тутъ и казусъ произошелъ. Надо вамъ знать, что баринъ мой былъ очень ревнивъ еще и къ своей прежней барыни, и къ этой; а она со скуки, что ли, или такъ — шутя, одинъ разъ и залучила меня въ садъ. Сперва все ходила около съ зонтикомъ, какъ я корзинку плелъ, а потомъ подошла и взяла меня за щеку, а сама, смотрю, дрожитъ, и какъ пахнетъ отъ нея всякими духами: «Лаврушь-дурпушь,—говоритъ: — полюби меня, я тебя озолочу!»—Я, сударь, такъ и обомлѣлъ.—«Non, говорю, impossible, нельзя; баринъ убьетъ изъ пистолета!» А она по-французски мнѣ въ отвѣтъ, я тогда уже понималъ и самъ начиналъ говорить: «не бойся, деньги мнѣ всѣ уже на мое имя переведены; бросимъ его, убѣжимъ — онъ мнѣ противенъ!» И она тутъ плюнула на траву, а сама держитъ меня за голову, я же на корточкахъ сижу съ корзинкой. — «Нѣтъ, я отвѣтилъ, не могу, и я васъ не люблю, Эмеренція Карловна; у меня, скажу вамъ по правдѣ, тутъ итальяночка по любви ходитъ...» Позелѣнѣла барыня, сама усмѣхнулась и отошла. Въ тотъ же вечеръ мой баринъ, ни за что, ни про что, впервые въ

жизни поколотилъ меня. Сосѣдскіе кучерь и садовникъ на меня взглянь. — «Дуракъ русскій, брось своего господина, вѣдь ты тутъ свободный, тутъ крѣпостныхъ нѣтъ!» — «Даромъ, пусть бьютъ, а я все-таки его не кину! Па то онъ баринъ — а вы дурачье». Черезъ два дня она выпроводила барина куда-то, сама пришла ко мнѣ въ садъ опять: «а что, — говорить, смѣючись и не поднимая глазъ: — испытать?» — «Испытать, говорю, сударыня, такъ что же?» — Она кинулась ко мнѣ на шею и давай меня цѣловать... ей-Богу! такъ и горитъ, ласкаеть, дрожитъ, шельма, и въ глаза цѣлуетъ, и въ щеки, и въ губы — наслу я оторвался отъ нея, ей-Богу-съ, какъ Іосифъ прекрасный въ исторіи. Она мнѣ пригрозилась и ушла. А тамъ разъ ночью ко мнѣ въ коровникъ пришла... Тутъ уже я все барину сказалъ. Но повѣрилъ онъ сперва, сердечный, а потомъ — и заплакать. Плачетъ, какъ малое дитя, хнычетъ: «пропалъ я, Лаврушка, какъ собака, теперь ужъ я предчувствую — она меня броситъ. Гдѣ она?» — «Въ ваннѣ сидитъ: Клара съ нею» (это служанка старая была)... — «Броситъ теперь она меня, и я пропасть...» — Да чѣмъ же вы, сударь, говорю, пропали? Возьмемъ мѣсто на пароходѣ и, черезъ Одессу, воротимся опять домой; коли Всесвятскаго родового вашего не выкунимъ, такъ по-крайности хоть въ хуторѣ какомъ въ Малороссіи сидемъ на хозяйство. Вонъ, Дорошъ, лакей Павленка-съ, въ Римѣ мнѣ говорилъ, что у нихъ земля подъ Бахтутомъ ничуть не хуже-съ, чѣмъ въ этой Кампаньѣ-съ, али хоть бы и по близности Неаполи; вспомните наше село, вареники; да и пшевица наша не въ примѣръ лучше здѣшней». — «Ты, Лаврушка, вздоръ мелешь; знай, братецъ, что теперь я пиццѣй — меня вызывали черезъ газеты; имѣніе продано съ аукціона, а мои всѣ билеты у Чезаре въ Римѣ я перевелъ на ея имя, послѣ того, помнишь, вечера, какъ мы за Монте-Пиццѣо въ лѣсокъ ѣздили и оставались тамъ до зари. Ахъ, братецъ, женщина! Вотъ адъ и рай вмѣстѣ, что за пылъ и что за страсти! Ты не вкусилъ этого, дуракъ, и потому не знаешь... Ну, да авось это еще перемелется!» — Только нѣтъ! какъ узнала она, что я барину все открылъ, волчица-волчицей стала, — насъ, без-паспортныхъ, еще миловали — мнѣ выхлопотали какой-то плакатъ на итальянскомъ языкѣ и отпустили; баринъ и глядѣть на меня, сердечный, не могъ, а она такъ просто

расхворалась, какъ я отходилъ. Клара только передала мнѣ тутъ знаками, что она ночью барина по щечкамъ била, и онъ передъ нею на колѣнкахъ прощенья все за что-то просилъ. — Тутъ я переѣхалъ въ Анкону, а потомъ въ Падуѣ къ бывшему харьковскому профессору—окулисту В***—по одной рекомендаціи, поступилъ въ услуженіе. Профессоръ вывезъ большое состояніе, имѣеть виллу-съ, а ѣсть донынѣ-съ по памяти ботвинью и дѣлаеть себѣ дома квасъ.— Оттуда я уѣхалъ сюда, въ Парижъ, и тутъ уже остался. Только Парижъ мнѣ, скажу вамъ, сперва болѣно не любился. Въ первый разъ, какъ я пріѣхалъ, тутъ правилъ Ламартинь-съ: изъ здѣшнихъ помѣщиковъ онъ въ королѣ на три мѣсяца былъ выбранъ; мнѣ тогда какъ-то не казался Парижъ,—грязно такъ, улицы узенькія, сырѣя, сами французики такіе обшарпанные, голодные ходили. Правители это въ шарфахъ черезъ плечо вездѣ показывались, знамена раздавали, краснымъ виномъ поили народъ. Тамъ ихъ камера такая была, народъ у входа толнился, задирали всякаго. Епископа ихняго гдѣ-то въ переулкѣ осмѣяли, грязью въ лицо ему кидали; а у одной княгини на каретѣ, среди улицы, гербы кирпичомъ постирали и ее еще заставили выйти въ дворцы и на дѣло смотрѣть, стои. Какъ бывало въ камерѣ что скажутъ такое, такъ и закипать улицы оборванцами, какъ улей пчелами; сейчасъ за камни; мостовыя разберутъ и драка. А тутъ я изъ Италіи прибылъ черезъ нѣсколько лѣтъ—вездѣ тишина и всѣ такіе чистые и выбритые ходятъ. Полиціи пропастъ, и Наполеонъ, какъ наши генералы, сталъ въ мундирѣ ѣздить по городу, да еще и съ конвоемъ...

— Ну, такъ вы пріѣхали въ Парижъ; а баринъ вангъ гдѣ же дѣлся?

— Я тутъ сталъ служить у французовъ, сначала по ресторонамъ, а тамъ и въ конторахъ, за швейцаровъ. Завелась у меня здѣсь тоже любовишка, извините, болѣно мою полтавскую Настю напоминала—такая же свѣжая, да добренькая, да съ черною косою... Ѣздилъ я съ ней въ гуляночныя дни за-городъ и въ окрестныя сады, въ театры и на смотрѣ войскъ. Она разряжена и я. Разъ тащимся мы въ омнибусѣ въ Буа-де-Булонь; я высунулся изъ окна и смотрю на щегольскію экипажи; вдругъ слышу изъ одной коляски громкій женскій голосъ: «Лаврушь, Лаврушь, Анн-

малы» Оглянулся: Эмеренція Карловна, и кинула она мнѣ наскоро свою карточку съ адресомъ; выскочилъ я изъ омнибуса, сконфузилъ и любовницу свою, поднялъ карточку, а коляска съ Эмеренціей Карловной улетѣла, и она мнѣ голько рукой поцѣлуй послала, а сама хохочетъ и съ нею въ коляскѣ офицеръ усатый, да черный, тоже заливается, хохочетъ. Взбѣсила меня эта баба; думаю себѣ, пойду, справлюсь хоть о баринѣ. Насилу отыскалъ ея квартиру, почти за городомъ, за прежнюю чертою городского вала, только квартира отличная, цѣлый домъ въ саду и палисадникъ выходитъ на улицу. Зашелъ я прежде въ сосѣднюю лавочку пива выпить, а самъ давай разспрашивать хозяйина, кто такой занимаетъ этомъ домъ съ садомъ. — «Богатая дама русская изъ французовъ, — отвѣтилъ мнѣ веселый хозяйинъ лавочки:—деньги сорить, домъ вѣчно полонъ безпечныхъ гостей — идетъ картѣжь, попойки справляются аккуратно, а на-дняхъ полиція вмѣшалась и у нея былъ комиссаръ, по поводу одной ея штуки». — Что же такое? Лавочникъ оглянулся. «Видите ли, говорятъ, она обобрала одного русскаго барина въ Россіи, тысячь на двѣсти франковъ, выманила у него эти денешки, а его прогнала или гдѣ-то бросила больного. Теперь она въ связи съ капитаномъ изъ гвардейскихъ вольтижѣровъ, такой здоровенный мужчина, еще прежде былъ у меня въ невылазномъ долгу за ниво и сидръ. Ну, она съ нимъ почти открыто живетъ, кутить по загороднымъ баламъ, — а этомъ баринъ-то русскій выздоровѣлъ, да какъ-то и дошелся до Парижа...

— Ну, ну??? — «Дошелся, узнавъ ея адресъ черезъ хозяйку отеля, гдѣ онъ съ ней впервые остановился, когда ѣхалъ изъ Россіи, — и отправился къ ней. Она его не приняла. Двѣ недѣли онъ ходилъ тутъ, бѣдняга, около ея оконъ, какъ нищій, почти-что милостыню готовъ былъ просить, — двери ея не отворились для него. Я его зазвалъ, все это узналъ и три раза давалъ ему даромъ, бѣдняку, капиталовъ и шива. Но на-дняхъ у нея была попойка, онъ опять пришелъ и сѣлъ вонъ на ту скамеечку у воротъ ея двора. Визку, я, отворилось у нея окно, толпа молодежи высунулась съ нею оттуда и давай кричать: «мосье, мосье! какъ же о васъ не доложили, пожалуйте!» Онъ вошелъ къ нимъ, и послѣ того тамъ раздавались такіе крики, смѣхъ и возгласы, что мы и мѣн посѣтителы изъ сосѣднихъ мастер-

скихъ и лавочекъ только плечами сдвигали. Почью этого господина отвезли за-мертво пьянаго,—а утромъ тамъ были комиссаръ и у нея взяли какую-то подишку. Говорятъ, что въ этой компаніи веселыхъ гостей моей сосѣдки ея бывшаго обожателя подионли, заставили пѣть и плясать національными русскія пляски и потомъ, парядивши его шуткомъ, сдѣлали съ нимъ еще какую-то наглость. Онъ этого на утро ничего не помнилъ; но кто-то изъ собесѣдниковъ проврался, и госпожу эту взяли подъ присмотръ полиціи и слѣдить, откуда у нея взялось состояніе. Спрашивали, говорятъ, этого чудака, оемѣннаго ея обожателя, не у него ли она выманила какую-нибудь подлюстью деньги; но онъ ее не выдалъ и отрекся отъ всего». Что вамъ прибавлять къ разсказу лавочника? Скажу вамъ, сударь, одно: быть я у нея, водила она меня по комнатамъ, показывала ихъ убранство, свои вещи, свою снальню, ванну, зимній садъ съ теплицами, вспомнила про Россію.—«Э! ты! Кстати, хочешь назадъ въ Полтаву?»—спросила она меня. Я не отвѣтилъ ни слова.—Сударыня,—говорю,—гдѣ мой баринъ? гдѣ вы его дѣли?—Она слегка поблѣднѣла.—«Мосеъ Дольскій теперь свободенъ; онъ мнѣ измѣнилъ и мы разстались; онъ, кажется, въ Швейцаріи... фермеромъ живетъ на хозяйствѣ». Мы были одни; я не выдержала и говорю по-русски:—«Эмеренція Карловна! смилуйтесь; у васъ души пѣть—баринъ мой вовсе не тамъ, а здѣсь, въ Парижѣ, и съ голоду умираетъ!»—она взглянула въ окно искося и засмѣялась:—«Tiens, моя душа: если бы у меня не было этого (она показала сперва на ротъ, потомъ на лобъ и потомъ на лѣвый бокъ), этого и этого, если бы я не хотѣла пѣть, не думала жить и не имѣла бы надежды любить,—я бы поняла тебя. А теперь—прощай! Да кстати: хочешь ли въ лакеи-друзья; ты еще такъ же хороши, какъ быть въ Италіи; я тебѣ дамъ ваканцію у одной моей подруги, содержательницы шоколаднаго магазина на бульварѣ? Подумай!»—А баринъ мой, баринъ-то?!—сказала я, трясясь отъ злости и омерзѣнія-съ:—вамъ его не жалко? не жалко его дѣтокъ, вашихъ учениковъ, Сани и Соли?—«Ха-ха-ха-ха!»—захохотала она во все горло, потомъ, топнувъ ногой, указала мнѣ на дверь и закричала:—«вонъ отсюда, колнакъ!»—Я оглянулся, кругомъ насъ и въ этой части дома не было ни души. Я молча кинулся на нее и уже въ точности не

упомню, чѣмъ, сколько времени и по чѣмъ я ее билъ... Помню только, что на ея крикъ стали останавливаться у окна прохожіе, потомъ окно со звономъ лопнуло и ворвался ко мнѣ какой-то толстякъ-булочникъ, а потомъ розняли насъ и другіе! У меня отняли изъ рукъ ножку стула и на полу подняли обломокъ шандала. Её полумертвую отвезли въ страннопріимную богадѣльню; голова у нея оказалась безъ косы, — чѣмъ я отрѣзаль ее, и донинѣ не соображу, — въ двухъ мѣстахъ была пробита, а на лицѣ и на рукахъ оказались у нея такія раны, что едва я могъ спастись и доказать, что метилъ ей за господина, но не думаль ее убить до смерти. Черезъ два дня въ здѣшнихъ газетахъ появилась статья, подъ заглавіемъ: «Русскій тигръ, или анекдотъ на улицѣ Звѣздъ съ русскимъ рабомъ и парижекою сиреной, за стараго любовника». Я просидѣлъ болѣе полу-года въ тюрьмѣ; ко мнѣ являлись и угрожать, и упрашивать. Мой адвокатъ оправдалъ меня, и я вышелъ, но бѣдствовалъ долго безъ мѣста. Тутъ-то отыскалъ меня по газетнымъ статьямъ мой баринъ... Боже милостивый! Въ какомъ я положеніи его увидѣлъ... какой-то камлотный камзольчикъ, куцья жидовскія брючки съ чужихъ ногъ, видно, прямо съ рынка, и поверхъ всего старенькая плисовая, какъ у няица, курточка, — старій престарій, волосы до плечъ, сѣдина прошибаетъ сильно, небритый и подъ хмелькомъ. Воротился я какъ-то съ поисковъ за мѣстомъ въ свою конурку, смотрю, бокомъ у окна баринъ стоитъ. Я такъ и обомлѣлъ. Баринъ, голубчикъ, Аркадій Андрейчъ, васъ ли я вижу? Да въ слезы отъ радости, да къ ручкѣ его. Онъ руку не далъ поцѣловать, и самъ не смотреть, стыдится. «Ты, Лаврушка, говоритъ, много не рассказывай и не унижайся, хоть и бывшій мой крѣпостной. А ты лучше вотъ чтó: поставь мнѣ, братъ, выпить, червячокъ точить, надо заморить. Помнишь, какъ во Всесвятскомъ: «Антонка, Пашка, Лаврушка, вы, звѣрьѣ, водки!» А ты кричишь «въ секунду!» и бѣжишь. Вѣги, Лавруша, и теперь». — Заметался я, сказать вамъ по-правдѣ, какъ бывало точно въ старину, и самъ зналъ, что онъ уже не баринъ, а заметался и за виномъ махнулъ по весь оворъ, что дѣлать — прибылъ старій баринъ! Вотъ угостилъ его; онъ и говорить: «теперь давай мнѣ денегъ, а безъ денегъ ничто; а ты на ноги меня поставь, Лавруша!» — Гдѣ мнѣ, — говорю

ему, — денегъ достать? Я самъ, Аркадій Андреевъ, суну изъ крысъ тѣмъ, камушками закусываю по мостовымъ, да и тѣхъ, вопъ, Вошанартъ-императоръ поубавилъ по улицамъ, чтобъ баррикады франкузы не строилъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы были съ вами тутъ, ваше благородіе! Къ-же-ей, баринъ, съ голоду приходится помирать... — «А все-таки ты меня долженъ ублаготворить». Заявляю я у одного пріятели сорокъ франковъ, да взялъ впередъ въ кафе Вюфона-съ, куда нанялся на годъ, шестьдесятъ франковъ въ счетъ жалованья и фракъ свой заложилъ. Но не долго были барину эти сто франковъ. Черезъ два мѣсяца онъ опять прыгащился ко мнѣ и заявляю у меня уголь въ каморкѣ. Какъ онъ и тѣмъ тутъ жилъ, уже не знаю; писаль, сказываютъ, кое-къ-кому и въ Россію, да не получаль оттуда ожидаемаго. Дѣтей вспоминали, плакаль о нихъ, — а возвратиться не хотѣль. Какъ-то подвернулся сюда одинъ молодчикъ, изъ нашихъ полтавскихъ, встрѣтилъ его, жалился, вспомнилъ его жо былую хлѣбъ-соль — взялъ его къ себѣ тутъ въ качествѣ собесѣдника. Должно стать, что и этотъ баринъ тутъ прогорѣль. Прошло съ тѣхъ поръ еще три года. Я бѣдствовалъ невообразимо; но дослужка забранныхъ шестидесяти франковъ, заболѣль... Помѣстили меня въ больницу чернорабочихъ, вылѣчили, а послѣ заставили отслуживать. И я работаль на каменной работѣ у племянницы моихъ теверешнихъ господъ, баронессы Ротшильдъ, на ея дачѣ. Тамъ меня узналь аббатъ изъ русскихъ, Саламахины, Ѳадей Сергѣичъ, и рекомендовалъ въ лакеи сперва къ племянницѣ бароновъ, а потомъ и къ нимъ самимъ — спасибо ему. Тутъ я теперь и стою. Только не такъ устроилась судьба моего барина-то. Вдругъ, слышу — сманиль его какой-то фокусникъ и сталъ возить въ колымажѣ съ обезьянами, попугаями и учеными медвѣжками. Смотрю, разъ по бульвару съ сигаркой ходить, на лавкѣ въ Тюльерійскомъ саду сидить, на публику смотрить, и выбритый, въ пальто съ чужого плеча, раздаеъ объявленія про этого фокусника. Я и пошелъ къ фокуснику въ батраки; глядь, а баринъ-то мой и билеты у него продаеъ. Я было понялъ. «Ничего, — говоритъ, — prenez un billet, cher Lavrouchka, одинъ франкъ двадцать сантимовъ, первый рядъ!» — Баринъ, — говорю: — Аркадій Андреевъ, васъ ли вижу здѣсь! Вспомните ваши стены, Всесвятское, своихъ дѣтокъ! Воро-

титесь лучше домою; вамъ ли у палцовъ проживать? Види у васъ своихъ триста слугъ было... — «Дуракъ ты, братъ Лавруха,—сказать опъ мнѣ на это,—мы тутъ равны, да я же и въ опалѣ, въ зломъ скандалѣ... фрѣ!» Опъ уже тогда начиналъ рюмами говорить, какъ въ театрѣ, и многихъ господъ смѣшилъ. «Батюшки, батюшки,—подумалъ я,—что съ человѣкомъ не бываетъ!»—Тутъ меня отличили, прибавили жалованья. Саламахинъ разсказать барону о моей сценѣ за барина съ тою-то воровкой, разорившей его, и статью ему про меня читалъ. Баронъ прозвалъ меня угаі Козакъ—говорить и приблизилъ меня еще больше къ себѣ. Съ нимъ тутъ я и въ Лондонъ ѣздилъ, тюки возилъ; послѣ оказалось, что то было золото и его кредитныя бумаги, еще поцѣно золота. Главный клеркъ барона, нѣмецъ, шутъ такой, особенно меня, скажу вамъ, оцѣнилъ, и теперь я уже съ конторскими за однимъ столомъ обѣдать сталъ... Много тутъ всякаго народа изъ нашихъ бѣглыхъ. И люди будто уже не наши, не свои; одному не зачѣмъ ворочаться домой, другому нельзя; всѣ при мѣстахъ, и будто благополучны и благоденствуютъ. А ударить тутъ между нами пре родину вѣсть какая, точно въ колоколъ въ Иванѣ Великомъ,—или бранять насъ, или войной на насъ собираются, или пожары гдѣ большіе, наводненія, дороговизна, такъ сейчасъ собираются и заставляють газеты читать, либо всѣ гургомъ въ церковь.

Мы оба помолчали. Стало уже темнѣть.

— Гдѣ же теперь вашъ бывший баринъ Дольскій?

— Въ тюрьмѣ—съ сидитъ... тяжело мнѣ это сказать! Сидитъ за пустичный долгъ. Умлекся у фокусника какою-то фокусницей, да въ долгъ на нее и набралъ нарядовъ, а продавецъ и засадилъ его.

— Что же его никто не выкунитъ?

— Да я первый выкунилъ бы его, только опъ опять туда понадесть. Совсѣмъ развратный сталъ, илѣнился въ конецъ, а тутъ и навозу залежаться не дадутъ, не то что человѣку. Вотъ кабы его въ Россію! А то и меня опъ осаждаеть письмами, да ужъ теперь я и боюсь, какъ бы опъ не вытребовалъ меня, по правдѣ, опять къ себѣ въ крѣпостные!

— Ну, на это закопа нѣтъ, чтобъ опъ требовать могъ, если самъ безъ паспорта.

— Все такъ, да я вѣдь крѣпостной. Вотъ хоть бы дѣти его самого отсюда взяли, что ли!

И записалъ адресъ его дѣтей и далъ слово извѣстить ихъ, воротившись въ Россію. Мы встали.

— Ну, какъ же вы, Лаврентій Данилычъ, свою судьбу устроить думаете?—спросилъ я.

— Послужу у барона; теперь изъ жалованья и комиссій моихъ порядочная сумма уже составляется. Еще побуду, авось тогда и свое дѣло начну; лавочку, что ли, открою... После женюсь... Оно теперь и въ Полтаву манить... да жутко какъ-то... Законъ еще неизвѣстенъ... А коли бы Всесвятское было наше и баринъ тамъ жилъ бы—вотъ, ей-ей, какжется, воротился бы. Что въ этой ливреѣ, что въ этой свободѣ! Честью завѣрю, страшно; ну, какъ потребуютъ, да по этапу отошлютъ...

И заспорилъ, удивленный такимъ понятіемъ; доказывалъ, что Парижъ не полтавская губернія и что будь только честень, здѣсь сберегутъ не хуже, чѣмъ на застольной во Всесвятскомъ, или по паспорту въ Миргородѣ.

— Нѣтъ, скучно, баринъ, становится. Все не свое... двѣнадцать лѣтъ степеней не видѣлъ...

«Ужъ не хитритъ ли онъ, — подумалъ я, — что за дичь подобныя убѣжденія. Мы разрываемъ крѣпостныя связи, а онъ жалѣеть о томъ, что его баринъ не во Всесвятскомъ, а въ долговой парижской тюрьмѣ».

«Вотъ она старая-то Русь»,—подумалъ я.

Передъ моимъ выѣздомъ изъ Парижа, Лаврентій Даниловичъ Блищенко, или иначе, гражданинъ Франціи, мосье Лоранъ, зашелъ ко мнѣ проводить меня; таскалъ мои чемоданы, сходилъ мнѣ за кое-какими покушками, прилакивалъ мнѣ на дорогу всякую вещь, чистилъ съ обычнымъ русскимъ лакейскимъ форсомъ чистѣйшаго русскаго издѣлія мои сапоги и, наконецъ, весь занявшись, выразился такъ:

— Эхъ, сударь мой! Вѣдь вотъ тутъ и кожи-то такъ выдубить не смогутъ, какъ у насъ. Что здѣсь за сапоги! Мѣсяцъ поносишь и бросаешь, или носи триковья ботинки по грязи этого каторжнаго макъ-адама. А вотъ въ Полтавѣ нашему барину всегда Кожъ сапожникъ шилъ; такъ вѣрите: по семи мѣсяцевъ безъ починки носились — даже тошно было чистить... Оно, видите ли,—будь и здѣсь проч-

ность какамъ въ завѣреніи тоже, что вотъ тебя не отпущу. Въ другую какую деревню, я бы воротился, хоть сейчасъ, барину радъ былъ бы снова служить, лишь бы во Всесвятскомъ. А то Наполеонъ всёхъ выдать можетъ, какъ бѣглыхъ.

Лаврентій задумался. Въ это время на бульварѣ Боннувель, гдѣ я стоялъ, затрубили трубы и полился молодцоватый громъ военнаго гвардейскаго оркестра. Мы подбѣжали къ окну. Быстрымъ захватскимъ маршемъ шелъ отрядъ гвардейскихъ зуавовъ; музыканты, съ табличками нотъ передъ глазами, шли и играли на ходу какую-то необыкновенно-подмывающую штуку. Веселая толпа блузниковъ, дѣтей и щеголей шла слѣдомъ, заглядывая на бритыя головы и алья фески импровизированныхъ алжирцевъ. Громадные omnibusы катились за городъ. Былъ какой-то не то народный, не то императорскій праздникъ. Я взглянулъ на онечаченное и задумчивое лицо Лаврентія.

— Поѣдемъ-ка добровольно въ Россію,—сказалъ я.

— Нѣтъ, боюсь, да и барина по правдѣ жалко; какъ я ворочусь безъ него и что скажетъ старая барыня. Сегодня отъ васъ къ нему забѣгу, вотъ принасъ ему доньжатъ на табакъ...

И чудакомъ показалъ десятифранковую монету.

— Вы же теперь знаете мой адресъ! пишите мнѣ въ Россію,—сказалъ я ему.

Онъ опять помолчалъ.

— Если бы земли намъ дали, кажется, и я скорѣе бы домой воротился. Матери нѣтъ у меня; только тѣтка, да и та продана вмѣстѣ со слободой. Ну, да все ничего; воротись баринъ, сядь опять во Всесвятскомъ — вотъ такъ бы и пошелъ! Жаль его, сердечнаго. Надо бы ему и бѣлыя сегодня; чортъ знаетъ, однако, по правдѣ сказать вамъ, извините, что это за человѣкъ такой: ему бы только лежать, ничего не дѣлать.

Лаврентій махнулъ рукой и болѣе не говорилъ ни слова.

— Наше вамъ почтеніе-съ!—сказалъ онъ и вышелъ, давъ слово мнѣ писать.

Я подождалъ, пока онъ спустился по лѣстницѣ изъ восьмого этажа моей конурки, именованнейся апартаментомъ-номера сорокъ-четвертаго, и нагнулся изъ окна надъ улицей, смотря, какъ уйдетъ Лаврентій. Внизу онъ показался

снова уже въ ливреѣ барона Ротшильда, которую онъ, очевидно, оставилъ у привратника. Онъ ловко застегнулъ золотыя пуговицы на блѣдно-голубомъ кафтанѣ, съ малиновыми отворотами, загнулъ на бекрень круглую, съ кокардой сѣтельнаго и магическаго герба, шляпу, подтянулъ на рукахъ перчатки, вынулъ, не спѣша, на послѣдней ступенькѣ крыльца, знакомую уже душистую «баядеру» — закурилъ ее отъ сигары какого-то прохожаго полковника, оставленнаго имъ однимъ легкимъ кивкомъ головы, заложилъ руки въ карманы, и пошелъ, гордо поглядывая, въ толпѣ праздныхъ зѣвакъ, всякаго отѣнка и всякихъ націй и возрастовъ. И гдѣ были въ это время мысли смиреннаго Лаврухи? Во Всесвятскомъ? въ Мазаской ли тюрьмѣ? У сестринаго ли мужа въ Миргородѣ или гдѣ на теплой, давно-оставленной печкѣ какой-нибудь бѣлокурой Гали или черноволосой Насти?

Въ Россіи я прожилъ уже два мѣсяца осени 1860 года. Варшава и Польшье, поѣздка по шоссе на Кіевъ и Царства Польскаго, между сплошныхъ зеленыхъ вѣковѣчныхъ дубравъ, стонавшихъ тысячами птичьихъ стонотъ, съ перелѣгавшими черезъ бѣлое полотно свѣжей новой дороги лисицами и какими-то еще темно-сизыми, пушистыми звѣрками, величиной съ большую кошку; потомъ возвратъ на родимый хуторъ на парходикѣ новаго общества, по Диѣриу, еще въ полую воду его картинныхъ береговъ, то плоскихъ и песчаныхъ, то крутыхъ съ лѣсами и скалами, — все это нелькнуло и смѣнилось тихой жизнью маленькаго домика среди ровной, гладкой и окаймленной однимъ небомъ поляны, у маленькой рѣчонки.

Но моя родина въ это время уже была полна давно ожидаемыми слухами. Въ воздухѣ было чутко, хотя все ждало и жило по-старому. Сосѣдній священникъ съѣздилъ въ городъ и привезъ кстати мою почту. Я кинулся къ газетамъ. Въ кучѣ почтовыхъ пакетовъ мелькнуло письмо съ заграничнымъ знакомымъ штемпелемъ и французскою почтовою маркой, на которой хорошо сразу узнался и бонапартовскій примелькавшійся глазамъ профиль, и его знакомая борода. Пока мой гость раскуривалъ трубочку и собирался вторично заговорить о шпенечкѣ, обѣщанной ему не въ зачетъ прежнихъ субсидій, я распечаталъ письмо. Оно было отъ Лаврентія Блищенко изъ Парижа.

Вотъ оно.

«Милостивый государь, Александръ Сергѣичъ! Милостію Божіею, нашъ баринъ Аркадій Андреевичъ Дольскій, въ больнице Свѣтлѣи Маделены, сего дванадесятаго августа, 1860 года, помѣръ. Жизнь ихъ была при жизни злосчастна, а смѣръ и тѣмъ наче. Я пахаранилъ ихъ на своей шибѣ; последен дѣныги стратилъ, равно-жѣ какъ и на личіе ихнее. Силы души моеи нету — а разказать трудно о ихъ канчинѣ — почти какъ нище скапчалисъ. Но Богъ меня за нихъ не оставитъ. Напишите при чемъ миѣ быть. Я больно часто отлучался для нихъ отъ должности, и уже миѣ отказали отъ службы у барона, — а дворникъ, что былъ ниже меня по леснице, слукавилъ и теперь взялъ мое мѣсто. Я же почти опять безъ куска хлѣба. Не напишите ли вы мнѣ господамъ Софьѣ и Александру Аркадьевичамъ; пусть мене вазьмутъ, наймутъ, а я имъ за деньги на возвратъ на родину мою въ Рассею отслужу. А я ихъ батеньку досмотрѣлъ до конца, и живата маво не жилѣлъ; а готовъ и опять имъ служить по найму, либа пусть мене земли дадутъ, какъ тутъ пишуть и слыхать про законы. Вы же ихнимъ милостямъ припомните, что я и ихнія милости выносилъ на рукахъ; а Ликсандра Аркадьичъ мене когда-то шута волосы прожгли... Вашего благородія усердный слуга Laurent.—Septembre 9. 1861. Paris».

По отысканію адресу я сейчасъ написалъ подробно къ вдовѣ неимѣвшаго чина отца г. Дольскаго. У нея точно жили прежде ся впуки; но она умерла, и вмѣсто нея миѣ отвѣтила какая-то госпожа маіорша Скрыбина, что наследники Дольскіе живутъ въ большой бѣдности — сынъ Александръ служилъ въ пѣхотѣ, а нынѣ въ отставкѣ, по случаю огорченія отъ товарищей заливаетъ, приять однимъ купцомъ въ откупъ, находится въ Ризани по акцизной части дистанчнымъ, но гдѣ онъ именно живетъ, Скрыбина не знаетъ, а что сестра его была въ Пижнемъ замужемъ за мелкопомѣстнымъ дворяниномъ Горниковымъ, нынѣ овдовѣла, живетъ въ Калугѣ, въ пожилцахъ, или компаньонкахъ, на Московской улицѣ, въ домѣ почетной гражданки Стрѣшневой. Я написалъ къ госпожѣ Горниковой письмо въ январѣ, а въ апрѣлѣ этого 1861 года получилъ отъ нея слѣдующее письмо, писанное очевидно смѣлою и бойкою, но безграмотною до тошноты рукою военнаго писаря,

бьющаго въ составленіи писемъ отъ солдатокъ, горничныхъ и неутѣшныхъ вдовъ изъ дворянокъ на краснорѣчіе, а подписанное странными каракулями самою дочерью покойнаго Дольскаго, умершаго въ больницѣ св. Маделены въ Парижѣ, давно еще владѣльца степныхъ полтавскихъ угодій и трехъ-сотъ душъ во Всесвятскомъ... Боже! И отецъ съѣздитъ искать наслажденій въ Неаполь, въ Байскій заливъ, по той триумфальной тропѣ, по которой ѣздили во времена сказочной древности сказочные императоры Рима! Жалкая отрасль угасающихъ дворянскихъ родовъ...

«Милостивый государь и преусердный благодетель и благотворитель мой! Вашему Высокоблагородію благоугодно было въ вашъ вояжъ во Францію павестить мѣсто жительства нашего покойнаго родителя, но не известились мы, видѣли ли вы его, но видѣли-ли, а холопа и слугу нашего Лаврушку Блинченко нашли-же. Преусерднейше и низкающе кланяясь вамъ, а мы васъ тоже не зная, въ слѣдствіи отношенія Вашего Превосходительства отъ сего истекшаго января 16-го дня 1861 года, имѣемъ честь всенижающе извѣстить. Теперь уже вышло положеніе вышшихъ властей о крестьянахъ и дворовыхъ, а такъ какъ оный бѣглый нашъ холопъ Лаврушка обязалъ намъ прослужить въ полномъ повиновеніи господамъ еще два года, или-же платить намъ оброкъ, заплатя-же и за истекшіе двенадцать годовъ оброкъ-же, какъ и слѣдуетъ понимать оныя законы, то мы съ братцемъ Самею списались черезъ добрыхъ нашихъ благотворителей, купца Должикова и купца Ножикова, и положили черезъ васъ, высокоуважаемый генералъ, просить: о высылкѣ по этапу изъ города Парижа, Франціи французскаго королевства, въ Россію въ горотъ Калугу въ домъ ночтныя гражданки Стрешневой, онаго бѣлаго и безначпортнаго бродяги нашего изъ дворовыхъ Лаврентія Данилова сына Блинченка. И буде онъ прибудетъ по этапу, то уплатя намъ за двенадцать летъ оброкъ, и два года отслужа, или-же заплатя тоже, то мы ему дадимъ вольную. Ваше-же Превосходительство просимъ извѣстить насъ не оставить въ томъ-же времени безотлагательно, куда намъ обратиться черезъ какого посланника или амбассадера, о зысканіи по законамъ съ итальянцевъ, и французовъ, и съ кого именно, буде вамъ извѣстно, за укрывательство и нередержательство въ сіи двенадцать лѣтъ и семь мѣсяцевъ.

безпачиортнаго и блага нашего слуги и подданнаго Лаврушка Блинченко. Ему-же мы обѣщаемъ наше прощеніе и благословеніе. А тетка его и сестринъ мужъ также померли. Сіе ему тоже скажите.—Мы-же преусердѣннѣе и нѣжающе еще къ вамъ прибѣгаемъ: извѣстите, есть-ли у васъ супруга, или дѣти, или мать, или тетунка, дабы мы знали, за кого Бога молить. А когда место мнѣ или братцу найти можете въ вашихъ окрестностяхъ, и того преусерднѣйше принесемъ за васъ мольбы ко всевышнему. — Апрѣля 10 дня, 1861 года.— За не грамотную, ея собственною рукою подписано составителемъ письма отъ ея особы: «*Софья Горшкова*». — Приписка въ концѣ послѣдней страницы: «У насъ въ городѣ Калугѣ живетъ Шамиль. Не вы-ли содѣйствовали къ его плѣну? Мы читали вашу фамилію. Помогите же и о Лаврушки» *).

Снявъ точную копію съ этого письма, я послалъ подлинники въ Парижъ и вскорѣ получилъ прѣвеселую записку отъ москѣ Лорана. Онъ извѣщалъ о своемъ счастьи, что интриги дворника Ротшильда снова побѣждены, что онъ получилъ снова прежнее благоволеніе барона и его старшаго клерка, даже еще болѣе прежняго, именнно, ему обѣщали мѣсто правителя фермы на дачѣ барона въ Перигѣ, что на зиму они снова будутъ въ Парижѣ, а теперь пока ѣдутъ на воды на островъ Теръ, а оттуда въ Туринъ къ сестрѣ его новой госпожи, гдѣ онъ надѣется увидѣть Гарибальди, и что изъ Турина онъ отпросится у своей хозяйки на поклоненіе къ мощамъ Микола чудотворца въ Неаполитанское бывшее королевство, въ градъ Бари, а тамъ—«*что Богъ дастъ*».

Новаго своего адреса москѣ Лоранъ мнѣ теперь не перодалъ, и потому, вѣроятно, къ узнанію о дальнѣйшей его судьбѣ надо считать слѣды окончательно утерянными.

1861 г.

*) Мои хъ однофамильцевъ при отчетахъ о взятіи Шамилія—не упоминалось.

СЕЛО СОРОКОПАНОВКА.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДЕПУТАТА ***).

«Ходитъ птичка весело
«По тропникѣ бѣдствій,
«Не предвиди отъ сего
«Никакихъ послѣдствій!»
(Изъ одного альбома.)

Я объѣзжалъ свой депутатскій участокъ въ*** уѣздѣ, съ цѣлью собранія свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ, для обсужденія губернскаго комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Волѣ двухсотъ имѣній стояло въ моемъ спискѣ. Много было досадныхъ случаевъ. Иного владѣльца не застанешь дома, — а ѣхать часто приходилось версты за семьдесятъ. Другого и застанешь, да не вдругъ уломаешь отвѣтить на печатную программу; надъ всѣмъ оиѣ задумывается. Нѣсколько владѣльцевъ, въ томъ числѣ двѣ барыни, даже вовсе отказались отвѣчать; они были — неграмотные. Дѣло, впрочемъ, извѣстное — стоить только пустить повѣстку, что вотъ-молъ любопытно узнать, сколько въ такомъ-то округѣ рабочаго скота? — «А, — подумаютъ владѣльцы, — тутъ чтѣ-то неладно; это налогомъ обложить хотятъ!» — И въ отвѣтахъ на повѣстки окажется, что въ уѣздѣ вовсе нѣтъ рабочаго скота.

Описавъ имѣнія покрупнѣе, съ псарнями, винокурнями, сахарными заводами и музыкантами, изъ міра каменныхъ палатъ, башенъ съ звонящими часами и размалеванныхъ сельскихъ конторъ, я на время спустился въ міръ крошечныхъ мелкопомѣстныхъ захолустьевъ — поѣхалъ по хуторамъ и хуторочкамъ...

Хутора... много вы взмѣшились съ тѣхъ поръ, какъ среди васъ жили незабвенные Аонасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна. Конечно, и донынѣ въ вашихъ зеленыхъ весяхъ, безданно и безошливно коптя православное небо, живутъ многіе родные по крови этихъ милыхъ «младенцевъ-стариковъ». Но все ужъ не то. Тѣ же тихіе домики, и также тутъ ѣдятъ и пьютъ, а много воды утекло и многое измѣнилось.

Со мною, въ качествѣ секретаря и землемѣра, ѣхалъ шкото Абрамъ Ильичъ Говорковъ.

Съ нимъ мы, между прочимъ, завернули въ многовладельческое село Сорокопановку.

— Что это за Сорокопановка? странное имя!—сказалъ я Говоркову, когда мы спустились съ зеленого холма и поѣхали ровною, гладкою стѣнью.

Скоро засвѣжѣло. Близки были поемные берега большой рѣки. Лугъ, весь въ тростникахъ и оверахъ, шелъ по лѣвому берегу. Правый былъ гористый. Съ этого-то правого берега приходилось намъ подъѣзжать къ Сорокопановкѣ. Ни облачка на небѣ. Только вдали гдѣ-то нахлобучилась сизая туча, и наискось падали изъ нея полосы дождя... А это что? Не то овцы, не то дикіе гуси. Подъѣзжаемъ ближе. На зеленомъ раздольѣ, мѣрно выстроившись въ рядъ, ходила стая журавлей... Вотъ они завидѣли насъ, остановились; всѣ головы вытянулись; всѣ слѣдятъ за нами. Но мы ихъ не спугнемъ. Они опять склонились и длинными носами долбятъ землю, должно быть, подбирая народившуюся гусеницу или кузнечиковъ.

— Сорокопановка,—заговорилъ Абрамъ Ильичъ:— какъ мнѣ ее не знать! Вотъ это что: здѣсь испоконъ-вѣка живутъ мелкопомѣстные панки. Какъ будемъ ѣхать, увидите три глубокихъ оврага. Гдѣ эти яры сошлись, тутъ она и начинается; все хатки да хатки, и въ каждой помѣщикъ или помѣщица со своею дворней. Такъ здѣсь жилось еще при Екатеринѣ. Говорятъ, что шутникъ Потемкинъ поселилъ здѣсь какихъ-то маѣровъ, числомъ ровно сорокъ, за какое-то отличіе изъ цѣлой арміи, и далъ всѣмъ дворовыхъ и землю. Село назвали сперва Маѣровка; но въ простонародьи, да и сами поселенцы прозвали потомъ свою деревню Сорокопановкой, отъ сорока панковъ, ея обитателей; такъ она и теперь зовется. И какой это все народъ забористый

и съ гоноромъ! Еще ихъ дѣды, первые поселенцы, никому не давали проѣзда: а эти, хотя и болѣе тихаго нрава, да все байбаки и себѣ-на-умѣ. Полиціи спуску не даютъ, и многіе буяны. Промежь нихъ мало грамотныхъ. Иного даже и не отличишь отъ мужика. Папаетъ землю, ѣздитъ ямщи-комъ. А спросишь—дворяншигъ. У рѣдкаго больше двадцати-тридцати десятинъ земли; а дворянъ есть у каждаго. Господа и слуги ѣдятъ вмѣстѣ, даже иные живутъ въ одной хатѣ. Страшныя прозвища повывелись черезъ браки. Иной выдалъ дочь, самъ умеръ, а зять на его мѣсто сѣлъ со-стороны. Другіе продали участки и выѣхали въ городъ. Но есть еще между ними и старые люди...

— Чѣмъ же они болѣе живутъ?

— Такъ, болѣе ничѣмъ. Иной цѣлый день трубку куритъ, лакей ее перемѣняетъ, да чешется у двери. Другой лошадыми торгуетъ,—суцій цыганъ. Барыни сѣютъ бакши, огороды содержатъ; барынини грандъ-пасьянсъ въ карты расклады-ваютъ, про жениховъ гадаютъ. Неурядица у нихъ страшная. Никто не хочетъ уступить и покориться старшему. Хотѣли-было завести у нихъ какое-нибудь начальство, да стали въ раздумѣ: къ какому роду общества отнести такой поселокъ? Городъ не городъ, деревня не деревня. Будь это мѣщане, въ посадъ бы ихъ обратили; будь вольное крестьянское село, выбрали бы изъ обывателей голову, сотскаго или старосту. А то вѣдь, что ни дворъ, то и помѣщикъ. Созовутъ жите-лей въ уѣздъ:—«Выбирайте себѣ голову или сотскаго!»—«Вотъ еще, пойдѣмъ мы въ сотскіе! Мы дворяне!»—И дѣлай съ ними, что хочешь. Такъ и не выбираютъ себѣ началь-ника. Шумъ, гамъ,—наѣдетъ становой, такъ насилу выбе-рется; иной разъ и обывательскихъ лошадей не достанетъ, хоть пѣшкомъ за десять, за пятнадцать верстъ въ казенную слободу иди. А тяжбы? Однажды судились два сорокопа-новскихъ панка. Дѣло въ томъ, что или они откуда-то съ фурами и одинъ другому далъ, во время жары, на сохра-неніе тулунъ, а тотъ его взялъ да и пропилъ въ первомъ кабакѣ, пока его пріятель тамъ же лежалъ безъ ногъ. Надо было передъ становымъ доказать, что одинъ у другого взялъ тулунъ и отдать его назадъ.

— А вѣдь мы же или?—спрашиваетъ истощъ.

— Или.

— Мнѣ же стало душно?

— Стало.

— И-жъ тебѣ его отдалъ?

Отдалъ.

— И ты же его взялъ?

— Взялъ.

— Гдѣ же онъ?

— Чтѣ?

— Тулуиъ.

— Какой?

— Что я тебѣ даль.

— Когда?!

Минута молчанія. Истецъ переводитъ духъ и начинаеть снова:

— А вѣдь мы же шли?

Шли.

— Мнѣ же стало душно?

— Стало.

— И-жъ тебѣ его отдалъ?

— Отдалъ.

— И ты же его взялъ?

— Взялъ.

— Гдѣ же онъ?

— Чтѣ?

— Тулуиъ?

— Какой?

— Да что я тебѣ даль.

— Когда?!

И дѣло опять начиналось словами: «а вѣдь мы же шли?» Становой кончилъ тѣмъ, что позвалъ «дневальныхъ» и обонихъ тяжущихся выгнать.

Но вотъ и сама Сороконановка.

Я высунулся невольнo изъ крытой петочаики и вольгѣ остановиться.

Лѣвый берегъ рѣки шелъ вдаль, весь затопленный плѣсами еще недавняго половодья. Мы были на правомъ. Пока кучеръ управлялъ лошадей, мы встали въ сторонѣ. Мой спутникъ прищурился и улыбнулся.

— Вотъ помещикъ Куличокъ,—сказалъ онъ, тыкая пальцемъ въ воздухъ:—онъ высѣкъ сосѣда за карточный долгъ; а вотъ и его высѣченный сосѣдъ Бѣлонятый: живутъ они теперь дружно. Вонъ, гдѣ видны крылья мельницы, живетъ

престарѣлая дѣвушка, Любовь Вѣщеславская, писательница и поклонница всякаго рода птицъ, глѣвичихъ и простыхъ, отчего ея домъ напоминаетъ собою рай или, скорѣе, лавку московскаго охотнаго ряда.

Больше получаса Абрамъ Ильичъ, какъ демонъ въ легендѣ великаго поэта, рассказывалъ исторію крошечныхъ домиковъ, сидѣвшихъ бочкомъ и въ разсыпку по зеленѣющимъ косогорамъ. Всѣ они топили въ садахъ. Кое-гдѣ торчали бревна колодезныхъ журавлей, скворешницы, бѣлыя избы и опять сады.

— Чьи эти два чистенькіе дворика? — спросилъ я Горькова.

Дворики, какъ оказалось, принадлежали двумъ сорокопановскимъ дамамъ, Дарья Адамовна Павловой, съ лѣвой стороны рѣки, и Дарья Адамовна тоже Павловой, съ праваго берега рѣки. Какъ ни страшенъ случай, но должно прибавить, что сосѣдки, жившія другъ противъ дружки черезъ рѣку, дѣйствительно носили одинакія имена и фамиліи, хотя не были сродни другъ другу и не имѣли рѣшительно ничего схожаго. Потомство этой фамиліи ископи существовало и по лѣвую, и по правую сторону рѣки. Эти дамы были, притомъ, совершенно разнаго характера. Дарья Адамовна, съ лѣвой стороны, была подвижная и румяная, съ носомъ, торчавшимъ вверхъ; затѣйница подтрунить на чужой счетъ, затѣйница устроить свадьбу или небывалую ссору въ посторонней семьѣ и потомъ весело и беззаботно обо всемъ посплетничать. Дарья же Адамовна, съ правой стороны, хотя была также ничуть не прочь и подтрунить, и устроить свадьбу, и посплетничать,—но зато почти никогда не улыбалась, не вертѣлась, все дѣлала молча и сурово, безъ смѣха и прибаутокъ, и даже была нѣсколько надка къ меланхоли... Иначе, Дарья Адамовна, съ лѣвой стороны, была, какъ о ней выражались въ Сорокопановкѣ, Дарья Адамовна Комедія, а Дарья Адамовна, съ правой стороны—Трагедія.

Въ то время, какъ сосѣди этихъ помѣщицъ съ обихихъ сторонъ рѣки занимались хлѣбонашествомъ, иной разъ сами ходили за бороною и плугомъ, сами ковали лошадей и держали шерсть съ козъ,—сосѣдки предоставляли свое хозяйство двумъ задорнымъ и зубастымъ работницамъ, а сами только гадали на картахъ про молодыхъ пожирателей дѣвичьихъ спокойствій или, какъ говорили тамъ о нихъ, про

«пенасытцекихъ сердцеѳдовъ» и «безпардонныхъ сумасво-
довъ», и проводили время въ пріятныхъ разговорахъ... Въ
то время, когда рѣчка замерзала или поресыхала, онѣ по-
сылали по вечерамъ просить другъ дружку «на свѣчку»,
то-есть посидѣть, поболтать и поработать выѣстѣ, не вводя
себя въ лишній изыскъ на освѣщеніе; когда же рѣчка вес-
ной пынно стремилась свои воды межъ родныхъ береговъ,
онѣ выходили, черезъ огороды, на пустой еще берегъ, и
переговаривались другъ съ дружкой черезъ рѣку...

— Ну, какъ же тамъ у васъ все идетъ?—вѣжливо па-
чинала Дарья Адамовна Трагедія, поглядывая черезъ рѣчку
и сурово шевеля спицами шерстяного чулка.

— Да ничего, тетенька, очень хорошо,—отвѣчала Дарья
Адамовна Комедія, веселымъ и почтительнымъ тономъ,
также шевеля спицами чулка.

— Ну, хорошо, хорошо... и терновку перелили въ бу-
тылки?

— Перелила...

— И солодь уварили, Дарья Адамовна?

— И солодь...

— Скажите! Вотъ какъ!.. Такъ, значить, и кабана по-
садили кормить къ розговѣнью?

— Посадила.

— Вотъ какъ! Скажите!.. Это очень даже, скажу вамъ,
любопытно, Дарья Адамовна!—произносила угрюмая сосѣдка,
то блѣдная, то красная отъ зависти.

— Да-съ, любопытно! а вамъ-то что, завидно, что ли,
тетенька?

— Ну, матушка, завидно, не завидно, а скажу вамъ по
правдѣ, что сегодня вашъ селезень переплылъ ко мнѣ въ
огородъ...

— Ну, такъ что-жъ что переплылъ?

— А то, матушка, что каналъ я буду, если не сверну
ему головы!—произносила Дарья Адамовна Трагедія, едва
шевеля отъ злобы спицами чулка...

— Ну, матушка, говорите это поповой кобылѣ, а не мнѣ!
Да я еще и посмотрю, какъ вы свернете селезню голову.

— А что, развѣ?

— Да то же, что каналъ и я буду, если и другому
кому тогда... не сверну головы!

— Какъ? такъ это мнѣ?—подхватывала Трагедія, задыхаясь отъ бѣшенства.

— Вамъ! именно вамъ!—язвила сосѣдка.

— Ну, тогда ужь позвольте вамъ послать куклины!—произносила Трагедія, протягивая руку въ направленіи къ лѣвому берегу рѣки.

— А при этой вѣрной оказіи позвольте послать и вамъ цѣдыхъ два!—кричала Дарья Адамовна Комедія.

Трагедія на это совершенно терялась и, помолчавъ, изъяснила убѣжденіе, что съ такою злодѣйкой, какъ ея сосѣдка, надо говорить мужику, а не дамѣ.

— А вы, Дарья Адамовна, кажется, просто мерзавка...—кричала противница.

— И, матушка! мерзавка, не мерзавка, только вѣдь ужь извѣстно, что у васъ иногда губы пухнуть...

— Какъ пухнуть? отчего? —спрашивала озадаченная Комедія: — это быть не можетъ, и я этого никогда не замѣчала!

— Можетъ-быть, только замѣчала это я! я! я!—кричала съ ожесточеніемъ Трагедія: —и еще я вамъ доложу, что вы въ спальнѣ въ шкапу держите водку и пьете ее на ночь, и отъ того у васъ носъ бываетъ краснаго цвѣта и глаза не свои.

— Тыфу!—плевала на это негодующая Комедія и, сказавъ: —бѣсъ, а не женщина!— уходила домой, переволнованная до глубины души.

Иногда, впрочемъ, такая бесѣда кончалась неожиданнымъ миромъ и каждая сосѣдка, сказавъ: «ну, матушка, вы себѣ, если хотите, гуляйте, а мнѣ пора за работу!»—расходились по домамъ. Но въ другое время, вслѣдъ за пишами, плевками и всякою перебранкой, утомленные барыни высылали на рѣку своихъ работницъ. Зубастыя бабы оглашали тогда окрестность не хуже зашальчивыхъ геросвъ Илиады.—«Да ты ужь замолчи!» кричала одна работница другой, стоя на илетьѣ огорода: «ты ужь замолчи, потому что я ужь знаю, какая ты!»—«Ну, а какая же я, какая?»—«Да такая же, какъ и твоя мать!»—«А какая моя мать? говори, сякая ты, такая! говори?»—«Да такая же, какъ и ты!»—«А я такая, сякая ты, такая?»—«Да такая же, какъ и всѣ вы!» И этотъ речитативъ, при сбѣжавшихся съ обѣихъ сторонъ рѣки зрителей, тянулся нескончаемо. Слободка долго вол-

новалась, раздѣлившись на два враждебные лагеря, ратующіе каждый за свою обывательницу и не знающіе пощады и снисхожденія...

Но таковы судьбы человѣческаго сердца! Подходили чьи-нибудь именины или крестины, и обѣ сосѣдки, если былъ случай переправиться черезъ рѣчку, встрѣчались снова друзьями, ухватившись за руки, чмокали другъ дружку въ губы, произнося: «ахъ, это вы, душечка! вотъ пріятный сюрпризъ!»

Разъ какъ-то (случилось это въ самую засуху) Дарья Адамовна Комедія прибѣжала послѣ обѣда, запыхавшись, къ Дарьѣ Адамовнѣ Трагедіи, залилась слезами и упала ей на грудь.—«Что съ вами, душечка?—спросила хозяйка.—«Ахъ, и не спрашивайте! Я такъ взволнована, такъ взволнована!—«Да что же тамъ такое?» Гостья достала платокъ, отерла глаза и, вынувъ изъ-подъ лифа письмо, сказала: «Вотъ послушайте, ангель! вотъ какой со мною сдѣлался неожиданный случай!»

Она стала читать:

«Къ хищницѣ отъ жертвы:

«...Милостивая государыня и, если смѣю такъ назвать, другъ не только мой, но и всего человѣчества, Дарья Адамовна! Успѣхи дружбы вашей ко мнѣ заставляютъ сдѣлать открытіе: я влюбленъ—голову совѣзмъ потерялъ. Разумѣется, вамъ участь: блаженство посланное, а моя? чѣмъ же я виновать? хоть въ рѣчку! сна не имѣю, цѣлую ваши ручки; если же когда вы обратите взоръ на меня, то прошу не откажите подарить меня вашей рукою; вы меня знаете; теперь же пришлите мнѣ нитокъ на кофточки, всего одинъ мотокъ и не забывайте дрожащаго

«Ивана...» (фамилію гостя прикрыла пальцемъ)

«а также и шерсти, только той, которую купили въ городѣ, а не вашей, а письмо держите въ секретѣ!»

Гостья кончила, но отъ волненія не могла произнести ни слова и сидѣла, потупись, какъ пойманная съ папироской пансіонерка...

— Ну, что же, шерчикъ, очень рада! — возразила суровая хозяйка: — женихъ нашелся, не надо улускать! вотъ и все!..

— Ахъ!—воскликнула гостья, и радостныя слезы сповзъ зачестили по ея щекамъ.

Вслѣдъ затѣмъ сосѣдки стали шушукаться и шушукались до того, что положили, наконецъ, увѣдомивъ милого жениха, начать дѣлать приданое...

Черезъ недѣлю послѣ этого рѣшенія, счастливая сосѣдка, получившая письмо, также сидѣла послѣ обѣда. Дверь открылась и въ ея комнату вошла Дарья Адамовна Трагедія. Эта вошла гордо, молча поклонилась и таинственно сѣла на диванъ... На ея рукѣ висѣлъ ея обычный ридикюль. Она раскрыла его стальную часть и стала оттуда вынимать на столъ разныя вещи. Вышелъ изъ этой части сперва клубокъ шерсти и двѣ огромныя деревянныя спицы съ начатымъ чулкомъ, вышелъ потомъ бронзовый наперстокъ, тамбурная иголка, оловянные очки, регулька для ковырянья въ ушахъ, пузырекъ съ нюхательнымъ табакомъ, клочка два ваты для затыканія ушей, стальной игольничекъ, ножницы и кирпичикъ, обернутый въ чехолъ, для припрятыванья работы. Суровая гостья разложила все это въ большой симметрии на столѣ, скинула питяныя перчатки, безъ пальцевъ, осѣдлала носъ очками и, вооружась спицами, произнесла:

— Ну, матушка, и я къ вамъ тоже... съ новостью!

— Съ какою? — спросила хозяйка, настороживъ уши, какъ моська въ то время, какъ, перележавъ всѣ бока у ногъ мечтающей хозяйки, она неожиданно услышитъ: «Жю-жю!» или «Фидель», ты философствуешь?» и подниметъ къ хозяйкѣ оскаленную мордочку...

Гостья оставила спицы, взглянула черезъ очки, сказала: «Ну, пропала и я, ма-шеръ», — вынула со дна ридикюля письмо и стала его читать:

«Хищникъ отъ жертвы:

...Милостивая государыня и, если смѣю такъ назвать, другъ не только мой, но и всего человѣчества, Дарья Адамовна! Не терзайте меня, а я готовъ сейчасъ жениться на васъ! У меня наслѣдство сорокъ десятинъ и мельница—жду отвѣта; не мучьте, потому что мучить можно муху или что-нибудь другое, но не мучьте меня, вѣрный другъ, дунечка! Слова ваши льются, какъ бы алмазы изъ вашей фортуны, когда васъ слушаю, и притомъ у васъ чисто русское сердце.

«Иванъ...» (фамилию госты прикрыла также пальцемъ).

— Что же это?—вскрикнула помертвѣлая Комедія.

— А что?

— Да одна и та же рука.

— Врете!

— Нѣтъ, вы врете.

Раздались двѣ звонкія пощечины, свалка. Полетѣли чопцы съ головъ. И снова Сорокопановка чуть не полгода была раздѣлена на два враждебныхъ лагеря.

— Ну-съ, Абрамъ Ильичъ, теперь за дѣло, — сказалъ я Говоркову, вѣхавъ въ Сорокопановку: — гдѣ списокъ? Тычко, Крячко, Магариченко... Съ кого бы начать?.. Оно, разумѣется, статистика тутъ мало чѣмъ поживится. Лѣсовъ и фабрикъ, конечно, не имѣется, сахарныхъ заводовъ, оркестровъ, промышленности и торговли — также. Однако, все-таки надо составить списки крестьянъ и дворовыхъ; измѣрить, хотя приблизительно, землю подъ ихъ усадьбами; спросить цѣну земель и строеній, узнать о содержаніи дворовыхъ... Вы послали сюда повѣстки съ печатными программами отъ предводителя?

— Какъ же-съ, послалъ.

— Куда же намъ ѣхать? гдѣ выбрать исходную точку своихъ дѣйствій? Не къ Павловымъ жѣ ѣхать...

— Советую къ Вѣнцеславской... Она образованнѣе другихъ. У нея и домъ побольше. Дворъ стоитъ въ роцѣ, за косогородъ, надъ рѣкой. Отъ нея можно послать повѣстки о явкѣ на съездъ и къ другимъ.

Мы поѣхали къ Вѣнцеславской.

Быль знойный полдень, когда несчапымъ прибрежемъ, мимо сорокопановскихъ дворовъ, домиковъ и хатъ, мельницъ и огородовъ, мы вѣхали въ опушку густой дубовой роци, круто взбиравшейся въ гору и примыкавшей къ общей околицѣ поселка. Въ этой роцѣ стояла глухая и невѣдомая міру усадьба Любови Павловны Вѣнцеславской.

Пробираясь между дубами и орѣшниками, между упругими ихъ корнями, издали мы замѣтили раза два мелькнувшую крышу новаго тесоваго домика. Скоро вѣхали по дворъ. Куча каменныхъ-то зданій, амбарчиковъ, голубятень, кладовыхъ и погребовъ — стояла по сторонамъ двора. За низенькимъ, длиннымъ домомъ видѣлся садъ, изъ котораго шли тропинки къ сорокопановскимъ дворамъ. Дворъ былъ чистъ, подметенъ и усыпанъ пескомъ. Среди двора пры-

гала, оставляя слѣды своихъ лапокъ, безхвостая ручная сорока. На перилахъ крытой галереи сидѣли двѣ тоже ручныя старыя совы. Туча голубей кружилась въ воздухѣ, спускаясь къ кровлямъ двора. На шнуркѣ вдоль галереи висѣли мѣшочки съ сушеными травами, распространявшими въ знойной тишинѣ разные полевые и лѣсные запахи. Мы остановились, какъ околдовавшіе, и самъ назойливый обывательскій колокольчикъ, издавъ неловкое теньканье, будто устыдился и замолчалъ... Вприпрыжку черезъ дворъ куда-то пробѣжалъ, какъ угорѣлый, огромнаго роста, рыжій голландскій пѣтухъ. За нимъ другой—бѣлый. Куры подняли гдѣ-то невообразимый крикъ.

Мы постояли, поглядѣли и пошли на крыльцо. Ни души не было и тамъ. Вдоль стѣнъ и у дверей крыльца, до самаго потолка, шли кѣтки съ разными птицами, и сколько ихъ было здѣсь: мохнатая, пестрая, кривоносыя, длинноносыя, большія, малыя и всякія, сидѣли и порхали по разнообразнымъ кѣточкамъ и кѣткамъ. Двѣ сойки взапуски передразнивали собаку; изъ-стѣда черныи, старый воронъ, какъ пѣкій магъ, сидѣлъ на скамьѣ у порога, уставя на воздухъ огромный носъ...

Мы прошли далѣе переднюю и еще какую-то комнату въ цвѣтахъ. Зала встрѣтила насъ низенькими комнатками, низенькими свѣтлыми окнами, какъ показалось намъ — будто даже неправильно расположенными, и кучею картинокъ, ярко озолоченныхъ полуденнымъ солнцемъ. Здѣсь были гравюры времяя Павла и Екатерины: иллюстрированная «Исторія Жильблаза», «Погибшая невинность Катерины Дуранси», «Малекъ-Адель», «Повѣсть о львѣ и дитяти», словомъ, десятки тѣхъ картинокъ, передъ которыми и теперь еще съ любопытствомъ останавливается рѣдкій посѣтитель подобныхъ мѣстъ, въ комнаткахъ, гдѣ случайно зажились лица или преданія прошлыхъ времяя. Вышитыя подушки на кушеткѣ, вышитыя сидѣнья на стульяхъ, коврикъ съ индѣйцемъ и турчанкою у фортепьяно,—дополнило обстановку залы.

Мы откашлялись. Сперва вѣзкала, также кашляя и волоча параличную ножку, престарѣлая, крохотная и совершенно разслабленная бѣлая болонка, съ глазами, до-чиста заросшими длинною шерстью. За нею вошла престарѣлая и тоже будто не слишкомъ здоровая, востроносенькая и ху-

денькая хозяйка, съ сѣдыми локонами, съ платкомъ въ рукѣ и въ зеленомъ ситцевомъ платьѣ, узоръ котораго представлялъ смѣсь какихъ-то цвѣтовъ и оленьихъ головокъ.

— Извините, господа, что я васъ заставила ждать!—заговорила сорокопановская барыня.—Я догадываюсь о причинѣ вашего прїѣзда... не такъ-ли?

Съ этимъ словомъ она присѣла на стулъ, приглашая и насъ садиться на диванъ. Мы обмѣнялись привѣтствіями и пояснили ей подробнѣе нашу цѣль.

— Ахъ, помилуйте, очень рада! Помилуйте, я никогда не прочь! Я всегда была готова; я даже губернатору не разъ говорила, что надо дать свободу нашимъ крѣпостнымъ людямъ. Даже мое стихотвореніе объ этомъ онъ хотѣлъ помѣстить тогда въ вѣдомостяхъ. Очень рада, господа, дать вамъ отвѣты на все. Вотъ видите, какою анахореткой я здѣсь живу. Съ той поры, какъ кончила курсъ въ пансіонѣ, я уже сорокъ два года здѣсь живу безвыѣздно, среди сада, цвѣтовъ и моихъ птицъ... Люди! Эй! Паланка, Оеська, кто тамъ?

На звукъ ея дребезжащаго голоса явились въ дверяхъ нѣсколько веселыхъ и улыбающихся головъ. Полныя, здоровыя, румяныя лица слугъ такъ и говорили: «жизнь наша хоть куда: ѣдимъ и спимъ мы вдоволь и будутъ ли также хороши наши дни послѣ, какъ теперь, у этой рѣдкой барыни, это еще вопросъ...»

— Кофею! Да отпрячь лошадей господъ чиновниковъ.

— Мы не чиновники, — вмѣшался Говорковъ: — они по выбору, а я частно занимаюсь землемѣрствомъ!

Хозяйка повернулась на стулъ, утерла носъ, запачканный табакомъ (она нюхала), и долго не могла сказать ни слова, глядя на насъ съ восторгомъ и такъ бы озадаченная приливомъ неожиданныхъ, бившихся Маружу, сладкихъ чувствъ.

— Да, да! — заговорила она:—наконецъ сбываются мои грѣзы, и я умру спокойно! Давно я ждала и думала... Наши крѣпостные люди будутъ свободны... Наконецъ-то, часъ пробилъ! когда же это совершится?

— Скоро-съ! комитетъ открытъ, и теперь его члены собираютъ послѣднія свѣдѣнія! Свѣдѣнія нужны черезъ... двѣ недѣли. Вы ваши отвѣты приготовили?

— Мои?.. Нѣтъ... Я не ожидала, чтобъ такъ скоро...

— Помилуйте, да повѣстка у васъ уже третій мѣсяць...

— Повѣстка?!—спрашивала сама себя добродушная старушка:—зачѣмъ же свѣдѣнія? Развѣ нельзя безъ нихъ?

Говорковъ вступился за канцелярскій порядокъ. Она задумалась. Потомъ встала, ушла въ гостиную и вынесла оттуда, въ пыли и совершенно оплетенную паутиной, повѣстку комитета, съ печатною программой.

И былъ озадаченъ.

— А ваши сосѣди, сударыня, господа сорокопѣловцы, приготовили свои отвѣты?—спросилъ я.

— И они, вѣроятно, какъ и я,—отвѣтила Вѣнцеславская.

— Нехорошо, Любовь Павловна!—отнесся Говорковъ:—а мы надѣялись на васъ. Какъ же теперь намъ быть?

— Ахъ, Боже мой! Мнѣ право совѣстно! Какъ же тутъ помочь? Ахъ, право досадно и совѣмъ совѣстно!..

И она стала набивать носъ душистымъ табакомъ, отъ котораго распространился по комнатамъ запахъ жасмина...

— Дѣло простое, — вмѣшался я: — всѣ почти владѣльцы Сорокопѣловки имѣютъ развѣ однихъ дворовыхъ. Значить, намъ нужны свѣдѣнія только о числѣ дворовыхъ людей, о ихъ содержаніи, о ихъ усадьбахъ и работахъ. Списокъ дворовыхъ мы уже получили по вашему селу изъ казначейства. Остается намъ сообщить о ихъ содержаніи, и о работахъ и оцѣнить ихъ усадьбы, а мы измѣримъ хотя приблизительно вашу подусадебную землю по каждому двору...

— О содержаніи, о работахъ, цѣну усадьбамъ?—повторяла про себя въ раздумьѣ хозяйка:—гдѣ же тутъ опредѣлить? Жили у меня, Фан мое, ходили въ моемъ, какъ тутъ считать!.. Да тутъ и на цѣлый годъ будетъ работы, а не на двѣ недѣли...

И она развела руками.

— Да у меня же и земли кстати пѣтъ, — продолжала она: — есть домъ и кухня, да садъ, да и только; люди живутъ въ кухнѣ, ѣдятъ постное и скоромное... Какъ тутъ высчитать? Право, какъ тутъ опредѣлить? А впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете...

Мы стали ее утѣшать, что нужныя свѣдѣнія соберемъ въ одинъ, а уже много въ два дни. Она опять понюхала табакъ и задумалась...

Подали кофе, потомъ завтракъ, и не оглядываясь, какъ подали и обѣдъ. Мы сидѣли и толковали о старинѣ. Говор-



номъ колениковомъ платьѣ и такомъ же чепцѣ, съ огромною нижнею, почти коровьею губою и сѣрыми глазами навывать, ходила тутъ же, съ палкою, судорожно подергивая на рукѣ ридикюль, изъ котораго торчали бумаги. Другая дама, въ голубой полинялой шляпкѣ, блѣдная, но съ черными южными глазами и черными густыми бровями, стояла также въ этомъ обществѣ, будто понавѣ сюда невзначай. Это были: старикъ Свербѣевъ, дамы — извѣстныя уже Трагедія и Комедія.

А между тѣмъ, вдали стали показываться и другія лица. Съ горы отъ мельницъ шли: неслужащій дворянинъ Чубченко, съ неслужащимъ же сыномъ Чубченкомъ-младшимъ, оба съ виду простые мужики, въ простыхъ мѣщанскихъ свиткахъ и съ длинными бородами. Отъ моста близъ рѣки отдѣлилась группа новыхъ дамъ, предводимыхъ огромнаго роста усатымъ господиномъ, въ красной рубахѣ, ополченскихъ сапогахъ и съ эспаньолкой. По хлыстику въ его рукахъ, а болѣе, разумѣется, по эспаньолкѣ, нельзя было не узнать въ немъ общаго вздыхателя и сердцеѣда. Всѣ эти лица молча подходили, едва намъ кланялись и, перешептываясь, отаивали въ сторонѣ. Всѣ съ подозрительно недовѣрчивымъ вниманіемъ слѣдили за нашими дѣйствіями.

Такъ, я думаю, слѣдили японцы отважныхъ мориковъ, нѣкогда смѣло отводившихъ себѣ квартиры въ недоступныхъ дотолѣ Иедо и Нагасаки; такъ и индійцы времянь Кортеса встрѣчали бѣлыхъ пришельцевъ на берегахъ своихъ заповѣдныхъ рѣкъ...

Работа шла своимъ чередомъ. Никто непрежнему не рекомендовался. Солнце обливало даль, сады, кровли домиковъ и насъ самихъ яркими лучами.

Первый отозвался подпоручикъ Свербѣевъ.

— На-а-звольте-съ! вы, кажется, не такъ уголь взяли! — замѣтилъ онъ Говоркову.

— Чего-съ? — свирѣпо огрызнулся Абрамъ Ильичъ, поднявъ отъ колышка палитое кровью и озлобленное лицо.

— Надо взять вотъ какъ... Когда я былъ въ плѣну у Шамиля, онъ попросилъ меня снять видъ своего гарема... Ну, я и снялъ.

— Можетъ быть, можетъ быть! — возразилъ со вздохомъ Говорковъ, докидывая послѣдній уголь.

Группы оживились.

— Вотъ трудолюбіе!—отозвалась Винцеславская.

— Да-съ!—подхватилъ чей-то женскій голосъ:—за жалованье можно!

Сказавшую поспѣшно остановили. Свербѣевъ принялся помогать Говоркову. Пошла общая бесѣда. Изъ воротъ Дарья Адамовны Комедіи вынесли стулья; кое-кто сѣлъ. Явился коверъ, нѣсколько лавокъ. Всѣ сѣли. Новые знакомцы къ намъ присмотрѣлись, стали разговорчивѣе.

— Да не вышить-ли, господа, тутъ же и чаю?—спросилъ кто-то изъ толпы.

— Отлично, отлично!—отозвались голоса.

Пошли за самоваромъ и за чашками. Дарья Адамовна Трагедія побѣжала за сливками.

Всѣ усѣлись съ печатными программами вокругъ стола. Чернильница отца Павла поставлена передо мною, явились перья и бумага.

— А что, господа-депутаты, — сказалъ Свербѣевъ: — мы люди простые, гдѣ намъ постигать ваши статистическія тонкости. Вы намъ диктуйте, а мы будемъ писать...

Я улыбнулся.

— Этого нельзя!

Винцеславская разливала чай; какая-то дѣвица курила папиросу за папиросой. Всѣ пріумолкли. Я объяснилъ данныя мнѣ отъ комитета инструкціи.

— Что, господа, откладывать! берите перья. Пишите въ клѣткахъ противъ ревизскихъ душъ, сколько у кого крестьянъ и сколько дворовыхъ.

— Да у насъ почти у всѣхъ одинъ дворецъ...

— Такъ и пишете, дворовые.

Всѣ написали; пошли толки. Павлова-Трагедія объявила, что у нея всего одна душа, мужского пола, отличный поварь, но что онъ уже два года содержится въ губернскомъ острогѣ и что она его показываетъ теперь потому, что онъ большихъ достоинствъ и что она надѣется получить за него выкупъ. У Павловой-Комедіи по ревизской сказкѣ оказалось другое любопытное явленіе: у нея было три души женскаго пола—бабка 50 лѣтъ, дочь ея 28 и внучка 14, хотя первая двѣ значились *незамужними*.

— Теперь, господа, сколько у кого грамотныхъ?—отнесся я: — какіе вамъ платятъ оброки, сколько у кого недоимки,

и во что обошлось кому обученіе ремеслу или мастерству вашихъ дворовыхъ?

Написали и это. Свербѣевъ, между прочимъ, хватилъ, что ему обученіе кузнеца обошлось въ 1000 руб. серебромъ...

— Бога вы не боитесь, Сысой Ивановичъ, — усмѣхнулась Павлова-Трагедія, заглянувъ въ его бумагу: — ну, гдѣ же тысячу? Да вашъ Парфенка обучался за харчи...

— Ну, такъ сто рублей! — смягчился, глядя на меня, Свербѣевъ.

— Пишите тридцать цѣлковыхъ и basta! — отрѣзала отецъ Павелъ: — и то широкогато.

Свербѣевъ молча вписалъ въ клятку 30 и вздохнулъ. Между тѣмъ, Дарья Адамовна Комедія задвигалась по стулу, собираясь что-то сказать.

— Что вамъ, сударыня? — спросилъ я.

— Я, право, не знаю, какъ тутъ быть! — сказала она: — двѣ ревизіи сряду у меня люди были показаны при сорокапяти десятинахъ земли, а у меня земли, кромѣ усадебной, нѣтъ уже давно, болѣе двадцати лѣтъ, ни клочка...

— Въ острогъ, матушка, въ острогъ засадятъ! — бухнула Свербѣевъ, подмигивая на остальныхъ.

Число господскаго и крестьянскаго скота, количество земли пахотной, сѣнокосной, лѣсной и выгонной также было записано примѣрно. Всѣ справлялись другъ у друга, вписывали и не замѣтили, какъ въ полчаса съ небольшимъ главные статьи программы были рѣшены.

— Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ полевыхъ и усадебныхъ участковъ, — сказалъ я: — а также къ настоящему положенію.

Всѣ стали въ духѣ. Бесѣда не умолкала.

Вечеръ лилъ потоки огня и, казалось, не хотѣлъ сходить съ неба. Даже обѣ Павловы повеселяли и дружно разговаривали.

— Вы, Сысой Ивановичъ, первый назначайте: по чему кладете десятину пахотной земли? — спросилъ отецъ Павелъ Свербѣева.

— А по чему? Меньше нельзя, какъ сто цѣлковыхъ: вѣдь это на вѣчныя времена отходить.

— Какъ сто?! — Полтораستا!.. — отозвался чей-то голосъ, и всѣ за нимъ занумѣли и никого уже нельзя было разслушать.

— Меньше двухсотъ нельзя! — до охриплости и съ нѣмой

у рта кричала незамѣченная до тѣхъ поръ, совершенно сморщенная старушка, безъ одинаго зуба во рту и съ чернымъ зоптикомъ: — нельзя! какъ можно, и того мало... и того... Вѣдь это наше, наше! Да говорятъ же вамъ—наше! Триста... Меньше трехсотъ нельзя!

Она расплакалась.

— Полноте, гдѣ же слыханы такія цѣны,—сказалъ я:— вы на себя накличете бѣду, вызовете недовѣріе правитель-ства...

Всталъ Свербѣевъ.

— Нѣтъ, ужъ па-а-звольте; вотъ, напиримъ, мой хлыстикъ: онъ стѣитъ въ лавкѣ цѣлковый—да купецъ-то можетъ за него просить хоть пятьдесятъ. Спросъ мѣры не знаетъ. Когда я былъ въ плѣну у Шамиля, онъ одинъ разъ и говоритъ: что, говоритъ, можно взять за этотъ архалукъ?..

— Ну, пошла коза на базаръ!—возразилъ священникъ.

Всѣ были въ замѣшательствѣ.

Я пустился объяснять, какъ цѣнятся земля. Всѣ соглашались со мной. Но цѣну требовали все-таки невозможную. Уже въ сумеркахъ помирились на 75 цѣлковыхъ.

— Засѣданіе закрывается!—сказалъ я, раскланиваясь:— завтра надо будетъ по планамъ опредѣлить величину усадебныхъ участковъ cadaго. Абрамъ Ильичъ займется этимъ съ утра и къ обѣду все кончить.

Всѣ встали, удивляясь, какъ это скоро все кончилось.

Всѣ начали наперерывъ приглашать меня и Говоркова, кто на ужинъ, кто на ночлегъ, кто на все время пребыванія нашего въ Сорокопановкѣ на квартиру. Но мы отказались, не желая обидѣть прежней хозяйки, Вѣнцеславской, непокидавшей меланхолическаго выраженія своего маленькаго лица. Всѣ изъявили желаніе провести насъ до ся дома. Мѣсяць взомель и обливалъ яркимъ свѣтомъ сады и тихія улицы. Соловьи пѣли, прерывая наши толки о содержаніи дворовыхъ, о ихъ одеждѣ и обуви и о цѣнности усадебъ. Дарья Адамовна Трагедія распространялась о стоимости сѣрыхъ штановъ для повара Терешки, а неграмотный Чубченко-сынъ — о цѣнности башмаковъ и юбокъ отцовскихъ работницъ. Вечеръ закончился катаньемъ по рѣкѣ на лодкѣ отца Павла, причемъ Свербѣевъ не преминулъ заломить фуражку съ кокардой на бекрень и затянуть волжскую пѣсью, а потомъ вкленлъ рассказъ о катаньи на лодкѣ по ка-

кой-то рѣкъ у Шамили. И когда отецъ Павелъ сказалъ запросто: «врешь, Сысой Ивановичъ, на Кавказѣ такихъ рѣкъ нѣту!» подпоручикъ прибавилъ: «Есть, хотя мы еще до нихъ не доходили!».

Влаженные, тихіе уголки! Свербѣева вообще слушали по безъ любопытства. И никто во всей Сорокопановкѣ (не перечь только отецъ Павелъ!) такъ легко не разъяснялъ европейской политики, не мирить и не ссорилъ Австріи съ Франціей и Англии съ Италіей, какъ Свербѣевъ. Рѣшили на рѣкъ, что вѣрнѣйшая цифра стоимости годового содержанія дворовыхъ съ души будетъ высшая 40, средняя 20 и низшая 10 руб. сер. въ годъ.

— А какъ вдругъ по сорока цѣлковыхъ велятъ намъ платить дворовымъ въ годъ, если мы это поднимемъ?—робко спросила Павлова-Комедія.

— Ну, что же, и будете!—сказалъ, усмѣхаясь, Свербѣевъ.

Общество смолкло и погрузилось въ думу.

— Э, господа.—сказалъ подпоручикъ:—совѣтую, нишите больше; а то еще скажутъ, что вы морили людей голодомъ!

Мы распростились съ остальными и ушли въ усадьбу Вѣщеславской, гдѣ снова улеглись въ знакомой комнаткѣ съ занавомъ ибѣри и калгала. Кто-то постучалъ въ окно—я отворилъ его.

— Вы потрудитесь,—сказалъ съ надворья Свербѣевъ:—завтра назначить сходку здѣнимъ дворовымъ, надо имъ пояснить, чего имъ ждать и кого слушать.

— Такихъ сходокъ въ нашихъ инструкціяхъ не положено,—отвѣчалъ съ кровати Говорковъ.

— Нѣтъ, какъ ужъ хотите, а я ихъ вамъ соберу,—на-станвалъ у окна Свербѣевъ:—смотрите же, поговорите. Вольнѣю!..—Онъ ушелъ.

Ибѣри и калганъ скоро насъ усынили.

Было совсѣмъ свѣтло, когда я открылъ глаза. Говорковъ сидѣлъ, сгорбившись, претивъ свѣта и держа у самаго носа конецъ гусиного пера, свирѣно чинилъ его, отхватывая ножомъ огромные куски.

— Вотъ,—говорилъ онъ:—и толкуй! Да тутъ такой хаосъ, что и не приведи Госноди!

— А что такое?

— Да вотъ вамъ-то хорошо, а я съ зарн возился, по хотѣ илюнь...

— Что же именно?

— А то, что въ этихъ усадьбахъ самъ чортъ ногу сломасть. Обошелъ я, представьте, всю дачу сорокопановскую, чуть солнце взошло. Что же бы вы думали? Спросишь: покажите, гдѣ границы вашей усадьбы, двора, сада, огорода? А они въ отвѣтъ: «то мое, что видите, да и то, чего не видите и что перешло вопъ туда, это его проклятый отецъ отмежевалъ насильно и объ этомъ мною уже прошеніе подано!» И пошло: хвостъ одной усадьбы влѣзь въ бокъ другой, садъ этого втемянился въ огородъ того, а посреди ихъ всѣхъ усѣлся колодець или свиной хлѣвъ третьяго. Какъ тутъ ихъ усчитать? Все переплелось и спуталось. Жили прежде безспорно, а теперь, какъ пошло дѣло на объявленіе правъ, такъ на стѣну лѣзутъ. Чубченко грозитъ жаловаться на Свербѣева и на меня, Павлова-Трагедія даже съ полѣномъ за какимъ-то Никищенкомъ по улицамъ стала бѣгать, — носится съ бумагами и тычетъ мнѣ подъ носъ. Ходятъ толпами, на плетни влѣзаютъ и смотрятъ, что я дѣлаю. А двое подъ рукою объявили напросто, что поколотятъ всякаго, кто ихъ обмѣритъ.

— Ну, и что же вы?

— Приблизительно прикинулъ всякую усадьбу и баста. А тамъ пусть они же сами окончательно опредѣлятъ свои границы.

Мы вышли въ залу. Хозяйка сидѣла за чайнымъ столомъ. А по полу уже ходили и галки съ мѣшочками, и кудая сорока, и параличная болонка. Не успѣли напиться чаю, какъ явились жареные въ сметанѣ перенела, формакъ изъ карасы и селедокъ, яичница съ ветчиной и еще что-то.

— Однако, пора бы и дальше, — сказалъ Говорковъ, выпуская подъ сюртукомъ на спинѣ запасныя пряжки: — но что-то господа обыватели нейдутъ.

— Да вотъ и они! — сказала хозяйка, глянувъ въ окно.

Вчерашніе наши знакомцы вошли снова и чинно сѣли въ залѣ. Всѣхъ набралось человѣкъ двадцать.

— Программы готовы? — спросилъ я, обращаясь ко всѣмъ.

— Готовы.

— Абрамъ Ильичъ! потрудитесь внести въ списокъ имена представившихъ.

Свербѣевъ тоскливо взглянулъ на Чубченка. Тотъ повеялъ плечами.

— А крестьянъ скоро у насъ выкупить? — спросилъ Свербѣевъ.

— Миѣ неизвѣстно.

— Полноте насъ морочить! Мы не дѣти...

— Какъ рѣшить комитетъ и какъ утвердить выше, — прибавилъ Говорковъ.

— Ну, а барицина попрежнему будетъ три дня на крестьянъ и шесть дней въ недѣлю на дворовыхъ?.. Вѣдь у насъ всѣ дворовые, — отнеслась Венцеславская, тоскливо лоя мои взгляды.

— Не знаю и этого. Все дѣло рѣшить губернской комитетъ...

Младшій Чубченко перешелъ на цыпочкахъ къ старшему и что-то сказалъ ему на ухо. Они размахивали руками.

Свербѣевъ долго и упорно чесалъ у себя въ загылкѣ и сонкѣ, ворочая налитыми кровью глазами. Наконецъ онъ подошелъ ко миѣ, взялъ меня за руку и сказалъ:

— *Bien merci*, за все—за все... мерси-сь... Но позвольте на пару словъ...

Отведя меня въ сосѣдную комнату, онъ сказалъ: «ничего, ничего», занеръ дверь, опять подошелъ ко миѣ, хотѣлъ что-то сказать, кашлянулъ и не могъ выговорить ни слова. Руки его дрожали, лицо было въ поту. Глаза смотрѣли въ землю.

— Экутѣ,—началъ онъ, оглядываясь:— насъ никто не видитъ! Я человекъ прямой... Безъ тонкостей... Скажите всю сущую правду, чтѣ тамъ съ нами будетъ? Я никому не скажу! а намъ нужно. Откройте по секрету... Экутѣ — между честными людьми.

— Да говорю же я вамъ, что ничего не знаю... Вѣдь я выборный, вапъ же дворянинъ...

— Ну... экутѣ!.. полноте—я вамъ...

Свербѣевъ сунулъ руку въ боковой карманъ сюртука.

— Вотъ... благодарность... помилуйте, между нами... это приношеніе всего нашего общества,—прошепталъ онъ, дрожа и, красный, какъ ракъ, сжимая мои руки.

Я разсмѣялся, отвелъ его руки.

— Или малѣ?—спросилъ онъ, еще болѣе смѣшавшись.

— Полноте; не стыдно ли вамъ! — сказалъ я, отступая къ двери:— я вапъ же товарищъ! Клянусь вамъ, я ничего болѣе не знаю... Честью вамъ клянусь.

Свербѣевъ быстро сунулъ опять руку въ карманъ, круто

повернулся на каблукахъ, вышелъ въ залу, и я видѣлъ, какъ онъ свирѣпо махнулъ головой въ направленіи ко мнѣ, какъ бы говоря: «не поддается, христонродавецъ!»

Собраніе встрѣтило меня съ отгѣнной сухостью.

— Итакъ, вы ничего намъ болѣе не скажете?—спросила Вѣцеславская.

— Ничего, къ сожалѣнію...

Подпоручикъ, между тѣмъ, оправясь и презрительно стукнувъ ногою, дерзко ходилъ по залѣ, шагая передъ самымъ моимъ носомъ. Хозяйка хотѣла-было начать веселый разговоръ, но Свербѣевъ обернулся къ остальнымъ и сказалъ:— «что же, господа! здѣсь намъ болѣе нечего дѣлать. У! Тончайшій человекъ». И онъ, съ судорожнымъ смѣхомъ, развелъ въ мою сторону руками.

Положеніе мое дѣлалось невыносимо. Всѣ стали раскланиваться. Я отвѣчивалъ усердные поклоны.

— На-а-звольте, однако!—отозвался опять Свербѣевъ:—у отца Павла, если угодно, во дворѣ собраны здѣшніе крестьяне и дворовые. Поговорите съ ними. Мы просимъ насъ.

— Право, господа, незачѣмъ... Ну, что же я имъ буду говорить? Не время еще, ничего еще не рѣшено!

Говорковъ кивнулъ мнѣ пальцемъ. Я подошелъ къ нему.

— Позвольте мнѣ поговорить за васъ; я поговорю!—сказалъ онъ шопотомъ.

— Ну, извольте! пойдите!—сказалъ я вслухъ и взялъ шапку.

Мы пошли всѣмъ обществомъ. Вѣцеславская, провожая насъ съ крыльца, изъ-за кучи птичьихъ клѣтокъ, объявила, что рано еще уѣзжать и что намъ слѣдуетъ остаться отобѣдать. Лошадей нашихъ уже запрягли, и мы отказались, благодаря отъ души хозяйку. Садомъ мы пошли къ усадьбѣ священника. Изъ-за плетня мы увидѣли толпу крестьянъ, человекъ въ пятьдесятъ. Священникъ, въ подрясникѣ, ходилъ передъ ними и что-то имъ объяснялъ. Дворяне презрительно остановились въ сторонѣ. Свербѣевъ, съ проницеской улыбкой, косясь на меня, издали помакивалъ хлыстикомъ и крутилъ усы. За ними слѣдовала уже запряженная наша петечанка.

— Ну,—шешуль я Говоркову:—что же ваша рѣчь? Пора ужъ ѣхать!..—Говорковъ обдернулъ фалды своего сюртука,

ступилъ шагъ, каплянулъ, глинулъ въ землю и, какъ-то странно пискнувши, началъ:

— Что, ребята, вѣрите ли вы мнѣ?

Отвѣта не было.

— Я васъ спрашиваю, вѣрите ли вы мнѣ и тому, что я скажу? Иначе не стбитъ и словъ терять.

Двое изъ передняго ряда крестьянъ усмѣхнулись. Остальная толпа хранила молчаніе. Всѣ, держа въ рукахъ шапки, смотрѣли внизъ. Это были болышею частью дворовые, бобыли бобылей, то-есть батраки мелкопомѣстныхъ. Лица угрюмыя, притупленныя отъ дѣли и празднои. Одежда у всѣхъ была сборная: у иного тулупъ, у другого онолченскій поношенный кафтанъ съ нумерованными пуговицами; у кого бѣлая рубаха, съ гребенкомъ на веревочкѣ, у кого дырявая свитка, или порыжѣлый плисовый жилетъ. Здѣсь же стояла плечистая сердитая баба, въ сапогахъ и въ старомъ кучерскомъ армякѣ.

— Вѣримъ, говори!—робко сказала моложавый, широкоплечій паренъ, въ кожаномъ фартукѣ, нѣчто въ родѣ кузнеца или скорняка:—отчего не повѣрить—на то ты прислать, каше благородіе.

— Ну, такъ слушайте же!—сказалъ Говорковъ, усиливая голосъ. Крестьяне сдвинулись тѣснѣе.

— Давно уже, ребята,—продолжалъ Говорковъ:—давно у васъ идутъ толки о вольности. Не такъ ли?

— Еще бы!—послышалось среди дворянъ.

— Ну, такъ знайте же, что госнода сами хотятъ вамъ дать вольность. Да надо только подождать... Въ Россіи пятьдесятъ да и съ хвостомъ еще губерній, а въ губерціяхъ по 10 и по 15 уѣздовъ. Ну, и совѣтуются теперь всѣ эти пятьсотъ уѣздовъ, какъ бы дѣло вышло получше.

— Ну, а метла на небѣ, звѣзда-то, что по вечерамъ видна, что значить?—спросилъ изъ толпы сѣдой, какъ лунь, старикъ. Ему не дали договорить и удержали его за полы...

Абрамъ Ильичъ не умолкалъ. Его слушали внимательно. Отецъ Павелъ, надѣвъ очки, что-то торопливо пріискивалъ въ раскрытомъ на подоконникѣ Евангеліи.

А солнце свѣтило ярко и вмѣстѣ безмятежно. Пѣтухи и другія птицы затихли и будто также внимали несслыханнымъ рѣчамъ Говоркова. Тучка набѣжала на солнце. Прохладная тѣнь надвинулась на луга и на половину села, съ зеленою-

щими на берегу и далеко видными усадьбами Павловыхъ. За церковью раздавалось серебристое ржанье жеребенка, искавшаго потерянную имъ, среди огромныхъ сельскихъ пустырей, мать.

Часа черезъ два крестьяне разошлись, молча, не глядя другъ на друга и долго не надѣвая шапокъ. Слова Абрама Ильича ихъ какъ-то озадачили. Парень въ кожаномъ фартукѣ особенно долго не могъ уgomониться. Онъ стоялъ на бугрѣ, среди улицы, провожалъ глазами остальныхъ, и мысли его, казалось, были далеко-далеко...

— Что, Абрамъ Ильичъ, о чемъ думаете? — спросилъ я Говоркова, когда мы выѣхали изъ Сорокопановки.

— Скверно на душѣ! — отвѣтилъ мой спутникъ: — никого, кажется, не обидѣлъ, а что-то такъ неловко, такъ неловко...

1859 г.

ФЕНИЧКА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Школа.

«Вы осмотрѣлись и видите, что вы въ юнкѣ. Прическа головы, передникъ, талія и все въ порядкѣ. Вы очень довольны, что-вы не мальчикъ, и дѣлаете книксенъ».

Вопросы жизни Пирогова.

— «Гдѣ остановился Ноевъ Ковчегъ.

— «На Арбатъ...

Сцена на экзаменѣ.

Случилось какъ-то, въ одной изъ южныхъ губерній, губернскому предводителю дворянства заѣхать въ бѣдный выселокъ, на перенутьѣ съ какого-то званого шира. Пока кучерь выбивался просѣлкою напрямикъ, собралась сильная гроза. Небо обложило тучами. Не успѣла карета поровняться съ дверью низенькой мазанки, а довольно тяжелый сановникъ вскочить въ сѣни, какъ дождь хлынулъ и громъ раздался у самыхъ оконъ. Заходила ходенемъ бѣдная мазанка, и захопотался при видѣ высокаго посетителя старикъ-хозяинъ, отставной, или, собственно, уволенный безъ прошенія изъ сосѣдняго суда, протоколистъ Васорскій. — «Ахъ ты, Боже мой, Господи!»—воскликнулъ онъ, мечась безъ толку въ темной каморкѣ. Съ трудомъ нанялилъ онъ зеленоватый сюртукъ съ бронзовыми пуговицами, провелъ ладонью по бородѣ, усѣянной сѣдой щетиной, тяжело вздохнулъ, засте-

гнулся на всѣ пуговицы и съ тренетомъ явился къ его превосходительству.

— Кто тамъ?

— Это я, ваше пре—ство! хозяинъ!

— А! ты откуда?

— Здѣшній, тутъ и родился-сь...

Слуга подъ шинелью пропесъ изъ кареты снадобья для чаю, сигары и французскую книжку. Предводитель усѣлся къ окну. Чтеніе, однако, не шло въ голову. Дождь лиль, какъ изъ ведра; ручьи съ ревомъ неслись подъ колесами кареты и ногами свѣсившихъ уши лошадей.

— Васька! Да гдѣ же у тебя глаза-то? — крикнулъ саповникъ въ окно, указывая пальцами.

Сѣдовласый кучеръ Васька молча снялъ попону и укрылъ любимую пристяжную лошадь. Подали чай. Хозяйка стерла со стола.

— Много у васъ земли?

— Десять десятинъ, ваше пр—ство! — грустно отвѣтилъ хозяинъ, ступивъ отъ двери и пощипывая то пуговицу, то пазойливые волосы на бородѣ.

— Гм! Есть еще какія-нибудь угодья, заведенія?

— Есть овечки, пара воловъ; траву косимъ, корову держимъ, свиней кормимъ, куръ.

— Что же, это хорошо!

— Гдѣ хорошо, ваше сіятельство! Сбыту вовсе нѣтъ. Городъ далеко, дорога большая тоже, сами изволите знать. Вогъ у нашего засѣдателя, черезъ рѣчку, лѣсу тысяча десятинъ, дубу; дѣны никакой нѣтъ, ну, никакой ровнехонько—такъ и гнѣтъ. По рѣкѣ бы его хорошо сплавлять. За полтора ста верстъ оглобля полтинникъ стѣбитъ. Такъ и сидимъ; какъ пройдетъ кто-нибудь, получишь тамъ за сѣно, да за чай. А то и на сапоги, да на юбоченку женѣ не хватасть...

— Какъ же ты, чѣмъ живешь?

— Перебиваемся кое-какъ.

— Да, о лѣсѣ ты, дѣйствительно, вѣрно замѣтилъ; по рѣкѣ его точно хорошо бы сплавлять. Написалъ бы ты, братецъ, проектъ, вышнему бы начальству передалъ...

— Не могу, ваше пр—ство; мнѣ запрещено проекты подавать, поднеску взяли...

— Отчего?

— По злой судьбѣ, такъ выразиться — оштрафовать,

якобы въ лбедахъ и въ составленіи кляузныхъ бумагъ замѣнахъ...

Предводитель на это ничего не сказалъ.

Буря, между тѣмъ, угмонилась. Гость напился чаю, закусилъ яичницей, сдѣланной наскоро хозяйкой, толстой аполексической бабой въ миткалевой юбкѣ и въ платкѣ на головѣ, спросилъ: — пролепилось-ли па дворѣ? — получили утвердительный отвѣтъ и велѣлъ подавать лошадей.

— Ну, любезнѣйшій, чѣмъ же мнѣ тебя отблагодарить? — спросилъ гость, вынимая, хотя еще не развязывая, кошелекъ. Хозяинъ въ это время явился съ подносомъ.

— Не откажите наливочки! — сказалъ онъ.

— А, очень радъ! однако, какъ же насчетъ платы-то? что съ меня возьмете за сѣно и за закуску? — все еще улыбаясь и не развязывая кошелекъ, прибавилъ гость.

Жена глянула на мужа, судорожно заахнула платкомъ и, кланяясь, отвѣтила:

— Ничего намъ не надо, ваше превосходительство; мы и на чести одной довольны, а о васъ наслышались — о вашей добротѣ!

— О, гдѣтъ, нѣтъ, я этого не хочу. Говорите, говорите, что вамъ надо? не надо ли мѣста? Я все сдѣлаю, все могу! — отвѣтилъ гость, пряча кошелекъ въ карманъ.

У жены при словѣ о мѣстѣ дрогнули руки. Изъ нея памяти еще не выходили тѣ свѣтлые городскіе дни, когда кушцы несли къ ней сахаръ, муку, рогожки, рыбу и все. Мысль о попыткѣ получить новое тепленькое мѣстечко пріятною улыбкою расположилась и на лицѣ мужа.

— Если ужъ ваша милость, если на нашу дворянскую бѣдность...

Въ это время предводитель случайно взглянулъ въ окно.

По прояснѣвшему двору, виррипрыжку по лужамъ, бѣжала изъ сосѣдняго мѣлколѣвья дѣвочка, лѣтъ семи или восьми, въ одной рубашечкѣ, босая и съ лукошкомъ какихъ-то ягодъ. Не замѣтивъ кареты за угломъ, она разлетѣлась и стремглавъ вскочила въ сѣни. Капли сбѣгали съ ея густыхъ, перасчесанныхъ волосъ и дрожали на полныхъ, изъ-сиза раскраснѣвшихся щекахъ. Глаза внимательно и нугливо остановились на незнакомцѣ.

— Чья это? — спросилъ предводитель.

— Дочка наша; простите, такая глухая, шаловливая! —

отвѣтила мать, дѣлая знаки глазѣвшей на гостя дочери:— ушла за ягодами, пострѣлянокъ, да и промокла.

— А! Очень радъ! Привезите ее ко мнѣ, и я ее пристрою. Ты хочешь, дѣвочка, въ городѣ жить?

Дѣвочка закинула за плечи длинные волосы и молча повела глазами изъ сѣней въ растворенныя на крыльцо двери.

— Ваше пр—ство! вѣкъ будемъ Бога молить! — заговорилъ отецъ.

— Ну-да! ну-да! Вы ее доставьте мнѣ, а тамъ уже я ее пристрою!

Съ этими словами гость сѣлъ въ карету, лошади двинулись. А мужъ и жена долго еще стояли, глядя то на дорогу, то на дочку, и тутъ же положили, что не надо упускать такого благодатнаго случая.

— Богъ, нечаянно-негадано, — судили они: — Господь дать праздникъ; теперь ужъ Феничка наша — отрѣзанный ломоть. Какъ тамъ ни говори, а все же со двора долой, съ рукъ долой, и сами сытѣе будемъ. Промаячить тамъ, какъ ни на есть, живучи у большихъ людей. Еще и денегъ припасеть и насъ прокормить. Богатая рука хоть кому помога.

Черезъ мѣсяцъ Иванъ Григорьевичъ Басорскій, обитатель уединеннаго хутора, запрягъ нару воловъ, одѣлся въ свою чунарку, взялъ кулекъ съ закуской и припасенными кетати на базарь масломъ, посадилъ съ собою дочку и отвезъ ее въ губернскій городѣ. Былъ вечеръ, — лакомка-предводитель воротился съ именинъ отъ губернатора. Жена встрѣтила его еще въ коридорѣ.

— Что это ты, Павелъ Романовичъ, затѣялъ? Какихъ это ты нищихъ вздумалъ брать на прокормленіе?

— Какъ? что? — спросилъ съ нѣжностью мужъ, давно, поправдѣ, забывшій и стоянку на хуторѣ, во время грозы, и свое обѣщаніе.

— Да помилуй, тамъ съ утра въ людской ждеть тебя какое-то чучело, съ краснымъ носомъ, и такъ странно смотреть. Онъ привезъ какую-то дѣвочку.

Позвали нежданнаго гостя. Сановникъ, тѣмъ временемъ, коная зубочисткою въ зубахъ, все уже успѣлъ припомнить, и совѣстно ему стало послушаться супруги, которая настаивала, чтобы скорѣе этихъ попрошаскъ прогнали со двора.

— Хорошо, мой любезнѣйшій, хорошо! Ступай себѣ, поѣзжай; твое дѣло рѣшеное. Ступай, я позабочусь о судьбѣ

твоей дочки! — сказала предводитель, принимая из дрожавших рук просителя бумаги о рождении и крещении дѣвочки.

— Ваше превосходительство, не оставьте!

Иванъ Григорьевичъ не распространялся болѣе потому, что, въ чайникъ разлуки съ дочерью, закатить уже порядкомъ за галстукъ въ соседнемъ кабачкѣ, и на утро, съ трудомъ помахивая на воловъ, съ предводительскаго двора поѣхалъ обратно на хуторъ.

Дѣвочка приведена къ барынѣ. Въ ситцевомъ платишикѣ, материнскомъ полиняломъ платкѣ на головѣ и съ загрязнившимися пожками, она не понравилась генеральшѣ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Химочка...

— Это что такое?—спросила генеральша въ постъ, оправляя одежду замаранки и относясь къ своей наперсницѣ Мароѣ Кондратьевнѣ, тощей, вдовой и бездѣтной домоправительницѣ изъ вольноотпущенныхъ.

— Это имя у малороссовъ значитъ Афимья, Феничка. Притомъ же, сударыня, какіе теперь дворяне у насъ бѣдные! Стыдно смотрѣть!

Генеральша еще строже взглянула въ лицо дѣвочки.

— Грамотѣ умѣешь?

— Умѣю-съ...

— А руки отчего у тебя выначканы, а?

Дѣвочка съ напряженнымъ удивленіемъ взглянула себѣ на пальцы, потомъ на блѣдныя, начавшія дрожать, губы предводительши.

— Что же ты не отвѣчаешь? а? Говори же?

— Ахъ, сударыня, да вы посмотрите, вѣдь ужъ это такъ ково заведеніе,—возразила домоправительница:—вѣдь у нея и глаза, какъ у кошки, смотрятъ. Что ты смотришь такъ на барыню? У, звѣрюнокъ...

Домоправительница не кончила. Первая генеральша глубоко вздохнула, закатила глаза, потребовала капель и, охмы, опустила въ кресло. Къ вечеру дѣвочка была сослана на кухню.

— Я тебя, Павелъ Романовичъ, не понимаю! — сказала предводительша мужу:—ну, какъ быть до того малодушнымъ, безъ характера, до того флюгеромъ, что куда вѣтеръ поѣдетъ, туда и ты? Выдумали прежде мыльные пузыри пу-

сказать, и ты началъ; потомъ въ столицахъ стали обѣды за-
давать всякимъ проѣзжимъ артистамъ и знаменитостямъ, и
ты туда же. А теперь ударилесь всё на благотворенія, и ты за
ними! Да гдѣ же твой характеръ? Это просто смѣшно и жалко!

Мужъ сталъ утѣшать.

— Да помилуй, душа моя, о чемъ твоя забота? Твоей
заботы быть тутъ не должно! Пойми меня, и только! Горе
въ томъ, говорю я тебѣ въ тысячный разъ, что ты никогда
не понимала и не хочешь понять ни моихъ замысловъ, ни
моихъ стремленій и идей. (Жена возвела глаза къ небу и,
вздохнувъ, сильнѣе прижала стклянку съ эфиромъ къ носу).
Нынче вѣкъ такой! Надо отличать себя въ кругу сословія
стремленіемъ къ добру. Надо поражать, ярко кидаться въ
глаза. *Сour d'état*, ма-шеръ, во всемя! На моемъ мѣстѣ отъ
меня требуютъ, ждуть добра...

— Хорошо добро! разводите нищихъ! Лучше бы вы по-
думали объ уплатѣ вашихъ долговъ, да поменьше въ карты
съ дворянами играли!

— Ну, слушай, эту дѣвочку еще можно взять на руки,
это еще—дитя природы.

— Смѣшно и глупо, смѣшно, и больше ничего! И съ
чѣмъ это сообразно! У самого состояніе на волоскѣ, сытъ
въ гвардіи служить, дочь — невѣста и почти на выдѣтъ, а
онъ, какъ Евгеній Сю, по вертепамъ бѣдности ходитъ, да
подбираетъ себѣ членовъ въ богадѣльню! Паясничество, и
больше ничего!

Въ это время дверь тихо отворилась; съ кошачьей улыб-
кой, чуть трогаясь ковра, вошла и стала у порога Марья
Кондратьевна.

— Чтѣ тебѣ, Марюша?

— Тамъ, сударыня, эта дѣвочка, которую ихъ милость
приказать изволили оставить на кухнѣ, просто на стѣну лѣ-
зеть: реветь-ревмя, какъ батракъ какой. Просто удержу
нѣтъ, и какъ бы еще чего дурного не сдѣлала!

Барыня выразительно взглянула на мужа.

— Вотъ тебѣ и стремленіе къ добру, и дитя природы!
(Домоправительница, постоявъ немного и не замѣчая къ себѣ
участія, вышла). — Слушайте, милостивый государь, — ска-
зала, даже вскочивъ на кровать, супруга: — я не желаю, и
не хочу, чтобъ эта дрянъ тутъ оставалась долѣе; сейчасъ
ее волъ! Слышите ли? сейчасъ!

Мужъ, уже знавъ насквозь свою жену, тоже не отличавшуюся знатнымъ происхожденіемъ, мало обратилъ вниманія на это ѣдкое восклицаніе.

— Посуди хладнокровно, — сказала она, погирала лысину: — ее можно отдать въ пансіонъ. Пять лѣтъ она тамъ пробудетъ: двѣсти цѣлковыхъ въ годъ, и того тысяча. Пансіонъ мадамъ Барекъ — очень хорошій пансіонъ!

— Да это курамъ на смѣхъ! У тебя нѣтъ тысячи цѣлковыхъ на карету для дочери, на роуль, а ты бросаешь въ грязь! У тебя сынъ безъ порядочной верховой лошади; долгъ въ онекуновомъ совѣтѣ за два года не заплаченъ!

Мужъ задумался. Наконецъ, нагнулся къ уху жены и шепнулъ ей:

— Ну, что же, душа моя, дѣлать? Срокъ мой исходитъ, скоро помые выборы. Падо, во что бы то ни стало, пустить въ ходъ какое-нибудь благодѣаніе въ пользу бѣднѣйшей части сословія! Объ этомъ заговорить, и дѣло въ шляпѣ. Судьба этой дѣвочки должна быть устроена, и я ее устрою.

Прошло нѣсколько дней. На таинственныхъ совѣщаніяхъ въ спальнѣ было положено замарашку одѣть и приготовить къ поѣздкѣ. Предводительская дочка, напыщенная и гордая барышня, тронутая слегка оспой, сидѣвшая съ утра за фортепьяно, которое, впрочемъ, какъ-то ей плохо покорялось, и надменно-молчаливо выходившая къ гостямъ, что не мѣшало ей лицу украшаться еще отмибно-некрасивыми угорьками на лбу и на носу, взялась за снабженіе ее платьемъ. Изъ старой распахонки, съ обильнымъ запасомъ ругательства, передѣлала мѣшковатый нарядъ, куплены козловые башмаки. Волосы заплетены косами и перевиты бархаткой, въ руки данъ носовой платокъ.

— Ты умѣешь читать? — спрашивала предводительская дочка.

— Умѣю.

— А молитвы знаешь?

— Знаю.

— Кто же тебя училъ читать?

— Горихвостовъ, Петръ Михайловичъ, сосѣдъ нашъ; а палонькѣ все некогда было!

Посадили Фонижку въ экипажъ, съ предводительскимъ секретаремъ, и повезли по широкой улицѣ. Дѣло въ томъ, что предводитель, по старому знакомству и новымъ отноше-

нѣмъ, былъ друженъ съ директрисой мѣстнаго благороднаго института. Старушка была у него въ долгу за какую-то значительную услугу съ его стороны передъ губернаторомъ и, какъ разсудительная женщина, ждала только случая отблагодарить его. Онъ написалъ къ ней, что высылаетъ на ея заботы для помѣщенія въ «благодѣтельное для сиротъ учрежденіе», бѣдную дѣвочку-дворянку, дочь «престарѣлаго», «немоцнаго» и «заслуженнаго отставнаго чиновника» его губерніи, дѣвочку, просто чудомъ открытую имъ среди страданій убогой семьи, въ одну изъ его побѣдокъ по службѣ, по бѣднѣйшимъ закоулкамъ края. У директрисы случилась свободная вакансія, и дѣвочка была тутъ же принята и записана въ первый дѣтскій классъ подъ именемъ *Евфиміи Ивановой Басорской*. Новая ученица вошла подъ кровль опрятнаго, щегольского, красиваго зданія, съ золотою надписью. Утро стало смѣняться вечеромъ, уроки рекреациями, прогулки ренетиціями. Много смѣнилось косыночекъ, износилось чулковъ и передничковъ. Дѣтство уступило мѣсто отрочеству, отрочество юности. Тамъ прибавилась округлость, здѣсь увеличена мѣрка платья, тамъ зашевелились неясныя грѣзы. Изъ ребенка незамѣтно стала взрослая дѣвушка...

А между тѣмъ, пока совершилось десять узаконенныхъ лѣтъ, много судебъ прошло и видѣ ея мѣста воспитанія. Предводитель вскорѣ былъ не избранъ, уѣхалъ въ огорченіи въ деревню, гдѣ и скончался отъ удара, среди долговъ, на рукахъ жены и дочери. Его мѣсто увидѣло трехъ новыхъ преемниковъ. О дѣвочкѣ Басорской забыли все. Да мало думали о ней и собственные ея паневька и маменька. Знали они, что куда-то, по милости генерала, въ науку отдана ихъ дочка, а куда именно и въ какую науку, они, грубые люди, даже хорошо и не дознавались. Матушка, здоровенная баба, попрежнему возилась съ утра до поздняго вечера, доила коровъ, варила обѣдать и ужинать, яростно скребла ножомъ бѣлый липовый столъ, чистя хату передъ праздниками, ткала зимой холсты, пряла, откармливала и продавала свиней, по праздникамъ молча съ мужемъ навизалась до омертвѣнія, или отправаялась «повеселиться» къ такой же охотницѣ до хмельнаго, къ кумъ-мѣщанкѣ, въ сосѣднюю вольную слободу. Мужъ во всемъ оказывался слабѣе, хотя также, съ грѣхомъ пополамъ, хлопоталъ по хозяйству, ходилъ дома въ простой свитѣ, задавалъ

кормъ воламя, смотрѣль за пасѣкой, молоть хлѣбъ на мельницѣ, ѣздилъ по разнымъ надобностямъ по сосѣдству, но болѣе шатался по уѣздному городу, стриная потихоньку желющимъ просьбы и аппеляціи и при этомъ, разумѣется, также усердно служа Бахусу. Когда ему и женѣ сосѣдн говорили: «а что, гдѣ же ваша дочка?»—они отвѣчали:—«э! на свѣтѣ не безъ милости добрыхъ людей; выйдетъ изъ науки, намъ же подмога будетъ!»

Между тѣмъ, какъ сказано, прошло десять лѣтъ, и Феничкѣ приходилось покинуть науку. Отца по почтѣ увѣдомили отъ института, что дочь его кончила съ отличіемъ курсъ ученія, и чтобы онъ за нею пріѣхалъ, или, если пожелаетъ, оставилъ бы ее, по уставу заведенія, еще на нѣсколько времени въ пепиньеркахъ при институтѣ. Насилу отыскала бумага за печатью заведенія уѣздъ, волость, глухой хуторъ и въ хуторкѣ, въ бѣдной мазанкѣ, самого Ивана Григорьевича Басорскаго. Старикъ сталъ искать очки. Оказалось, что руки его въ эти десять лѣтъ пріобрѣли еще болѣе дрожанія. Напяливъ на носъ оловянные очки и вскрывъ пакетъ, онъ прочелъ письмо сначала про себя и потомъ женѣ.

— Вотъ еще что!—говорила мать:—учили, учили, и опять учить! Слава тебѣ, Господи, ужъ теперь невѣста: въ Филиповку будетъ восемнадцать лѣтъ! Миѣ будетъ помощница! Вотъ лѣвая рука, да и нога у меня, тоже лѣвая, совсѣмъ какъ изъ дерева стали. Параличъ, что ли, подбирается! А тутъ нужно подати платить! Гдѣ безъ помощницы обойтись, и не думай этого, и не гадай! Не у насъ, такъ за хорошаго человѣка замужь отдадимъ!

Мужъ, не замѣчавшій до этого, чтобы женѣ нужна была помощница, не прекословилъ. Потолковали и съ сосѣдями. На волахъ за барышнейю было положено не ѣхать, потому что это совѣстно и на смѣхъ поднимуть. А когда доходу въ годъ всего пятьдесятъ рублей ассигнаціями, за вычетомъ того, что проживешь, то на лошадей не кинешься. Рѣшили Ивану Григорьевичу дойти нѣшкомъ въ «губернію», а тамъ нанять «будку» у жида — и привезти Феничку домой, на покой. Иванъ Григорьевичъ завязалъ въ узелъ платка три цѣлковыхъ на наемъ жида, взялъ мелочи, про запасъ, для выпивки дорожью, перекинулъ черезъ плечо шинель и сапоги и пошелъ въ путь большою дорогой, въ губернію...

Тѣмъ временемъ, Евфимія Ивановна была въ раздумьи. Годы воспитанія въ свѣтлой, шумной школѣ мелькнули для нея незамѣтно. Она даже ни разу въ этотъ срокъ не написала домой, и только теперь мысленно стала рѣшать вопросъ, какъ она поѣдетъ домой и какъ встрѣтитъ отца. Изъ маленькой замаранки она стала уже рослою, стройною дѣвушкою, съ полными, бѣлыми плечами, которыя такъ и рвались изъ-подъ зеленаго платья, съ густою каштановою козою и карими глазами. Она уже отлично танцевала; красиво и ловко кланялась; ходила, точно лебедь бѣлая по синюморю плавала; шнуровалась въ рюмочку; знала она русскую литературу до Пушкина, по руководству Греча. — Писала очень мило по-французски, въ классныхъ упражненіяхъ, на предметы о восходѣ солнца, о трехъ розахъ и о значеніи Шатобриана въ искусствѣ. Декламирала изъ Федры Расина и умѣла дѣлать при публикѣ физическіе опыты надъ электрической машиной и воздушнымъ насосомъ. Отъ подружекъ заслужила имя «душечки-Фенички» и «божества», прошла съ ними усердно періодъ поѣданія «грифельей», «мѣлу» и испиванія «уксуса» и, готовясь къ выпускному экзамену, раздѣлила съ ними также усердно человечество на «противныхъ штатскихъ» и «обворожительныхъ военныхъ», что не мѣшало, впрочемъ, ей съ ними «обожать» поделѣноваго и чахоточнаго учителя русской словесности, у котораго блѣдныя ланиты въ классахъ постоянно пламенили, и «презирать» учителя математики, сѣденькаго старичка съ подагрой, несмотря на то, что онъ былъ изъ военныхъ. На публичномъ испытаніи Феничка Басорская играла въ четыре руки съ книжной Ралсой Вонзковской, изъ сосѣднихъ западныхъ губерній, громкій и ослѣпительный концертъ Тальберга. Потомъ она одна, въ числѣ двухъ другихъ солистокъ, пѣла «Гимнъ» на слова: «Гдѣ вы, гдѣ вы, дни намъ милы?» — сочиненный на случай однимъ городскимъ статскимъ генераломъ, славившимся подписями къ портретамъ разныхъ сановниковъ, и увлекла всѣхъ своимъ густымъ, звонкимъ и широкимъ сопрано. Учитель музыки, худенькій, черныякіи человекъ въ золотыхъ очкахъ, мѣлъ при этомъ отъ удовольствія и, совершенно теряясь, направо и налево лепеталъ о ней полужнакомой публикѣ безсвязныя похвалы. Когда пришелъ срокъ, громко прочитали ея имя въ числѣ другихъ дѣвицъ: Евфимія Басорская получила шифръ и похвальную книгу...

Но не это собственно занимало всё языки. Горожане и толпы съѣхавшихся къ выпуску родныхъ узнали цѣлое драматическое событіе, эффектная сторона котораго тотчасъ ярко бросилась всёми въ глаза и увлекла всёхъ. Пронеслась вѣсть, что за этою хорошенькою дѣвицею, которая такъ мило пѣла институтскій гимнъ, престарѣлый отецъ-хуторянинъ, сѣдовласый старецъ, пришелъ за нѣсколько десятковъ верстъ пѣшкомъ. По неизвѣстной причинѣ, у всёхъ въ умѣ мелькнули тотчасъ образы Эдипа и Антигоны. Когда Иванъ Григорьевичъ, гладко выбрившись въ цирюльнѣ и вынивъ съ колбаской, въ сосѣднемъ кабачкѣ, стаканъ забористаго травнику, вошелъ въ залу, гдѣ происходило еще какое-то послѣднее испытаніе, родъ педагогической бесѣды, изобрѣтенія учителя математики, изъ семинаристовъ, — всё глаза и лорнеты обратились на него, на его сѣдую голову, потертый скрутокъ и красный носъ. Дамы стали сильно шушукаться и приходило въ волненіе. Локти и шали задвигались, подъ мѣрные вопросы экзаменатора: «А что приличнѣе въ свѣтъ гражданину и гражданкѣ?» — «А къ чему намъ долягъ ведетъ, когда мы впадемъ въ грѣхъ и преступленіе?» — Многія даже перезнакомились тутъ же въ залѣ, безъ чего прежде только холодно оглядывали другъ-друга съ головы до ногъ, или небрежно черезъ плечо. — «Вообразите, моя милая, у этой Басорской, говорятъ, нѣтъ даже теплаго капота, чтобы уѣхать». — «Говорятъ, у ея отца всего десять десятинъ земли и одна корова». — «Жена его сама ѣсть варить!» — «Э! это бы еще ничего! Но она, бѣдная, сама этого не знаетъ и не сознаетъ: восьми лѣтъ ее увезли изъ дому. Бѣдная, бѣдная!..» — Изъ этихъ толковъ составилось то, что такъ особенно любить составлять барыши. Былъ поджертвованъ теплый капоть, нѣсколько бѣлья и баинмаковъ. Не забыты были и два, довольно ловко сшитыя, хотя и поношенныя платья; одно букмуслиновое, съ перелинкою, а другое гроденаплевое, съ воланами. Жертвованныя вещи сыпались щедро. Нѣкоторыя самолюбивыя дамы даже впоследствии усердно просматривали нумера газетъ, тайно отыскивая, не припечатаны ли гдѣ-нибудь ихъ имени за powerful приношенія на пользу ближнихъ. Загѣнажили даже какого-то откушника, который до того времени сидѣлъ только за счетами и весьма безграмотно подписывалъ свое прозванье, а тутъ счелъ себя образованнѣйшимъ человѣкомъ,

покровителемъ наукъ и художествъ и чуть не философомъ. Онъ пожертвовалъ купъ въ пятьдесятъ рублей серебромъ, на каковую сумму тутъ же, по совѣту учителя русской словесности, было куплено много книгъ, между прочимъ, изданіе сочиненій Жуковскаго и Муравьева «Путешествіе по святымъ мѣстамъ», и совершена подписка на три литературныхъ, два музыкальныхъ и одинъ дамскій рабочій журналъ. Книги и билеты на журналы поднесены господамъ Басорской, въ особой коробкѣ, раздушенной и разрисованной, вмѣстѣ съ другими подарками, одною изъ выходящихъ дѣвицъ, причѣмъ нѣкоторыя изъ дамъ, въ слезахъ и чуть не умирая отъ жалости, почти вслухъ восклицали при Феничкѣ:

«Только осторожиѣе, осторожиѣе, ме-дамъ; чтобъ не обидѣть ее, ахъ, чтобъ не обидѣть ее подарками! Она дѣвушка съ чувствомъ!»

Феничка приняла всѣ подарки съ граціозною улыбкою и съ какимъ-то особенно праздничнымъ чувствомъ радости, перещеловавъ плечи у дарительницъ и увлекши въ сотый разъ всѣхъ своею миловидностью, застѣнчивостью, румянцемъ, полнотою щекъ и молодого стана. Надавали подруги Феничкѣ и она имъ клятво въ «вѣрности и дружбѣ до гроба», обѣщали другъ другу писать обо всемъ—обо всемъ, и часто-часто—причемъ княжна Ранса Вонзковская даже проколола себѣ палець и кровью написала ей на лоскуткѣ бумаги: «въ бѣдѣ и въ горѣ доставь мнѣ случай тебѣ помочь, и я все отдамъ, все сдѣлаю, чтобъ быть тебѣ полезной!» Взяла Феничка съ собою на дорогу неоконченную работу Мери Кахновичъ *broderie anglaise*, запаслась какимъ-то особенно нестовымъ, переданнымъ ей одною изъ подругъ, романомъ Поли Феваля, и поѣхала съ такою мыслью: «обѣдность—вещь нехорошая и довольно, какъ говорятъ, противная; но я постараюсь озолотить дни и часы старыхъ родителей, и подъ шалашомъ водворить рай! О, да, постараюсь!..» И, раскрывъ дорогою, въ трясучей и темноватой будкѣ жиды, книжки, она переложила на новую страницу вышитую тамбуромъ закладочку, оправила платье и взглянула на отца. Отецъ молча сидѣлъ въ углу будки и, уткнувъ носъ въ вогорникъ, смутно глядѣлъ изъ-подъ полости окна на дорогу..

Что ему думалось въ эту пору? При первомъ свиданіи съ

дочерью. когда вечеромъ, при яркомъ освѣщеніи лампъ, его ввели по длинному ковру въ залу, ему показалось, что передъ нимъ очутилась если не сама сказочная богиня, то, по крайней мѣрѣ, царица-фея. Такъ показалась ему нарядна и представительна его собственная дочка, его Феничка. Онъ даже чуть-было не приложился къ ручкѣ, чуть невольно не попросилъ извиненія, точно былъ виноватъ чѣмъ-нибудь, и потомъ пристально-пристально посмотрѣлъ на нее, улыбаясь, скрипя табакеркой и собираясь сказать ей особенно что-нибудь милое. Но ничего не сказалось; тщетно онъ искалъ въ чертахъ смущенной, съ своей стороны, и миловидной дѣвушки черты былой Фенички. А другія дѣвнцы, княжны и помѣщицы, генеральскія и асессорскія дочки, о которыхъ ему рассказывали до прибытія его дочери словоохотливый сосѣдь по мѣсту въ залѣ, ходили мимо и посылали Феничкѣ то улыбки, то особые знаки любви, дружбы и равенства. Ликовалъ втайнѣ Иванъ Григорьевичъ: «поди съ нашею Химкою! вонъ она съ кѣмъ за панибрата».

Съ этими чувствами онъ и въ дорогу выѣхалъ. Да уже въ дорогѣ немало призадумался, сожалѣя, что безъ парада, въ простой жидовской будкѣ пустился, и что было бы лучше какъ-нибудь купить дрожки, или коляску и лошадей бы купить, одѣть дочку во всѣ одежды, какія только подарены, и провезти такъ по уѣзду—знай-де, любуйтесь такою писанною красавицею!

Не то ожидало ее дома.

Приѣхали они въ праздникъ, послѣ обѣда перекусивъ и переодѣвшись по близости, въ корчмѣ, неравно дома гости есть. Перышкомъ вспрыгнула Феничка изъ будки, оправила платье, достала шелковый красный платокъ, припасенный подарокъ для матери, и быстро вошла въ сѣни.

— Нѣтъ, дочка, постой, не ходи: мать спитъ послѣ обѣда; какъ бы не разсердилась.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу маменьку видѣть, маменьку!..

И она вошла въ темную комнату, гдѣ съ закрытыми ставнями отъ мухъ покоилась старуха. Дочь наклонилась къ морщинистой, запекшейся щекѣ ея и не рукой, а тѣмъ же нѣжнымъ поцѣлуемъ разбудила мать. Отецъ не безъ основанія удерживалъ дочь: отъ матушки несло водкой. Какъ уже сказано, былъ праздникъ и послѣобѣденное время. Мать раскрыла мутные посоловѣлые глаза и долго не могла придти

въ себя; наконецъ, утерла ротъ, встала, оправила на головѣ платокъ и сказала:

— А! это ты, Химко! Хорошо, что ты прѣѣхала, только плохо, что мать такъ ни за что разбудила. Впередъ того не дѣлай! Видно, что этому не учили тамъ, гдѣ ты была!

Дочь была озадачена.

— Ну,—начала ласковѣ матушка:—дай же, я подивлюсь на тебя, какая ты стала!

Окна растворили. Старуха сперва пристально осмотрѣла на всѣ стороны подаренный платокъ, потомъ дочку, напилась потомъ воды, перебрала и перещупала всѣ дочкины наряды и книги, бѣлье и разныя бездѣлушки. Наконецъ она задумалась, вышла на крыльцо, сѣла, сложила руки, зѣвнула, перекрестила ротъ и сказала:

— Ты, можетъ, дочка, привыкла чай пить и теперь хочешь?

— Нѣтъ, маменька, не хочется; если вы выпьете, такъ и я.

— Э! дура же ты, коли это говоришь. Нѣтъ у насъ чаю для себя и въ заводѣ, и не за чтѣ пить, а держимъ только для прѣѣзжихъ!

Дочь потупилась и смолчала. Немного погодя опять зѣвнувъ, мать взглянула на дочку мимо мужа, стоявшаго молча у двери, и спросила:

— Ты, можетъ, дочка, привыкла въ нарядѣ ходить и чтобъ за тобою глядѣли, чулочки да башмачки тебѣ подавали?—Дочь уже ничего не говорила.—То-то же, дура ты будешь, коли это и помыслишь! Нѣтъ на то у насъ прибитку, а сами все дѣлаемъ, дѣлай и ты!

Сердце Фенички задрожало; она кинулась къ матери на шею и со слезами стала увѣрять, что она ее любитъ, будетъ любить вѣчно и папеньку и раздѣлить съ ними труды и подѣ убогой крышей.

— Убогая? Нѣтъ!—перебила мать:—и глупо ты говоришь! Чѣмъ же она убогая? Батько твой только въ прошломъ году ее и перекрылъ; самъ и солому возилъ!

Вечеромъ она вышла за ограду хутора. «Вотъ то поле, гдѣ я за гусятами гонялась, вотъ мельница, подѣ которою я въ камушки играла, вотъ лѣсокъ, откуда я тогда, въ дождь и бурю, бѣжала съ лукошкомъ». Размечталась Феничка. Не сознавала она въ ту пору еще ясно ни того, что у нихъ нѣтъ ни работника, ни работницы, ни того,

что на десять верстъ кругомъ нѣтъ у нихъ ни одной живой и истинно-человѣческой души. А мѣстечко и вечеръ были обворожительны, закатъ солнца золотилъ и обливалъ тонкимъ румянцемъ верхи пирамидальныхъ тополей, края облаковъ и груды дальнихъ косогоровъ. Воробьи шумными стадами перелетали съ вербы на плетень и съ плетни на огородъ. Неоглядная степь застлалась вечернею мглою. Надъ крышею хаты поднимался тонкою струйкою голубоватый дымокъ. А за нимъ былъ садъ, а за садомъ дорога, городъ, заведеніе, подруги, княжна, выпускъ, обѣщанія, клятвы, надежды...

— Вотъ и видно сейчасъ бѣлоручку! — произнесла мать, выйдя на порогъ хаты, съ засученными рукавами, подоткнутою юбкой и съ ухватомъ: — другая бы скинула ситчикъ и все, что понаряднѣе, да матери бы помогла, да коровку бы сдоила, а она глазѣтъ по верхамъ!

Евфимія Ивановна, еще въ первомъ пылу неопытной энергіи, на другой же день сбросила платье, надѣла какую-то старенькую накидку, вышла на крыльцо, боязливо оглянулась во всѣ стороны, взяла ведро, нашла мать, попросила ее показать, какъ доять коровъ, и, несмотря на страхъ, паводимый на нее жирною рогатою коровою, глотая слезы, усѣлась доить... Но это были только цвѣтки. Мать отобрала у нея деньги, какія были, отобрала всѣ платья и повела съ мужемъ рѣчь, что хорошо бы ему отвезти эти платья въ уѣздъ и запродавать ихъ исправницкой племянницѣ, а Феничкѣ другого, попроще, закупить, — все выгода будетъ, а ей же не въ шелкахъ да кисеяхъ ходить. Сказано и сдѣлано. Батюшка съ матушкой заперлись и подѣлили между собою привезенныя деньги. На столъ же Феничкѣ были брошены два куска московскаго линючаго ситцу, по двугривенному аршинъ, и было предложено самой пошить себѣ платья: да поскорѣй; «неравно женихи почуютъ и наѣдутъ!», а на тѣ деньги, сказано, найметя стель у балтинскаго винокура и прикупятся два десятка овецъ. И дѣло! Съ тѣмъ же дѣтскимъ рвеніемъ принималась горячо за иглу Феничка и въ три недѣли, между топкою печи, крошеніемъ лука, капусты и бураковъ, досненіемъ смурой коровы, поступившей исключительно подъ ея попеченіе, и ухаживаніемъ за отцомъ, который почти ежемѣсячно страдалъ послѣ запоя сильными приливами къ груди и удушьемъ,

сшила себѣ, по образцу оставшагося завѣтнаго зеленого платья дешевенькое платьице и нѣсколько передниковъ. Въ это время она порывалась нѣсколько разъ писать къ подругамъ, особенно къ одной мечтательной, съ золотыми кудрями, генеральской дочкѣ, Мери Кахновичъ, съ которою была очень дружна. Но некому было отвезти письма на почту, и она отложила письмо до другого времени.

Отецъ оправился. Наступилъ какой-то праздникъ. Съѣхались на хуторъ сосѣди, частью, чтобы навѣстить выздоровѣвшаго сосѣда, а частью, какъ надо было ожидать, чтобы посмотреть сосѣдскую дочку. И всѣ женихи, хотя немолодые, незнатные и некрасивые, а женихи въ околоткѣ хорошіе. Отставной юнкеръ Перепелица, вдовый винокуръ и заика Трюковъ, мелкопомѣстный дворянинъ Грѣхъ, съ разстроеннымъ желудкомъ, охотникъ до псовой травли, и самъ г. Горихвостовъ, когда-то бывшій въ университетѣ, когда-то учившій Феничку грамотѣ, а теперь совершенный пьяница и больше ничего. Этотъ бѣдственный «пропонца» Горихвостовъ, бывшій еще въ памяти всѣхъ ухарскимъ молодцомъ, ходившій и говорившій, какъ выражаются о такихъ людяхъ, «съ кондачка», теперь, отъ запоя въ одиночку, впадалъ уже въ делиріумъ-тременсъ и представлялъ совершенную развалину. Онъ уже почти не отрезвлялся, хотя рѣдко терялъ самосознаніе и даже присутствіе какого-то особаго остроумія. Въ часы здоровья онъ ѣздилъ верхомъ на заѣзжихъ съ товарами жидахъ, стрѣлялъ въ нихъ, посредствомъ дворовыхъ людей, залпомъ изъ ружей, холостыми зарядами, обматывалъ ихъ, съ лошадьми и телѣгами, соломой и послѣ зажигалъ эту солому издали ракетами; залапывалъ всякаго, кто къ нему ни являлся изъ новичковъ, и съ тысячами другихъ проказъ слылъ притчею околотка. Послали-было къ нему года четыре назадъ, въ ту пору, когда онъ еще книги читалъ и ѣздилъ кое-куда, и говорилъ мѣтко и ядовито, и на челоуѣка походилъ, послали-было къ нему увѣщевать его заслуженнаго и уважаемаго всѣми помѣщика, знавшаго его еще ребенкомъ. Помѣщикъ, строгій и трезвый съ юношества, явился къ нему, не вѣря еще въ его порокъ. Войдя въ домъ Горихвостова, онъ засталъ странную картину: самъ хозяинъ полу-раздѣтый сидѣлъ на диванѣ, передъ нимъ на столѣ была дере-

вянная баклага съ водкой, а въ углу на стулѣ полулежала растрепанная Феська, его экономка, тоже пьяная и въ слезахъ. При видѣ посѣтителя, хозяинъ всталъ и потерялся. Дѣтство, молодость, жизнь, университетъ, профессоры, товарищи, погубленная будущность — все передъ нимъ въ мгновеніе мелькнуло. Онъ жалко улыбнулся и, запахиваясь, долго не могъ выговорить ни одного слова; наконецъ, сказалъ:

— Вотъ это, Акимъ Савельичъ, водка, а вотъ это — Феська, а я пьянъ!

Ничто не помогло, и напрасенъ былъ заѣздъ увѣщателя. Судьба Горихвостова окончательно была рѣшена: онъ гибъ, какъ многіе гибнуть въ глуши деревень, жертвою праздности, лѣни и бездѣйствія ихъ окружающихъ.

Таковы-то были гости Ивана Григорьевича, завертывавшіе иногда изъ своихъ темныхъ и глухихъ поръ, изрѣдка раздѣлить съ нимъ и съ его сожительницей удовольствія питій и брашенъ. Нечего говорить, что всѣ они могли питать и дѣйствительно питали въ сердцѣ надежду поискать и получить въ обладаніе руки новопривывшей красавицы Евфиміи Ивановны. Съѣхались они.

— Сударыня, позвольте! — отапортовалъ первый изъ нихъ, юнкеръ Перепелица, злодѣйски подергивая усы и козыремъ подходя къ ручкѣ Евфиміи Ивановны.

— И—и мнѣ по-о-озвольте!—заикаясь, загудѣлъ толстый винокуръ Трюковъ, хрюка и выставя увѣсистый животъ.

Мелкопомѣстный дворянинъ Грѣхъ, робкій по болѣзни и застѣнчивый съ женщинами смѣлоду, не сходя съ мѣста, только отвѣсилъ издали поклонъ. А Горихвостовъ, въ качествѣ перваго учителя Фенички, рѣшилъ доставить себѣ другое, болѣе дружеское привѣтствіе. Онъ на порогѣ еще разставилъ руки и сказалъ:

— Моя первая и моя послѣдняя ученица! Краса нашего края, роза долины и медъ утесовъ! сюда!—и протянулся къ ней съ объятіями. Феничка, перепуганная видомъ сальнаго сюртука и небритой бороды, понялась—было назадъ и, жалобно присѣдая, поспѣшила уклониться къ притолкѣ двери, но Горихвостовъ не угомонился.

— Э-хе, нѣтъ, нѣ-ѣ-ѣтъ?? — заговорилъ онъ, — и прочіе гости поддерживали его знаками согласія: — такъ съ старыми дядьками не здороваются!

Феничка все еще медлила.

— Эхъ! дура жъ ты, дура, — подхватила мать и плюнула:—коли Петро Михайловичъ цѣлуется, то и цѣлуйся, съ такими можно; онъ нашъ! И хуторъ у него, дочка, хорошій, и всего вдоволь; и уже я къ вамъ заберуся, Петро Михайловичъ, и отвоюю у васъ на заводъ бычка! Дадите, Петро Михайловичъ, бычка на заводъ, изъ-подъ вашего смураго быка?

— Дамъ! не дать маменькѣ!— злодѣйски замѣтилъ Горихвостовъ и, разгладивъ усы, въ два пріема въ засосъ поцѣловать раскраснѣвшуюся Феничку. Хозяева засуетились съ обѣдомъ.

А за обѣдомъ господа гости показали, какого они поля ягоды. Съѣли борщъ; съѣли жаренаго поросенка. Выпили передъ борщемъ по первой, выпили послѣ поросенка по второй и третьей. Гости были крѣпче, а хозяинъ свернулся первый. Былъ онъ добръ и кротокъ отъ рожденія, у жены находился подъ башмакомъ, а хмельное дѣлало изъ него звѣря. Какъ напьется, и пойдеть буяннить, и все хочетъ показать, что онъ — первый въ домѣ и во всѣхъ дѣлахъ. Такъ случилось и тутъ. До этого дня онъ на дочку смотрѣлъ жалостливо и нѣжно и сбавлялъ ей работы у матери. А тутъ вдругъ показалось ему, что она брезгаетъ родителями, да и гостями. Хозяйка и дочь прислуживали.

— Не люблю я этихъ чортовыхъ бѣлоручекъ!— гаркнулъ неожиданно зловѣщимъ голосомъ Иванъ Григорьевичъ, смотря на дочку и покачиваясь.

— И я не люблю!—И я!—подхватили гости

— А еще больше я не люблю, — продолжалъ хозяинъ, свирѣпѣя:—когда бабы забираютъ верхъ! Бабы! знай свое мѣсто, и баста! — и онъ ударилъ кулакомъ по столу, причемъ загремѣла посуда и у самой старухи-жены дрогнули руки. Феничка взглянула на отца и окаменѣла; она впервые почувствовала въ этой обстановкѣ приливъ какого-то необъяснимаго отчаянія и ужаса.

Басорскій опять ударилъ кулакомъ по столу и на этотъ разъ еще швырнулъ о-земь миску.

— Слышь! дочка! подноси гостямъ и мнѣ водку!

Феничка, облокотясь о нечку, стояла неподвижная и блѣдная, чуть дыша и не слыша словъ отца.

— Химко!—крикнулъ отецъ:—да развѣ ты ужъ не слышишь? Служи по гробъ твоей жизни! нас... — И онъ под-

нялся съ лавки, направляясь къ печкѣ и не слыша ногъ подъ собою. Горихвостовъ остановилъ его и разомъ усадилъ.

— Иванъ Григорьевичъ, не буянь; угомонись и не безпокой дочки; онѣ барышня деликатная, очень деликатная и не снесетъ позора! Чему васъ, барышня, учили, скажите? Учили васъ: «Печально я гляжу на наше поколѣнье?..» Фенючка отвѣтила кое-какъ, шумъ увеличивался.

Подали водки. По слову отца, мать передала дочкѣ подносикъ, и та пошла разносить «очищенную». Потомъ по требованію гостей и отца, она дрожащимъ голосомъ, безъ аккомпанимента, спѣла какой-то романсъ, протанцовала тотъ танецъ, которому тамъ въ заведеніи ее учили. И когда всѣ уже лежали на лавкамъ, она вырвалась изъ хаты, безсознательно взобралась сперва по лѣстницѣ на чердакъ, потомъ, при взрывѣ хохота пирующихъ, пугливо сползла оттуда, удерживая платье, прошла дворъ, огородъ, и въ невыразимомъ страхѣ, блѣдная и трепещущая, забилась на сѣнникъ, ежеминутно ожидая кого-нибудь изъ приходящихъ въ себя поѣстителей.

«Въ жизнь мою,—говорила она впоследствии:— я не воображала, чтобъ могла перенести такія муки и страданія, какія перенесла въ ту ночь, когда пробуждавшіеся собесѣдники до самой зари то начинали снова пить, то пѣли пѣсни, то выходили съ фонаремъ и свѣчами изъ хаты, лазили на чердакъ, шарили по двору, кричали пѣтухами и кликали меня среди ночной тишины».

Богъ вѣсть, оттого ли, что замѣтили отсутствіе дочки при гостяхъ, по другой ли причинѣ, только отношенія къ ней семьи выказались вскорѣ. Отецъ, проспавшись, также сталъ къ ней безразличенъ и болѣе сухъ, нежели строгъ. Но мать просто ее возненавидѣла. Миски, ложки въ мытье уже не подавались ей, а прямо швырлись. Слова «бѣлоручка», «барышня», «недотрога» и «гордячка» не сходили у злобой бабы съ языка. Съ утра до поздней ночи она, какъ говорится, уже просто грызла свою дочку. Стоило Фенючкѣ задуматься о чемъ-нибудь, она сейчасъ зашипитъ: «ну, о чемъ задумалась? все о городскихъ женихахъ?.. Какъ же, жди ихъ! Такъ и кинутся на дряпъ!» — Стоило дочкѣ съ гѣмъ-нибудь изъ проѣзжихъ, выйдя на порогъ, проговорить, хотя бы это былъ мѣщанинъ, мать сей-

часть опять: «вонъ она, вонъ. Хорошихъ минуетъ, а съ побродягами нюхается! Что же? Мнѣ за тебя тониться въ рѣчкѣ, что ли. какъ пойдетъ про тебя худая молва?»

Сначала дочка плакала, потомъ привыкла; тяжела была ея жизнь. Изъ скудости и загаенной злости на дочку, мать не брала работницы. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Изъ уѣзднаго города ѣхаль какъ-то на хуторъ Басорскаго уѣздный лѣкаръ, молодой человекъ, лѣтъ двадцати-восьми. Давно уже ходили по околотку слухи о тяжеломъ положеніи дочери въ семьѣ Басорскаго. Теперь лѣкаръ ѣхаль потому, что, какъ его увѣдомили, «панночка Химка» ходила на рѣку, въ прорубь, за водой, да надѣла башмаки на босу ногу, простудилась и уже третій день лежитъ въ огнѣ и бредить.

Лѣкаръ засталъ ее въ горячкѣ. Прогналъ отъ нея всякихъ бабъ и знахарокъ, шептавшихъ надъ нею съ утра, какъ надъ покойницей, употребилъ все средства, искусствомъ и удачей произвелъ переломъ въ болѣзни, объявилъ, что она спасена, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, раструбилъ по всей окрестности и въ городѣ о ея дивной красотѣ и вполнѣ безпомощномъ, среди семейства, положеніи. Слова его не пропали даромъ.

О дочкѣ Басорскаго заговорили. Но больше всѣхъ, разумѣется, говорилъ о ней лѣкаръ.

— Это, вы не повѣрите... это сущій перлъ, перлъ! — говорилъ онъ:—вообразите! въ сильнѣйшей бѣдности, въ нищенствѣ, и что же бы вы думали? Красавица, сущая красавица, какихъ свѣтъ не создавалъ! И не взять за ея леченіе ни одной копейки денегъ! Ну, да этого ли одного она стоитъ!

Дамы ахали, пищали, передавали по двадцати разъ иначе всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ вѣсть о «перлѣ», найденномъ въ грязи ихъ «мизернаго уѣзда», и занялись снова, какъ и губернскія дамы, отрадною для самолюбія мыслювыниманія «того перла изъ грязи».

Молодой лѣкаръ, за красоту бакенбардъ и орлиный носъ носившій въ ихъ сокровенныхъ бесѣдахъ имя Сашки, выигралъ при этомъ въ общемъ мнѣніи на сто процентовъ. «Какъ! ѣздить въ стужу и метель за столько верстъ въ глушь, на хуторъ, вылѣчить, можно сказать, чудомъ, и ничего не взять! это непостижимо; это—ангель-благодѣтель,

изрѣдка только посѣщающій міръ и въ рѣдкіе случаи прикрывающій его крыломъ снисхожденія и безкорыстія».

II

«Благодѣяніе у насъ — это по моему что-то среднее между ханжествомъ и отъявленнымъ взяточничествомъ, одна изъ ступеней, черезъ которыя идутъ къ хорошей карьерѣ».

Изъ одной передовой статьи.

Быль вечеръ. Феничка значительно оправилась, но еще блѣдная и слабая. въ хорошенькой блузѣ, сшитой собственными руками, лежала въ своей комнаткѣ на кроваткѣ, полузавѣшанной старымъ ситцевымъ пологомъ. Свѣчка горѣла на притолкѣ высокой печи, освѣщая уголь кровати, подушки, сундукъ, прикрытый коврикомъ, и вещицы Фенички на столѣ и на окнѣ: банки съ помадой и духами, гребенки, ножницы, рабочій ящичекъ, сочиненія Жуковского и Муравьева и нѣсколько туалетныхъ бездѣлушекъ, память школьнаго времени, пощаженныхъ еще матерью и отцомъ. Феничка полулежала, окутавъ ноги одѣяломъ и опершись спиной о грудку подушекъ. Распахнувъ ленты бѣлаго, хорошенькаго чепчика на головѣ, она опустила усталую руку и смотрѣла на дверь. Дверь отворилась. Вошелъ лѣкаръ.

— Что, Яковъ Антоновичъ, гдѣ вы были?

— У вашего батюшки; спорилъ все и убѣждалъ его.

— Въ чемъ это?

— Да все въ томъ же. Ну, съ чѣмъ это сообразно! Развѣ вы на то созданы, чтобъ на босу ногу ходить, да простужаться? Сгоряча-то вы и не то сдѣлать можете; да что же изъ того! Вѣдь наймитесь вы, поступите съ вашимъ обученіемъ куда-нибудь, такъ и вы сами будете спокойны, и работницу наймете домой. Эка уважительная причина: мыть ладки, обѣдъ стряпать, коровъ доить! Да на это нужно какую-нибудь Матрену въ пятнадцать пудовъ вѣсомъ, а не васъ!..

— Я думала лично присмотрѣть за стариками.

Лѣкаръ засмѣялся.

Феничка повернулась въ подушкахъ и вздохнула.

— Яковъ Антоновичъ!

— Что-съ?

— Вы давно въ городъ были?

— Вчера.

— Ну, какъ тамъ? очень весело?

— Извѣстное дѣло: святки, отплясываютъ, катаются, обѣды задаютъ, влюбляются...

— А вы влюблены?

— Я-то?

Феничка кивнула ему головой и, улыбувшись, стала съ подушки пристально смотрѣть на него. Лѣкарь поправилъ золотыя очки, тревожно оглянулся по комнатѣ и, припавъ къ кровати, полушопотомъ произнесъ:

— Я васъ давно люблю, крѣпко люблю... А ты меня, Феня, любишь?

Евфимія Ивановна на это неожиданное признаніе сперва было откинулась къ стѣнѣ. Но лѣкарь очень ловко схватилъ ее за руку. Какъ видно, онъ въ этомъ былъ уже довольно опытенъ.

— Скажите же мнѣ... Скажи мнѣ, ты меня любишь?

И онъ опять поправилъ золотыя очки.

Оттого ли, что Феничка въ свою болѣзнь успѣла его оцѣнить и полюбить, оттого ли просто, что, благодаря замкнутости и непрактичности своего воспитанія, она составила въ головѣ самыя дикія, неестественныя и отвлеченно-туманныя понятія о человѣкѣ и о любви, и теперь, какъ это случается сплошь да рядомъ, кинулась съ своею любовью и невинностью къ первому попавшемуся мужчинѣ,—только прошло нѣсколько дней, и Феничка уже отвѣчала пожатіемъ на пожатіе руки лѣкаря, и уста ихъ, какъ говорилось въ романахъ г. Воскресенскаго, наконецъ, слились въ безконечный поцѣлуй...

Нечего прибавлять при этомъ, что матушка въ означенное время лежала безъ ногъ, а батюшка былъ въ отсутствіи. Лѣкарь очень поздно, почти на зарѣ, уѣхалъ съ хутора въ городъ.

— Да вы, мамочка, да ты, душка, скажи мнѣ,—говорилъ онъ, сладко разставаясь съ больною:—скажи мнѣ по-правдѣ: хочешь, я устрою твою судьбу и вовѣки тебя не оставлю?

Феничка въ томленьи смотрѣла на него и не медлила отвѣтить:

— Яковъ Антоновичъ! Отнынѣ судьба моя въ вашихъ рукахъ. Чтò вы мнѣ скажете, то я и сдѣлаю; убѣжимъ хоть на край свѣта!

— Ну, на край свѣта нечего бѣжать. А вотъ что! Есть у меня одна пріятельница, дамочка, тутъ верстахъ въ семнадцати живетъ. Я не то, что у нея домашній врачъ, хотя прежде ее и лѣчилъ, а она, собственно, въ меня влюблена; ну, я попрежнему къ ней изъ жалости и ѣзжу. У нея два мальчишки сына, одному семь, а другому восемь лѣтъ, и она ищетъ гувернантки. Домъ отличный, и она сама—божество доброты и любезности. Хотите... хочешь, я тебя туда пристрою? цѣлковыхъ триста въ годъ дасть, и къ тому же платье и все готовое!

Феничка вздохнула.

— Ахъ, Яша, я одного боюсь: ты меня тамъ при ней ужъ не будешь такъ любить!

— Какъ можно! Тамъ-то и легко, тамъ-то мы и будемъ видѣться. У нея дремучій садъ... Я къ ней постоянно по пятницамъ и по понедѣльникамъ ѣзжу, подъ предлогомъ золотухи у старшаго сына. А цѣлковыхъ триста навѣрное дасть. Я ужъ устрою.

Условія приняты. Старикъ и старуха Басорскіе были уговорены, со слезами и причитаньями отпустили дочку, говоря, что хоть и жалко имъ такъ остаться на дряхлости безъ опоры, и она уже дѣвка на выдачѣ, и женихъ есть, ну, да Богъ съ ней, пусть идетъ въ добрые люди хлѣбъ добывать, авось и ихъ не забудетъ. При переѣздѣ дочки къ госпожѣ Черпаковской, батюшка съ матушкой не забыли, однако, взять впередъ деньги за полгода и конфисковали еще часть ея бѣлья, кое-что изъ новаго платья и шубку, ссылаясь на то, что коли барыня добрая, то и нашьетъ ей всего этого.

Барыня, дѣйствительно, была добра. Приняла она Феничку по первому слову доктора. Увидя ее, тревожно оглянула ее съ ногъ до головы и, тутъ же посмотрѣвъ на себя и на свои красы въ зеркало, успокоилась и сказала съ улыбкой:

— Очень рада, моя милая; только какъ вы худы и блѣдны!

Въ этомъ замѣчаніи слышалась невольная радость. Яковъ Антоновичъ, какъ увѣрялъ ее не разъ, любилъ полныхъ и аппетитныхъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ пріивѣтствія и разспросовъ о родителяхъ, Лукерья Романовна Черпаковская, имѣвшая красное въ пятнахъ лицо, какъ у голландскаго матроса, и сѣдоватые усы на верхней губѣ, встала съ дивана, отряхнулась, сказала:— «а вотъ мы теперь и за урокъ!»—и поплыла въ волнахъ юбокъ въ отведенную гувернанткѣ комнату.

Мальчишки были представлены гувернанткѣ съ книгами, очищенными карандашами, перьями за ухомъ и перепачканными пальцами и куртками. Феничка, затянута въ бѣлое кисейное платье, сшитое тайкомъ отъ матери на часть задатка помѣщицы, сѣла, облокотила о столъ блѣдныя, еще худощавыя руки и съ тревожнымъ біеніемъ сердца, чуть шевеля губами, начала урокъ. Старшій, золотушный Миша, предсталъ первый.

— Вы заповѣди учили?

— Учили; и еще дальше, еще *Върюю*.

— Ну, какая пятая заповѣдь?

Ученикъ загнулся.

— Нѣтъ, нѣтъ, я этой не училъ, а училъ только вотъ до сихъ поръ! — И онъ ткнулъ грязнымъ пальцемъ въ перепачканную и чуть живую страницу.

— Да, они только до сихъ поръ учили!—замѣтила мать, слѣдившая первый урокъ съ тревожнымъ любопытствомъ.

Выступилъ Коля съ голубыми глазами на выкатъ, какъ два стеклянныхъ яйца. Этотъ уже просто оказался способнымъ болѣе ковырять въ носу и глядѣть по сторонамъ, чѣмъ слышать и понимать чтò бы то ни было въ урокъ. Онъ тутъ же устремилъ все свое вниманіе на муху, ожившую гдѣ-то за печью и начавшую перелетать то на плечо учительницы, то на гребень въ ея волосахъ, то на песочницу и изрѣзанную книжку географіи. Три раза гувернантка спросила, сколько дважды три, и потомъ, какой главный городъ въ Россіи. Мальчикъ почесался за спиной, переступилъ съ ноги на ногу, и вдругъ носъ его началъ безъ видимой причины сопѣть.

— Ахъ, чуть ли и у него не золотуха!—сказала съ нѣжностью мать и заставила его высморкаться въ собственный свой платокъ, поцѣловала его и ушла, сказавъ учительницѣ:—душенька, вы его берегите и поменьше мучьте уроками; онъ мнѣ напоминаетъ своего отца!—Послѣднія слова сказаны были по-французски.

Урокъ былъ вскорѣ конченъ, оставивъ въ мысляхъ Фенички одну пустоту и невыразимую скуку. Она ясно видѣла, что битва съ головами ребятишекъ стоить любой битвы жизни, но еще болѣе видѣла она, что въ ней нѣтъ ни малѣйшаго призванія и способности къ наукѣ обученія, что сама она еще дитя, которому надо учиться, и что, нако-

нецъ—увы!—и это самая горькая истина—въ эти два года изъ ея головы вылетѣли всѣ книги и тетрадки, вызубренные ею въ заведеніи, до того, что она сомнѣвалась, ужъ училась ли она когда-нибудь этимъ книжкамъ и тетрадкамъ, и, задавая какой-нибудь вопросъ ребенку, она съ тревогою думала: «а что, какъ онъ возьметъ у меня изъ рукъ книгу, закроетъ и скажетъ: а ну-ка, не смотря туда, сами отвѣтите, когда основанъ Римъ, сколько было въ древности патріарховъ и кто взошелъ на русскій престолъ послѣ Іоанна Калиты?»

Яковъ Антоновичъ Семереньковъ, лѣкарь, попрежнему ѣзжалъ къ Черпаковской и заставлялъ Феничку за уроками. Наступила весна; кругомъ чирикали птички. Воздухъ былъ точно напоенъ паромъ молодого вина. Жилки на вискахъ Фенички бились усиленно. Въ ухахъ былъ звонъ, въ сердцѣ неизъяснимая томительная тревога. Въ то время, какъ ученикъ передъ нею рапортовалъ скороговоркою: «Попрыгунья стрекоза лѣто цѣлое пропѣла... Ты все пѣла, это дѣло, такъ поди же—попляши!»—Семереньковъ сбоку нашептывалъ, то по-русски, то по-французски:

— Вотъ и хорошо, и мило, жизнечекъ, что вы тутъ, и мы съ вами видимся! А то, въ самомъ дѣлѣ, вздумали разыгрывать положеніе малютки, который «Велизарію шлемънося, просилъ для Бога нищи лишь дневныя!» Теперь и батюшка вашъ сытъ, и мы неразлучны; пойдемте въ садъ!

Миша съ Колей усмалались посмотреть, гдѣ мамаша, а докторъ съ гувернанткой, пока она возилась въ кладовой, закрывали урокъ и шли въ садъ собирать цвѣты. Вообще же Черпаковская мало подозрѣвала Якова Антоновича и была совершенно спокойна. Такъ прошло три или четыре мѣсяца. Иногда она съ гувернанткой пускалась даже въ сокровенныя объясненія.

— Ахъ, ма-шерчикъ, — говорила она, оправляя передъ зеркаломъ къ прѣзду Семеренькова на своемъ плотномъ станѣ какую-нибудь новую шнуровку или платье: — я чувствую... я предполагаю, но нѣкоторымъ признакамъ, по тали, что я буду скоро счастливѣйшая женщина.

Феничка на это только молча и нѣжно припадала къ ея плечу. Барыня не замѣчала, что сама перешиваетъ платья отъ жиру, а у гувернантки, наоборотъ, появляются безъ причины, ежедневно, то головокруженіе, то тошнота, то быстрые переходы отъ веселья къ слезамъ и особенная блѣдность лица.

Сидѣла какъ-то передъ вечеромъ Черпаковская на крыльцѣ въ садѣ, съ сосѣдкою по имѣнію, госпожею Чуланчиковою, слышшею первую особою въ кругу благотворителей и благотворительницъ уѣзда и даже губерніи. Дѣти съ гувернанткой и лѣкаремъ пошли рвать къ пруду ежевику. Черпаковская, на языкѣ, по крайней мѣрѣ, никогда не хотѣла уступить сосѣдкѣ въ дѣлахъ добра, и потому теперь обѣ барыни просто надсѣдались, хвастая своими поступками.

— Вы не повѣрите, ахъ, вы не повѣрите! — говорила госпожа Чуланчикова, богомольная помѣщица, взростившая у себя какую-то сироту-племянницу: — какое счастье оказать благодѣяніе! Я моею Фросинькѣ ничего не жалѣю; теперь ее выдала за хорошаго человѣка, за гусара, и все ей откажу — и Марьевку, и Дарьевку, и Коростели. Я же, бѣдная вдова, умру какъ-нибудь; авось она меня на старости не покинетъ...

Фросинька, дѣйствительно, вышла замужъ. Но мужъ въ первыя же сутки узналъ, къ сожалѣнію, что она больна неизлѣчимою падучею, что было скрыто тетужкой-благодѣтельницей. Судьба этой Фроси, замѣтнмъ кстати, разыгралась въ послѣдствіи очень грустно: падучая навредила во время родовъ: она умерла, оставивъ чахоточнаго сына. Чуть племянница закрыла глаза, тетужка тонкимъ образомъ выпроводила гусара-мужа ея изъ деревни, сказавъ, что она обѣщала сдѣлать счастливою племянницу, а не его, и взяла на попеченіе новорожденнаго. Съ нимъ началась та же исторія. Она выхолила его чуть не въ хлопкахъ, трубя всѣмъ о своихъ пожертвованіяхъ, и выростила въ качествѣ своего наслѣдника. Мальчикъ, мѣняя въ годъ, черезъ безалаберность вздорной бабы, по три, по четыре пансіона, вышелъ, наконецъ, съ поползновеніями пожить тепло, поѣсть сытно и прожить вѣкъ, сложа руки и ничего не дѣлая, какъ наслѣдникъ 3,000 десятинъ. И что же? Благодѣтельница умерла. Вскрыли завѣщаніе — она отказала все свое имѣніе, бывшее благопріобрѣтеннымъ черезъ мужа, какому-то стряпчему Фролу Терентьевичу Балаболкину, о которомъ прежде и помину не было, съ тѣмъ, чтобы тотъ имѣніе распродать и деньги за него роздать бѣднымъ... Многіе эту госпожу за такое поведеніе возславословили. Но круто пришлось сиротѣ-наслѣднику: кинулся онъ туда-сюда — ничего не знаетъ, ничего не умѣетъ. Вспомнилъ обѣ отцѣ, котораго ни разу не видѣлъ. Совѣстно, видно, стало уже идти къ нему за ми-

лостыней, онъ и повѣсилъ у могилы всѣмъ оплакиваемой бабушки.

Но этого еще не было, когда шли событія нашего разсказа, и благодѣтельная выдача замужъ племянницы за гусара была еще въ сильномъ ходу у сосѣдки Черпаковской.

— Я вотъ тоже, — замѣтила послѣдняя на хвастливую обмолвку сосѣдки:—я тоже пристроила у себя одну сироту, Яковъ Антоновичъ рекомендовалъ. Такая тихая, знающая... мамзель Басорски...

Съ этими словами глаза Черпаковской, устремленные въ садъ, неожиданно обратились къ окну въ гостиную, и она тревожно насторожила уши. Ей показалось, что черезъ гостиную, изъ комнаты гувернантки, раздался затаенный смѣхъ и кашель.

— Да, подите вы! — говорила сосѣдка: — одна Марьевка моя чего стоить, да Дарьевка, а о своихъ заботахъ я и не говорю...

Смѣхъ сталъ явственнѣе. Черпаковская вскочила, какъ съ огня, выпрямилась и быстро пошла черезъ гостиную. И что же представилось ея взорамъ?—Феничка сидѣла, обнявшись съ молодымъ эскулапомъ, и послѣ неосторожнаго веселаго смѣха о чемъ-то, готовилась уста свои и его слить въ новый безконечный поцѣлуй... Боже мой, что произошло при этомъ!

— Какъ? такъ для этого я тебя, дрянъ-мерзавка, пригрѣла, чтобъ ты шуры-муры тутъ заводила!? Вонь!..

Феничка выскочила на крыльцо, въ чемъ была. Ее посадили въ какую-то телѣгу и умчали въ городъ. А лѣкарь потерялъ еще болѣе. Сосѣдка Чуланчикова увѣряла, крестясь и отплеиваясь, что своими глазами видѣла, какъ Черпаковская выбѣжала вслѣдъ за нимъ простоволосая, съ упавшимъ на синю чепцомъ, и гнала его черезъ дворъ и часть улицы, не то метлой, не то кочергой, ударяя по чемъ ни пошло. Скандалъ былъ произведенъ общій, и всѣ надолго, чуть ли не на годъ или болѣе, оставили посѣщать домъ Черпаковской...

Но странное дѣло! Лѣкарь опять при этомъ выигралъ. Молодая часть мѣстнаго общества, падкая на романическіе случаи, рѣшительно стала на его сторону. Онъ до того выспяся въ общихъ толкахъ, что пріобрѣлъ значительно въ практикѣ и уже пріѣзжалъ въ каждый домъ не иначе, какъ съ улыбкой. Одно вредило ему у мѣстной власти, носившей

чинъ городничаго и падкой до мистицизма: онъ все отнѣмивался жениться на Фенчикѣ Басорской. Хотя первые два мѣсяца онъ даже давалъ ей кровъ, пищу и спокойствіе, у одной вдовы мѣщанскаго сословія, подъ видомъ того, что черезъ него она «невинно пострадала», однакоже, умѣлъ ловко обойти этотъ щекотливый для себя вопросъ, на Фенчикѣ не женился, остался также уважаемымъ и любимымъ всѣми, и даже, перечислившись въ губернскую больницу, сталъ съ успѣхомъ свататься за дочку зажиточнаго купца.

А Фенчика? — Некому было за нее вступиться. Къ отцу и къ матери она боялась показаться въ такомъ положеніи и рѣшилась, послѣ ряда жгучихъ сценъ съ лѣкаремъ, прибѣгнуть къ другой обывательницѣ уѣзднаго города, знавшей ее прежде, и бросивъ окончательно лѣкаря, послала ему обратно всѣ его вещи и подарки, платья, часы, шляпки, мебель и ковры. Семереньковъ все это принималъ съ благодарностью и написалъ къ ней съ посланнымъ, что она еще забыла возвратить ему двѣ голландскія рубашки, вышитыя кружевами, а что онѣ ему нужны при отъѣздѣ въ губерндскій городъ.

Городская обывательница, пріютившая Феничку, была тихая труженица. Вдова покойнаго учителя русской словесности и штатнаго смотрителя уѣзднаго училища, она происходила изъ сословія мѣстныхъ крѣпостныхъ людей, познакомилась съ покойнымъ мужемъ, будучи по найму въ купеческомъ домѣ, полюбилась ему за румянецъ щекъ, густоту темной косы, полноту плечъ, и черезъ два года истинной любви обвѣнчалась съ нимъ и до конца его дней сохранила при немъ ту же неподдѣльную доброту души, мягкость нрава и силу непритворной любви. Этотъ учитель былъ чудакъ. Перейдя изъ гимназій къ сану педагога, онъ предался непомѣрной честности въ исполненіи долга и писанію стиховъ. Составивъ книжонку лирическихъ пѣсень, онъ отпросился на вакансію въ губерндскій городъ, тиснулъ ее и послалъ въ Петербургъ, при письмахъ къ двумъ журналистамъ.

Одному, бывшему уже въ большемъ чинѣ, имѣвшему теплую квартиру и значительный доходъ, онъ написалъ по его печатному адресу простодушно-льстивое письмо, прося похвалы и прилагая письмо къ другому журналисту, безчиновному бѣдняку и кумиру тогдашней молодежи, говоря

что не знаетъ, куда ему писать. Чиновный журналистъ, какъ и слѣдовало ожидать, расхвалилъ уѣздную музу, сказалъ, что восходитъ новая звѣзда поэзій, привелъ нѣсколько жалкихъ отрывковъ изъ книжки и тутъ же прибавилъ, въ обращеніи къ дамамъ, что его знаетъ вся Россія, знаютъ даже, гдѣ онъ живетъ, а что есть люди опасные въ литературѣ, къ которымъ онъ хотя по порученію и относится, но съ ними не знается. Журналистъ-бѣднякъ пролилъ на книжку всю свою желчь, называлъ автора чистѣйшею бездарностью и съ увлекательно-жгучею откровенностью во всеуслышаніе взывалъ къ сочинителю, напоминая ему о долгѣ жизни, о правдѣ и о положительной любви къ ближнимъ.

Учитель бросилъ печатать, зарылся оскорбленный, сгорая отъ стыда, въ свои дѣла и въ десять лѣтъ успѣлъ сдѣлать столько для училища, сколько передъ нимъ не сдѣлали другіе въ сорокъ лѣтъ. Мальчики его боготворили. Не было и съ его стороны дня и минуты, когда бы онъ съ благоговѣніемъ не произносилъ имени строгаго критика. Последнюю копейку тратилъ, скупая журналъ, гдѣ онъ печатался, и вырывая оттуда его статьи; каждаго завѣзжаго морилъ разспросами о человѣкѣ, убившемъ его литературныя дѣтскія надежды и сдѣлавшемъ изъ него человѣка. Зато журналистъ-хвалитель, разоблаченный однимъ студентомъ, привезшимъ въ тотъ уголь все пасквили на него, писанныя отъ вдохновеннаго пера Пушкина до послѣдняго изъ поэтовъ молодого поколѣнія, сталъ для него чѣмъ-то неисчерпаемо позорнымъ, дикимъ и гадкимъ. Последній мальчикъ въ школѣ уже знаетъ въ настоящемъ свѣтѣ это имя, и даже сама Глаша, сожительница учителя, въ толкахъ о какой-нибудь уѣздной гадости, ссылалась на позорное имя этого журналиста.

Библіотека учителя наполнялась свѣтлыми созданіями духовныхъ дѣтей Пушкина и Гоголя. Онъ жадно слѣдилъ за наукой и поэзіей. Читая передъ смертью тоже почти предсмертную критическую поэмю своего любимца, гдѣ мелькнули огненные слова: «если мы сойдемъ съ поприща свѣта, одно насъ утѣшаетъ — литература русская бросила путь болѣзненнаго романтизма, побрѣзусекъ и всякихъ непризнанныхъ геніевъ и пошла по пути другому, гдѣ уже мерцаютъ свѣточъ истины и добра», — бѣднякъ уронилъ книгу, заплакалъ и, обращаясь къ женѣ, сказалъ: «ахъ,

Глаша! все хорошо да жутко мнѣ умирать—пусть онъ меня корилъ; да за что этотъ-то меня хвалилъ? Вѣдь онъ хвалилъ только подобныхъ себѣ!»

Феничка видѣла этого учителя у Черпаковской и была очарована его особенною, задушевною рѣчью.

Теперь она явилась къ его вдовѣ, потому что та оставалась безъ куска хлѣба, жила уже второй мѣсяцъ, распродавая книги покойника, которыхъ, между тѣмъ, никто не хотѣлъ брать, и начавъ съ горя заниматься повивальнымъ искусствомъ. Феничка скрыла свои слѣды отъ отца и матери и явилась, привезя съ собою только ящикъ съ необходимою одеждою и даровыми школьными книгами. Она условилась съ Глафирой Ивановной брать работу и шить, а та продержитъ ее, пока ей можно будетъ снова явиться въ свѣтъ. Горестны были дни этихъ двухъ страдалицъ. Работы почти не отыскивалось, и по цѣлымъ днямъ иной разъ онѣ сидѣли безъ куска хлѣба. Наконецъ, какъ-то въ февралѣ, священникъ въ комнаткѣ Глафиры Ивановны окрестилъ новорожденную дѣвочку, дочь Фенички, думавшей еще такъ недавно, что любовь кончается одними поцѣлуями и что новорожденныхъ дѣтей находятъ въ огородахъ, подъ лопушкомъ,—благословилъ спасенную мать и отъ неизвѣстнаго—это былъ онъ самъ—оставилъ на зубокъ ребенку десять рублей серебромъ.

Нищета двухъ сожитѣльницъ перешла всякій предѣлъ. А языки работали: Глафиру Ивановну уѣздныя силетницы ненавидѣли за покойнаго мужа, ученаго гордеца, не шедшаго къ нимъ съ поклономъ, а Феничку ежедневно распинали просто изъ какого-то дилетантизма.

Священникъ попытался-было съѣздить къ уѣздному предводителю, съ предложеніемъ открыть для несчастной Басорской подписку; куда тебѣ! Насилу ноги унесъ. Было натолковано тутъ и о попоранной нравственности уѣзда, и о соблазнѣ окружающихъ, и чуть не затѣяли бѣдную постоянную Глафиры Ивановны предать суду. Прибавлять ли еще къ этому, что мать и отецъ Фенички притащились къ ней, сдѣлали жалкую, вопіющую сцену и проклинали ее... Съ той поры входъ для нея, въ качествѣ гувернантки, былъ закрытъ во всѣ дома уѣзда и губерніи.

Добрая Глаша просто убивалась и таяла отъ того, что у нея не покупали библіотеки покойнаго мужа.

Но крѣпко держалась душа у одной Фенички. Кое-какъ перебиваясь, она продала все, что имѣла, послѣднія вещицы и бездѣлушки, платье и сочиненія Муравьева, но съ Пушкинымъ, найденнымъ въ библиотекѣ мужа хозяйки, не разставалась. Въ немъ для нея олицетворялась та нравственная жизнь, тотъ свѣтъ науки и мысли, которыми она запаслась, хотя не скоро, вершками и одними намеками, въ заведеніи. Тутъ только она поняла, что какъ ни страшно-тяжело, какъ ни убійственно было ея положеніе, она готова была умереть голодною смертію, но не отдала бы своихъ, даже мелкихъ знаній за тотъ жирный и барскій покой, которымъ пользовались окрестныя тупоумныя и безголовыя барышни.

Она плакала горькими слезами, проклинала ту форму, въ какой пришла къ ней наука, тѣ приемы, гдѣ она не приняла знанія ни свѣта, ни людей, и пала, обманутая первымъ негодяемъ, — но не роптала на себя за науку. Наука пробудила въ ней въ горькую минуту дремавшую природу, самосознаніе проникло въ душу и сердце, она съ замирающимъ восторгомъ ухватилась за чтеніе обширнаго собранія книгъ покойнаго мужа Глаши, погружаясь по мѣрѣ чтенія въ какія-то особенно крѣпкія, гордыя и насмѣшливо-торжествующія грѣзы. Ни днемъ, ни ночью уже не покидалъ ее поэтъ, который говорилъ, сходя съ поединка за честь и свое сердце въ преждевременную могилу:

«Но долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ!»

Между тѣмъ, перепала кое-какая работа отъ прѣхавшей судиться съ сосѣдкой одной барыни-франтихи.

Феничка оправилась и уже ходила. Долги въ мучной лабазъ и въ лавки кое-какъ были заплачены.

Попыталась Феничка предложить барыни свои услуги учительства дѣтей ея на отъѣздъ, въ другое имѣніе барыни, за три губерніи далѣе, чтобы забыть и память своего околотка. Барыня сказала что подумаетъ, и черезъ недѣлю, уѣхавъ въ спокойномъ дормезѣ, отказала записочкою на раздушенной бумажкѣ.

Въ запискѣ говорилось, что она не понимаетъ, какъ мамзель Басорская рѣшилась предлагать ей свои услуги, послѣ того, что съ ней было, о чемъ весь городъ и въ особенности супруга судья знаетъ, и какъ ея присутствіе по-

дѣйствуетъ на неопытныхъ крошекъ-дѣтей, когда на жизни
сея лежитъ тяжелое, несмываемое преступленіе. Въ заклю-
ченіе совѣтовалось сходить въ Кіевъ на богомолье.

Феничка, прочтя это посланіе, невольно призадумалась.

III.

«Сударыня! у васъ еще не все погбло.
Смотрите, еще у васъ есть благотворитель-
ныя особы, жаждущія вамъ помочь!»

*Изъ увѣщательнаго письма одного
филантропа-чиновника.*

Прошелъ тяжелый, горькій годъ. Кое-какъ промаявшись,
прожила Феничка. Она съ отчаянія давно уже была готова
на все махнуть рукой. Въ этотъ годъ нѣсколько мѣсяцевъ
стоялъ въ городкѣ одинъ кавалерійскій полкъ. Общество жи-
вилось, зашумѣло. Пошли собранія, вечеринки, катанья за
городъ. Дамы разорились, справляя визитныя платья и
стараясь затереть нарядами полковыхъ дамъ. Феничка, не
покидавшая иглы, не слишкомъ, однакожь, поддавалась лю-
безностямъ кавалеристовъ, сразу отыскавшихъ въ темномъ
окошечкѣ глухого переулка ея картинное личико. Офицеры
просто дежурили у переулка, гдѣ она жила, сѣти были раз-
ставлены ловкія. Ничто не щадилось, даже Глаша явилась
какъ-то съ запасами всякихъ снадобьевъ для дома, съ парюю
ситцевыхъ кусковъ на платье и заячьимъ мѣхомъ на шубу,
увѣряя, что прислали родичи изъ ихняго выселка, и стала
посматривать на Феничку глазами, пылавшими соблазномъ
и особенною улыбкою. Феничка ее разбранила и привела
въ слезы. По отходѣ полка, городскія барыни, дѣйстви-
тельно, указывали на Феничку, которая изъ-за угла, въ
платочкѣ, смотрѣла, какъ выѣзжали офицеры. Но опредѣ-
леннаго ничего не было, и язвительныя догадки далѣе
не шли.

Но вотъ терпѣніе Фенички лопнуло. Работы опять исто-
щились. Глафира Ивановна свела дружбу съ какимъ-то
становымъ и собиралась переселиться къ нему въ участокъ,
въ качествѣ няньки его сиротъ. Феничка ударилась-было
еще съ предложеніемъ гувернантки, въ два-три мѣста. Ей
отказали и она рѣшилась прибѣгнуть къ памяти своихъ
бывлыхъ подругъ. Съ замирающимъ сердцемъ сѣла она,
написала три письма: одно къ княжнѣ *Раисѣ Вонзковской*

написавшей ей когда-то кровью изъ пальца клятвенное обѣщаніе помочь ей въ случаѣ нужды; другое къ *Мери Кахновичъ*, учившей ее когда-то шить *broderie anglaise* и бывшей дочерью значительнаго чиновника Рязанской губерніи, и третье къ *Пашенькѣ Булавенъевой*, хотя тоже бѣдной дочери учителя рисованія при родномъ ей заведеніи, но важной потому, что она предполагала жить гувернанствомъ и могла узнать поэтому хорошія мѣста.

«Душечка Раячка, или нѣтъ — вапе сіятельство, Раиса Владиміровна! — начиналось письмо къ первой: — вспомните нашу дружбу, наши мечты, грѣзы, клятвы и обѣщанія. Теперь пришелъ случай взывать къ вашему милосердію: я въ крайней нищетѣ. Денегъ мнѣ не нужно, но умоляю пріискать въ вашей окружности мнѣ мѣсто учительницы при дѣтяхъ или компаньонки въ семейномъ домѣ. Условія какія угодно; лишь бы мнѣ избавиться отъ нищеты, не скрою, угрожающей даже голодною смертію».

Второе письмо говорило: «Меричка! помнишь, какъ я за тебя рѣшила задачу изъ математики и написала сочиненіе по-нѣмецки. Теперь требую и отъ тебя помощи: попроси твоего отца, который, кажется, статскій генераль и служить въ столичной уголовной или гражданской палатѣ, пріискать мнѣ мѣсто. Я сейчасъ пріѣду».

Въ третьемъ повторялось почти то же самое, съ прибавленіемъ только просьбы поклониться старому отцу Пашеньки, Петру Федотычу, который, кажется, писавшую любилъ и всегда ей ставилъ за рисунки пять.

На первое письмо пришелъ отвѣтъ черезъ восемь мѣсяцевъ. Княжна писала смѣсью французскаго съ англійскимъ языкомъ, говорила, что за ней ухаживаетъ тьма жениховъ, что она у дяди, на Вислѣ, живетъ въ богатѣйшемъ замкѣ, что носитъ такіе-то и такіе-то наряды, а что въ модѣ, впрочемъ, много шелку и бархату; просила Феничку вернуться къ ней когда-нибудь погостить, а чтобы, впрочемъ, она не хандрила (слово поставлено русское французскими буквами: не *khandrilla*) и сама влюбилась въ какого-нибудь хорошенькаго улана или кирасира. Княжна совершенно не поняла письма и просьбы Фенички.

На второе письмо отвѣтила не сама Мери Кахновичъ, а ея папенька, статскій генераль, и отвѣтилъ съ отмѣнною

аккуратностью, въ первую же почту:—«Милостивая государыня, Евфимія Ивановна! Ваше почтеннѣйшее письмо стало мою Машеньку ужъ въ замужествѣ, за коллежскимъ совѣтникомъ Веденѣвымъ. Да на сіе замѣчу, что она вамъ и не отвѣтила бы и я ее отнюдь къ тому бы не допустилъ. Ваша исторія съ докторомъ, титулярнымъ совѣтникомъ Семереньковымъ, здѣсь также оглашена. Вамъ остается смиригься и возложить надежды и упованіе на милосердіе Божіе. А вслѣдствіе отношенія вашего къ дочери моей и вашей подругѣ, что вы въ нищетѣ, то посылаю вамъ при семъ 25 рублей серебромъ, съ чѣмъ имѣю честь быть, въ совершенномъ почтеніи и преданности, милостивая государыня, вашимъ покорнѣйшимъ слугою, Андреемъ Васильевымъ, сыномъ Кахновичъ».

Третье письмо пришло вслѣдъ за вторымъ и совершенно смутило и повергло въ холодное и безвыходное отчаяніе Феничку.

Пашенька Булавеньева писала,—и Феничка тщетно усиливалась въ ея рѣчахъ угадать былую сверстницу своей отроческой жизни. Феничка помнила ту драму изъ ея жизни, когда она кончала курсъ. Пришествіе Феничкина отца за нею въ заведеніе пѣшкомъ обратило общее вниманіе. А между тѣмъ, Пашенька Булавеньева кончала курсъ въ то время, какъ старику Булавеньеву директриса должна была отказать отъ каведры рисованія потому, что его руки какъ-то неловко примерзли въ одну изъ зимъ, не прикрытыя щегольскими теплыми перчатками, когда онъ заблудился въ предмѣстьѣ города, поздно возвращаясь домой съ уроковъ,—и стали сильно трястись. Феничку проводили съ романтическими возгласами, а Пашенька перешла въ холодную комнату, въ четвертомъ этажѣ, гдѣ приходилось жить круглый годъ на пенсіи огорченного отца. Старикъ недолго пожилъ: параличъ додѣлалъ его карьеру, и письмо Фенички застало Пашеньку уже на полной свободѣ. Пашенька, проживая уже въ сомнительно щегольскихъ комнатахъ, разодѣтая въ атласъ и въ блонды и развѣзжая на пролеткахъ какого-то безсемейнаго кулца, писала такъ:—«Ангель и шерчикъ Феничка! Все тринь-трава на бѣломъ свѣтѣ. Я сама вздыхала горлинкой и точила слезы отчаянія; все это—чепуха. Теперь я пью шампанское, какъ гусарь, танцую канканъ и читаю романы Дюма-сына и компаніи. Утѣшсья

и ты. Спѣши, прѣзжай къ намъ. Здѣсь въ той значной юдоли, гдѣ я живу, не знаютъ ни печалей, ни воздыханій. Посуди сама, что мнѣ предстояло? Состарѣться старой дѣвой или выйти за чахоточнаго чиновника! Оглянись кругомъ себя и спѣши! Если ты любишь и читала Беранже, то вспомни его пьесу: «Je volerais vite, vite, vite, si j'étais petit oiseau!» Явись въ веселый, безцеремонный и вѣчно-довольный кругъ, гдѣ нынѣ обрѣтается и твоя вѣрная Пашета Булавеньева».

Истина во всей ея наготѣ представилась Феничкѣ. «Какое паденіе?.. Надо ее выручить!» повторяла она. Отверженная всѣми, забытая и оскорбляемая всѣми, она почувствовала приливъ невыразимѣйшаго негодованія. Предразсудки, клеветы, зависть и себялюбіе взяли свое. Послѣдніе шаги по пути чести были ею пройдены. Ъхать въ другую губернію? Но съ какими средствами и куда пристроить ребенка?

Въ одно утро, собравъ свои небольшіе пожитки и запасшись частицей заработанныхъ трудомъ денегъ, Феничка отнесла свое дитя на время къ священнику, простилась съ своей хозяйкой и, договорившись съ какою-то купческою четою, ѣхавшею въ тотъ же губернский городъ, гдѣ она училась, отправилась въ путь. Остальная ея надежда была — прибѣгнуть, еще съ незапятнанною совѣстью, къ бывшей своей директрисѣ и упросить ее дать съ какимъ-нибудь мѣстомъ при заведеніи честный кусокъ хлѣба. Она прибыла въ городъ.

Было воскресенье.

Принарядившись въ чистое и бѣлое кисейное платье, прикрывшись платочкомъ, въ вязаныхъ перчаткахъ и подъ старенькимъ зонтикомъ, она подошла съ другими надеждами и вѣрованіями къ знакомому зданію. Швейцарь, стоя у щегольской лѣстницы, не узналъ ея.

— Дома Анна Карловна?

— Дома, да никого не принимаютъ.

— Доложи, что пришла бывшая здѣшняя воспитанница Басорская.

Швейцарь оглянулъ ее съ ногъ до головы и пошелъ докладывать. Феничку позвали.

Но продолжать ли мнѣ?.. Директриса, та же ласковая, строгая и чопорная дама, сидѣвшая постоянно у круглаго стола передъ диваномъ, въ то время, какъ лучшія воспи-

таннины сидѣли тутъ же поодаль, занимаясь работами и изрѣдка отвѣчая на ея вопросы, приняла Феничку озабоченно-нѣжно. Взоромъ велѣла остальнымъ дѣвицамъ выйти и усадила ее близъ себя.

— Все такъ, все такъ, моя милая! — говорила она на просьбы Басорской, державшей себя вообще пристойно и гордо: — я понимаю ваше положеніе! Вы, точно, хорошо кончили курсъ. Да что же мнѣ дѣлать! У насъ кровать на кровати, мѣста нѣтъ не только класснымъ дамамъ, даже дѣтиямъ. Всѣ должности заняты...

— Ахъ, маман, да вы примите меня хоть куда-нибудь хоть кастеляншей, за бѣльемъ смотрѣть; хоть...

Феничка не договорила. Директриса сидѣла, опустила глаза, мила въ рукахъ платокъ и была очевидно въ волненіи.

— Притомъ же, — начала она: — не скрою отъ васъ, не хочу васъ обидѣть, здѣсь прошли... такіе... слухи... помните, моя милая!

— Боже мой, — заговорила Феничка и закрыла лицо руками: — вы меня призрите, отогрѣйте, защитите; вѣдь я ваша, я съ голоду умираю. Насъ одинъ Господь разберетъ, я ли виновата; а вы меня спасите, поднимите; вашъ голосъ заставитъ молчать другихъ. Я же не убійца, не воровка, не преступная... Ради моего ребенка, маман, защитите меня!

Директриса быстро встала.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда, это невозможно. — оставьте меня. Феничка встала, отерла глаза, хотѣла еще что-то сказать и молча пошла къ двери...

Добрая директриса, чуть стихли ея шаги, со слезами бросилась на колѣни передъ образомъ, — и воспитанницы изъ сосѣдней комнаты, сквозь дверь, видѣли, какъ она усердно молилась.

А между тѣмъ, внизу, у выхода, произошла сцена другого рода. Сходи по лѣстницѣ, блѣдная, безъ слезъ, измученная и чуть живая, Феничка встрѣтила институтскаго эконома, двоюроднаго брата директрисы, рынаго поборника чистоты половъ, блеска притолоковъ и дверей, огненной яркости замочныхъ ручекъ и печныхъ задвижекъ и врага хорошаго аппетита и исправныхъ желудковъ. Онъ всегда ненавидѣлъ Феничку за то, что та въ старшемъ классѣ открыто волновала свой столъ, бракуя то пахнущую свѣчнымъ саломъ похлебку, то макаронный соусъ, куда неужи-

данно примѣшался тараканъ или цѣлая мышь, или выдаваемую за молоко неподражаемую смѣсь муки, масла и воды. Онъ узналъ ее сразу и сообразилъ въ мигъ, что посѣщеніе начальницы было для этой выпущенной пташки неблагополучно. Онъ поднялъ на лобъ очки, закинулъ голову назадъ, выставилъ ногу впередъ и, обращаясь къ Феничкѣ, сказалъ:

— Вы бы, сударыня, ноги вытирали. Мало еще намъ съ вами въ заведеніи было хлопотъ; а то еще съ воли приходите, шатаетесь тамъ, да ковры у насъ пачкаете. Дѣло нехорошее, сударыня, вотъ что...

Ничего не видя и не слыша, вышла Феничка на крыльцо. Она приостановилась, ухватила рукой за лобъ. Голова ея горѣла, глаза неопредѣленно блуждали. Въ это время подлетѣлъ на рысяхъ лихачъ-извозчикъ. «Эхъ, барыня, прокачу, возьмите!» На другой день въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано: «изъ Фонтанки вынуто тѣло неизвестно какой дѣвицы, бросившейся въ воду съ Николаевского моста».

1860 г.



СЕМЕЙНАЯ СТАРИНА.

РАЗСКАЗЫ.

I.

ПРАБАБУШКА.

Прабабушка моя, Анна Петровна Данилевская, въ дѣвнествѣ Плотникова, была фрейлиной великой княгини, впоследствии императрицы Екатерины Великой, и умерла на восьмидесятомъ году жизни, болѣе пятидесяти лѣтъ безвыѣздно проведя въ родовомъ, степномъ селѣ мужа на Донцѣ. Она была небольшого роста, съ нѣжнымъ, бѣлымъ, въ тонкихъ морщинкахъ, какъ у эрмитажной старушки Дённера, лицомъ и съ большими карими ласковыми глазами. Въ молодости она играла на клавесинѣ, была изъ первыхъ въ придворныхъ веселостяхъ прошлаго вѣка и, любя цвѣты, зачитывалась романовъ Жанлисъ и повѣстей Мармонтеля. Въ зрѣлыхъ же лѣтахъ, перевезенная въ деревню мужа, она была строгою хозяйкой и постоянно носила черное платье съ небольшимъ шлейфомъ, а подъ чепчикомъ, изъ собственныхъ сѣдыхъ косъ, на гребенкѣ, высокій шиньонъ, который крестьяне тѣхъ годовъ считали колтуномъ. Въ годы силы и здоровья, распутывая дѣла мужа, она съ черешневою тростью выѣзжала въ поле, на длинныхъ самодѣльныхъ дрожкахъ, шумѣла на работниковъ, вела приходорасходныя книги, щепила деревья, рылась въ грядахъ сада и еще незадолго до смерти, весной и лѣтомъ, чуть не каждую недѣлю ходила пѣшкомъ версты за двѣ отъ деревенской усадьбы, въ лѣсъ, къ ключу превосходной родниковой воды, чопорно провожаемая двумя гайдуками

изъ дворовой челяди, одѣтыми въ простыя, сѣрыя свиты и съ палками въ рукахъ. «Это — мой камеръ-пажи!» — шутила подвижная но по лѣтамъ старушка, съ припиленнымъ шлейфомъ пробираясь полями къ роднику, черпала серебрянымъ стаканчикомъ воды, отдыхала у картиннаго взгорья, поросшаго раkitами, надъ озеромъ, гдѣ бабы, громко горланя пѣсни, бѣлили холсты, и на возвратномъ пути успѣвала еще нарвать пучки лѣсныхъ и полевыхъ цвѣтовъ: голубыхъ пролѣсковъ, т.-е. подснежниковъ, тюльпановъ и дикоростущаго алаго горошка.

Подъ конецъ дней, теряя болѣе и болѣе силы, прабабушка Анна Петровна рѣдко уже покидала опочивальню во флигелѣ, рядомъ съ большимъ домомъ сына. Здѣсь, среди цвѣтовъ и клѣтокъ съ дроздами, да желтощекиными жаворонками, прабабушка постоянно сидѣла на постели, въ бѣлоснѣжномъ высокомъ чепцѣ, всѣмъ и каждому ласково и привѣтливо улыбаясь.

Сюда къ утреннему кофе и къ цѣлованію прабабушкиныхъ ручекъ, вымытыхъ въ той же ключевой водѣ, по докладу сѣдого парикмахера Гаврюшки, носившаго на босу ногу башмаки и въ нихъ для прохлады соломенныя стельки, являлась вся огромная, давно угасшая семья: сынъ ея Иванушка, т.-е. мой шестидесятилѣтній дѣдушка, Иванъ Яковлевичъ, памятный въ семействѣ тѣмъ, что чинъ прапорщика гвардіи онъ получилъ еще въ колыбели и далѣе этого чина по службѣ не шелъ, потому что никогда не покидалъ деревни и тихо здѣсь состарился, среди хозяйства, псарни и втихомолку волокитства за сельскими красавицами. За ними шли внуки, т.-е. мой отецъ, дяди, тѣтки и вся остальная мелюзга правнучекъ и правнуковъ. Старушка кланялась, по тогдашнему придворному обычаю, полукругомъ, т.-е. разомъ всѣмъ, потирая руки приговаривая: «всѣ ли вы въ добромъ здоровьѣ?» Поздоровавшись съ матерью, дѣдушка молча отходилъ въ сторону и, потирая хохолокъ сѣдыхъ волосъ, какъ я помню, припиленныхъ особою гребеночкой на лысомъ лбу, со вздохомъ садился къ окошку. О чемъ вздыхалъ дѣдушка? Болѣе, вѣроятно, отъ скуки. Также молча, съ реверансами, садились по стульямъ, вдоль стѣнъ опочивальни, и остальные; слушали комплименты старушки, отвѣчали на ея вопросы, пили кофе и, дѣлая новые реверансы, также церемонно расходились по своимъ аппаратамъ и угламъ.

Казалось, вотъ райъ земной; а дѣла, между тѣмъ, были здѣсь очень плохи. Дѣдушка, тихо вздыхавшій въ присутствіи матери, на сторонѣ любилъ покомпанствовать. Продастъ хлѣбъ, либо шерсть, и сейчасъ балъ. Отпросившись у матушки-сударыни въ отъѣзжія поля, онъ пчезалъ иногда по мѣсяцамъ. Вслѣдъ за нимъ, съ охоты наваливали ближніе и дальніе знакомцы. Экипажи наполняли дворъ. Окна большого дома освѣщались. Домашній оркестръ гремѣлъ съ хоръ. Свои пѣвчіе вторили ему изъ столовой. Пушки стрѣляли на дворѣ. Веселыя пары носились въ экосезѣ и котильонѣ. Иной разъ и прабабушка Анна Петровна, въ такіе дни, оставляла опочивальню, надѣвала парадный бѣлый робронъ, выходила изъ флигелька, крытаго камышомъ, являлась въ домъ Иванушки, въ высокую залу, увѣшанную портретами предковъ, и играла въ бостонъ, либо, подъ музыку Сарти, церемонно и важно шла съ кѣмъ-либо изъ гостей посановитѣе въ польскій.

Отъѣзжія поля и пиры окончательно разорили состояніе Иванушки. Доходило до того, что въ зимніе вечера, скучая недостаткомъ гостей, онъ высылалъ верховыхъ на ближніе и дальніе проселки и, кто бы тамъ ни ѣхалъ, всякаго чуть не насильно привуждали сворачивать въ гости въ его усадьбу. А между тѣмъ, зачастую слуги, носившіе при гостяхъ фраки, безъ гостей понедѣльно сидѣли на кашницѣ. Прабабушка не знала положенія дѣлъ Иванушки и умерла, считая его хорошимъ хозяиномъ. Дѣдушка утѣшилъ ее особенно тѣмъ, что лѣтъ за тридцать до ея кончины, въ видахъ, впрочемъ, размноженія дичи, засѣялъ сосной болѣе пятисотъ десятинъ сыпучихъ песковъ по берегу Донца, и весь этотъ боръ принялся и выросъ на удивленіе, за что дѣдушкѣ былъ пожалованъ орденъ Владиміра.

На такое чудо, исполненное крѣпостными работниками, съѣзжались смотрѣть многія важныя особы, губернаторъ, архіерей, профессора сосѣдняго университета, а потомъ и самъ графъ Аракчеевъ, по близости съ помѣстьемъ прабабушки также дѣлавшій чудеса, а именно: вводившій тогда между свободными изюмскими и чугуевскими слободскими казаками такъ-называемыя военныя поселенія. Прабабушка сама была не прочь еще въ недавнія времена подеспотствовать, причемъ Иванушка, съ вѣдома ея, ковалъ въ кандалы тѣхъ дѣвокъ и парней, которые на селѣ по ея

выбору не желали въ обычные сроки вѣнчаться. Но она не одобрила ни графа Аракчеева, ни тѣхъ мѣръ, которыми онъ вводилъ близъ нея эти поселенія. «Пріѣхалъ онъ, ма-шеръ, представьте,—передавала она по секрету мелкой со-сѣдкѣ, ѣздившей къ ней по праздникамъ съ поклономъ: — пріѣхалъ, живодѣръ, выстроилъ подъ Чугуевымъ цѣлую слободу, навалилъ розогъ, а въ сторонѣ велѣлъ, на всякій случай, припасти нѣсколько готовыхъ гробовъ и стать это сѣчь непокорныхъ. Одни сѣкутъ, а другіе своимъ тутъ же и могилы роютъ! Сѣкъ онъ атакъ мужиковъ, сѣкъ и бабъ. Одна бабѣнка со страху-то, монъ-кѣръ, вырвалась изъ-подъ розогъ, да въ безпамятствѣ къ гробамъ-то... А графъ и крикнуть: не бойся, красавица, выбирай любой; какой хочешь, дамъ на погребеніе! Этакой мужикъ, капральщина! Никакой тонкости! Такіе ли душегубы въ наши дни власть имѣли? Невѣжда-азіяты! Хоть и графъ, да еще и Александровскій кавалеръ».

И когда графъ Аракчеевъ съ адъютантами и команди-рами новониспеченныхъ южныхъ поселеній, нежданннй и непрошенный, налетѣлъ въ тихій Пришибъ, помѣстье пра-бабушки, съ желаніемъ во-очію освѣдомиться, какъ это одинъ человѣкъ могъ засѣять болѣе пятисотъ десятинъ сосною, прабабушка Анна Петровна, оказывая властямъ должный респектъ, разрѣшила сыну Иванушкѣ показать и рассказать его сіятельству, царскому фавориту, все, что нужно; но не преминула перекреститься и плюнуть, уви-дѣвъ изъ окна опочивальни угловатую и грубую фигуру надутаго «азіяты», вытѣзавшаго изъ высокой, запылен-ной поселенской брички, а при случаѣ даже дала ему и почувствовать немалую долю своего негодованія и прене-бреженія.

Обѣдъ приготовили для графа на славу; порѣзали много откормленной живности, но лакеи не первому ему подно-сили кушанья! А когда графъ Аракчеевъ, сбившись въ хронологіи какого-то столичнаго придворнаго событія, о коемъ повѣствовалъ предъ затынутыми до апоплексіи въ мундиры адъютантами, заспорилъ со старушкою насчетъ времени и, положивъ въ тарелку начатое стегно кандуна, спросилъ ее: «да позволь же, мать-сударынька, узнать, ка-кой же тебѣ годокъ?» — померкшіе глаза старушки свер-кнули, она затрясла оборками чепца и бѣлыми, какъ мѣль,

губами отвѣчала: «во-первыхъ, графъ, я тебѣ не мать и не сударынька, а статсъ-фрейлинка моей покойной царицы, Екатерины Алексѣевны, и ты будь къ хозяйкамъ поделикатнѣе; а во-вторыхъ, этакія ужаси! въ наше время изрядные и правомъ кавалеры о годахъ дамъ не спрашивали...» Сказавъ это, прабабушка встала изъ-за стола, ни на кого не смотря, кивнула головой вправо и влево, и, подавъ руку осторожному Иванушкѣ, молча и съ достоинствомъ удалилась во-свояси.

Произошелъ величайшій переполохъ и замѣшательство. Графъ Аракчеевъ, съ недоѣденнымъ кускомъ кашлуна, вскочилъ, не донскавшись хозяевъ, крикнулъ экипажъ и уѣхалъ въ Чугуевъ, гдѣ вновь въ окрестностяхъ посыпались шницрутены и раздались плачь и вой бабъ, дѣтей и стариковъ. И когда въ Петербургѣ, прослышавъ объ этомъ событіи, шутники-друзья его спрашивали, что за исторія случилась съ нимъ въ гостяхъ у бѣдовой старушки на Украинѣ, графъ Аракчеевъ ворчалъ и говорилъ: «да что, отцы мои! Какъ ей не быть предерзкой, коли самъ тамошній губернаторъ, ѣздивъ на ревизію по губерніи, засталъ, что у порога этой якобинки стоялъ на колѣняхъ, въ наказаніе за какой-то промахъ по хозяйству, сѣ пятидесятилѣтній сынъ, настоящій владѣлецъ имѣнія, притомъ чиномъ лейбъ-гвардіи прапорщикъ и его величества кавалеръ!»

— Что это у васъ за перстенокъ на рукѣ?—спрашивали иной разъ Анну Петровну любопытные внучата.

— Завѣтный перстенецъ, дѣтушки, завѣтный! И съ нимъ связала цѣлая авантюра въ нашей фамиліи...

— Какая такая авантюра?

— Престѣнная! Фамилія наша, соколики мои, начинается съ первымъ заселеніемъ Донца и всей этой околной степи...

— Разскажите, миленькая бабушка, разскажите, какъ заселились эти мѣста и что это за случай съ перстенькомъ?

Въ длинные осенніе и зимніе вечера, полулежа на постели подъ стеганнымъ изъ коричневаго атласа одѣяломъ и облокотившись о высокосложенныя, обшитыя кружевомъ, подушки, либо въ мерлушковой шубкѣ, примостившись бочкомъ на расшатанной, треногой скамеечкѣ, предъ угасавшею печ

кой, и разматывая на прялкѣ нити козьей шерсти, маленькая, сморщенная старушка не разъ передавала все то, что слышала отъ мужа и еще отъ покойной свекрови о заселеніи края, къ пустырямъ котораго, шесть вѣковъ назадъ, обращался пѣвецъ Слова о полку Игоря, восклицая: «О, Донче! Ты лелѣяль князя на серебряныхъ берегахъ, сталъ ему зелену траву, подь сѣнію дубравъ...»

— «Берега нашего Донца, соколики мои,—разсказывала прабабушка:—даже въ ту пору, какъ я сюда переѣхала молодоженкою изъ Питера, были еще во всей, можно сказать, невиданной красѣ. Народу еще было мало, звѣрья много. По лѣсамъ рыскали дикіе кабаны; отъ лисницъ, бывало, не удержишь ни курь, ни индюшекъ; а волки заходили даже въ сѣни, какъ ударить иной разъ, на нѣсколько дѣнь, зимняя вьюга, да за ужиномъ запахнетъ бараниной. Татары и нагайцы, скажу вамъ, шмыгали сюда и при мнѣ. Да и родила я мила-дружка Иванушку какъ разъ въ то время, когда по тотъ бокъ Донца отъ татарскаго набѣга, вдругъ зажглись по сторожевымъ курганамъ костры, а я, тяжелая, безъ маво Якова Евстафыча, съ перенуга сѣла на коня, поскакала къ бригадиру въ Чугуевъ, да на дорогѣ, у андреевскаго попа въ пчельникѣ, матерью стала... Но это все ничего. Не то сказываютъ о временахъ мужнина дѣда. Въ тѣ поры здѣсь была суцая пустыня: мѣловыя горы, вѣковѣчные темныя лѣса, тихія въ большущихъ камышахъ воды, на некошенныя степи, безъ жилья и безъ единой людской тропы. Забрелъ человѣкъ, кричи съ холма въ лѣсныя провалья, сколько силъ хватить, никто не отзовется. Только иволги, хохотвы, да орлы по буграмъ перекликаются. Звѣрь и птица своею тогда смертію умирали. Такъ было до послѣднихъ почти годовъ царя Алексѣя. Тутъ польскіе паны больно ужъ потѣснили казаковъ за Днѣпромъ: пожгли ихнія церкви, мельницы, винокурни и хутора; тѣ и двинулись сюда.

«Быль, сказываютъ, тихій весенній вечеръ. По сю сторону Донца, на крутизнѣ, показался верхомъ на заморенномъ конѣ чубатый гетманецъ. Ъхаль онъ-ать, горемычный, безъ дороги, пустыньками да озерками, и какъ нѣкая тѣнь вечерняя появился, дѣтушки, изъ-за косогора, съ шищалью да съ котомкой за плечами, голодный, захудалый, обношенный и уже изъ себя не молодъ. Спасался онъ отъ вражьяго погрома. Миноваль одно лѣсное затишье, другое. Слѣзь съ

коня, наполнилъ его въ ключѣ, самъ перекрестился, напился, поднялся опять на пригорокъ, окинулъ глазомъ Божью, тихую да уютную пустыню, и сердце у него замерло. Что прохлаты кругомъ, въ дремучихъ лѣсахъ! Что птичьихъ криковъ внизу, по голубымъ затонамъ, да озерамъ! Что медвянаго запаху отъ доцвѣтавшихъ въ ту пору дикихъ грушъ и яблонь, и что гудѣнія отъ пчелы и всякаго жука, комара и мухи! Упалъ казакъ на колѣни на траву и сказалъ: «быть тутъ поселку! И лучше мнѣ осѣсть у тебя, мать-пустыня, въ сосѣдствѣ съ кабаномъ, да съ волчицей, чѣмъ пронадать какъ псу отъ польскихъ кнотовъ!» Это, други мои, и былъ первый здѣшній осадчій, а вашъ пращуръ, казакъ-подолянинъ изъ-за Днѣпра, Данило Даниловичъ. Что сказалъ осадчій, то и сдѣлалъ: осѣлъ поселкомъ тутъ въ то же лѣто. И какъ напуганная птичка бросаетъ опасныя стороны и прилетаетъ вить гнѣздо въ такомъ тайникѣ, гдѣ ее и вашими глазами, дѣтушки, не увидишь, такъ и Данило перевелъ сюда въ вѣковѣчную глушь, свою старуху и дѣтокъ, и въ скрытности лѣсной, у озера, межъ отрогами холмовъ, вырылъ землянку и срубилъ курень. За Данилой, по его зову: «на Донецъ, на Донецъ! на волюшку!» бѣжали сюда его сосѣди. Вырубили лѣсную поляну, выкопали корни. Въ тростники спустили челнокъ. У воды застучалъ о кладку бабій валежъ. Крикнулъ пѣтухъ; загудѣла въ ульяхъ наловленная тутъ же, въ лѣсныхъ дуплахъ, рѣзвая, дикая, степная пчела. Трудно было первымъ поселенцамъ на Донцѣ! Бабы обносились, дѣти напугались звѣрья, сѣрыхъ ужей, да золоторогихъ змѣекъ; всѣ намучились, и старь, и младъ. По ночамъ боялись свѣтъ зажигать. Сторожая, какъ бѣлки, притались по верхамъ деревъ. Хлѣбъ сперва сѣяли возлѣ самаго жилья, да и жилье часто разбивали по хлѣбу. Всѣ голодали, на сухаряхъ сидѣли по мѣсяцамъ. Но задѣли опять лѣса. Данило съ криками: «на Донецъ, братцы, на Донецъ!» еще перезвалъ товарищей. Вокругъ перваго куреня поднялись, точно грибочки изъ земли, другіе курени. Данилу выбрали сотникомъ.

«Прошли года; изъ куреней въ лѣсу стала слободка, Великое Село, съ окопомъ, бойнищами, мельницей и съ такою маленькою деревянною церковкой, что не вся въ ней слободка помѣщалась, а многіе слушали служеніе снаружи, по двору и подъ деревьями. Невдали же отъ крѣпостцы Данило сталъ заво-

дить хуторъ, что нынѣ Пришибь. Одна бѣда: не могъ онъ, други мои, перезвать изъ-за Днѣпра своего названнаго брата и бума, казака Ивана Жука. Сперва прослышалъ онъ, что Жукъ былъ убитъ въ схваткѣ съ поляками; потомъ, что онъ живъ, и что его видѣли въ извозѣ за солью, а потомъ и слухъ о немъ затихъ. Сотня Данилы тою порою обстроилась и богатѣла хлѣбомъ, оружіемъ и всякимъ добромъ. Но не помогали ей ни рвы, ни частоколы, ни пушки. Нагрянули, дѣтушки мои, на нашъ Донецъ поганые татары. Саранчею разъ вечеромъ, подъ самый Юрьевъ день, откуда ни возьмись, налетѣли и вдругъ это устлали всю нашу окольность, а ночью зачали, бормоча и гикая, переправляться въ бродъ по сю сторону Донца. На кого ни наткнутся, сейчасъ его на пику, либо на арканъ. Страхъ напалъ на слободу. Данило Даниловичъ незадолго передъ тѣмъ отправилъ жену и малыхъ дѣтей въ повозкѣ на богомолье въ Хорошевъ монастырь и за нихъ не боялся; онъ боялся за сотенную казну. А казна-то была у него въ боченкѣ, въ подвалѣ. Выстроилъ онъ сотню подъ ружьемъ, заперъ ворота частокола, разставилъ часовыхъ, велѣлъ съ окопа пушкарямъ палить по броду, сдалъ на время команду другому, а самъ, какъ стемнѣло, сбросилъ свиту, взвалилъ боченокъ съ дукатами и талерами на плечи, да тайкомъ и отнесъ его въ камыши, въ родниковый колодезь, невдалекѣ отъ сотеннаго пчельника. Только-что опустилъ въ воду боченокъ, смотритъ—по тотъ бокъ колодца, въ камышахъ, стоитъ и глядитъ на него изъ кустовъ, точно привидѣніе, весь бѣлый, другой, незнакомый человекъ. Онъ такъ и обомлѣлъ.—«Видѣлъ?» спросилъ Данило.—«Видѣлъ!» отвѣтилъ и тотъ.—«Ну, коли меня убьютъ, а ты уцѣлѣешь, дай знать тутъ въ сотню, гдѣ ея казна». Сказалъ и пошелъ кустами, — а сзади его точно летѣло въ воздухъ, и послѣ самъ онъ дивился, какъ онъ оставилъ казну на глазахъ невѣдомаго человекъ. Татары разбили крѣпостцу, сожгли половину куреней, липовый теремокъ на хуторѣ сотника ограбили, угнали стада и самого долго пытали, гдѣ сотенная казна, и чуть не замучили до смерти. Данилу взяли въ плѣнъ и увели на арканъ въ неволю въ Крымъ, а потомъ на Кубань. И когда Данило, года чрезъ четыре, подкопавши тайникъ, на хозяйскомъ жеребцѣ сбѣжалъ изъ плѣна, явился опять среди своихъ на Донецъ и кинулся къ колодцу, боченка тамъ не было. На-

роду тоже поубавилось. И долго сотня не могла поправиться послѣ татарскаго погрома...»

— Что же, прадѣдушка такъ и не нашелъ боченка?— спросила нетерпѣливая правнучка.

— Постой, пострѣль, все узнать успѣешь!

«Такъ прошли еще года два. И вотъ, милые мои, скажу вамъ: разъ Данило стоялъ на пригоркѣ, недалекѣ отъ остатковъ погорѣлой крѣпостцы, и говорилъ заѣзжему полковому писарю: «вотъ, ваша милость, уже чрезъ нашъ поселокъ и чумаки стали ходить!» А тѣмъ часомъ, дѣйствительно, промежъ деревьевъ показался чумацкій обозъ, шедшій изъ-за Донца мимо ихъ окна. Времена стали другія; о татарахъ было почти не слышно, и край уже кругомъ заселился, по Торцу, по Самарѣ, по Орели и по Бсрскѣ. Когда обозъ приблизился къ пригорку, съ передняго воза всталъ чумакъ-хозяинъ, подошелъ къ Данилѣ и писарю и спросилъ: «а кто у васъ тутъ сотникъ Данило, что поставилъ этотъ поселокъ и такъ долго былъ въ басурманскомъ плѣну?» Получивъ отвѣтъ, покачалъ головою и сказалъ: «да какъ же ты, друже, поблѣлъ! Совсѣмъ старый сталъ! Не узнаешь, видно, и ты меня: я — Жукъ, твой названный братъ и кумъ! Фхаль я мимо, вершинами Донца. Слухъ о тебѣ далеко пошелъ, я и завернулъ къ тебѣ на подмогу. Довольно ужъ и миѣ мотаться по свѣту. Коли приметъ меня твоя братія, и я съ моими хлопцами тутъ же сяду. А кто вашу казну подглядѣлъ и тайно взялъ изъ колодца, я тоже слышалъ. Подобралъ ее и перенесъ въ другое мѣсто бѣглый пушкарь изъ Цареборисова. Да не удалось ему ею поживиться. Онъ недавно умеръ отъ оспы и на духу все показалъ попу. А я отъ народа узналъ. Посылай за казною; она у начальства на рукахъ». Данило поклонился куму въ ноги. Сбѣжались казаки; составили совѣтъ; Данило обо всемъ отписалъ царю и воеводѣ. И долго обозъ того чумака, дѣтушки мой, стоялъ на выгонѣ у Пришиба, а сотня веселилась и поила всю чумацкую братію. Казна отыскалась. А къ осени, сударики мои, чумакъ, дѣйствительно, привелъ къ Данилѣ ватагу другихъ земляковъ, поклонился сотнѣ, и сотня отвела подъ жиле, подъ скотъ и подъ хлѣбъ чумаку и его братіи часть своихъ земель, десятинъ сотъ нѣсколько, межами отъ кургана до кургана и отъ дуба до дуба. Въ сотенной слободѣ прибавилась цѣлая новая улица, и ее прозвали, по имени того чумака, Жуками.

«Такъ прошло еще время, и сотникъ Данило сталъ думать о томъ, что стало съ его сынишкой, Евсташей, котораго царь Петръ, во время его полоннаго терпѣнья, взялъ въ Питеръ и помѣстилъ тамъ въ добрую науку къ нѣкому ученому процептору. Другіе сыновья Данилы росли дома на свободѣ. Евстафію жъ пошелъ уже двадцатый годъ, и отецъ къ нему въ новую царскую столицу Санктъ-Питеръ упрости съѣздить бывалаго въ Нарвскомъ походѣ и далѣе, тоже простого казака-сосѣда, Кирюшку Горличку. А старикъ Горличка тутъ черезъ рѣку также занялъ землю и сидѣлъ хуторомъ. Отписалъ родитель въ Питеръ письмо, требуя сына домой къ себѣ на помощь, и послалъ ему три рубля на лакомство, харчей и пару коней съ повозкою на дорогу. Кирюшка пріѣхалъ въ Питеръ, сталъ отыскивать по казармамъ да по товарищамъ сосѣдскаго сына и узналъ о немъ недобрыя вѣсти. Былъ тогда въ Питерѣ, возлѣ самого царя Петра Алексѣевича, ближнимъ ко двору князь Юрій Трубецкой, а у этого князя Юрья была на сторонѣ фаворитка изъ нѣмокъ, и отъ этой фаворитки дочка Марьюшка, молоденькая, тихая и изъ себя красавица; звалась, впрочемъ, не Юрьевой, а по мужу матери— Алексѣевой. Жила она съ маткой всегда по близости двора; дворъ въ городѣ—и онѣ въ городѣ, дворъ на дачѣ—и онѣ тутъ же, въ закрытости гдѣ-нибудь на дачѣ. Вышелъ-ать Евстафій Даниловичъ изъ школы отъ процептора молодець-молодцомъ, румянъ да пригожъ, рослый и чернобровый, хотя стыдливъ и робокъ. Сталъ сержантомъ гвардіи, на царскомъ жалованьи, и нерѣдко попадалъ на караулы къ самымъ царскимъ, не то что къ окольнымъ, дворскимъ хоромамъ. Тутъ онъ и узналъ, въ тайномъ сирятѣ, княжью Марьюшку и полюбилъ ее пуще свѣту, полюбила Евстафья и Марьюшка. Видѣлись они урывками на вечеринкахъ; танцевали вмѣстѣ менуэтъ, видѣлись наединѣ въ скатерингофскихъ да василеостровскихъ садахъ и рощахъ. Долго ли, нѣтъ ли, сударики вы мои, любилась Евстафій да Марья, только, наконецъ, и скажи ей matka князю Юрью: что такъ, молъ, и такъ, нѣкто сотничій сынъ, изъ Изюмской слободской провинціи, государевъ сержантъ, Евстафій Даниловичъ, сватается за ихъ дочку Марьюшку, что онъ поистинѣ отмѣннаго нрава, самъ молодець, добрыхъ родителейъ, и что есть у его казака-отца не мало маетностей, садовъ, лошадей, овецъ,

одежи и всякаго добра. Осерчалъ гордый князь Юрій, выразился дурно не только объ Евстафій, но и о его родителях: обозвалъ обоихъ хохлацкимъ мужичьёмъ и дегтярниками и запретилъ даже пускать его къ порогу своихъ хоромъ, грозя отодрать его батогами, коли узреть по близости Марьи. Приняты были, должно-статься, тутъ же мѣры крутенькія. Княжескіе лакеи припасли въ передней, по барскому велѣнію, пукъ розогъ; а ночью, у оконъ Марьюшки, ходили сторожа и разъ, заслышавъ впотьмахъ близъ сада чей-то конскій топотъ, подняли на княжеской дачѣ такую палубу изъ мушкетовъ, что съ барышней сдѣлался отъ страха припадокъ, и ее насилу къ утру отходили. Евстафій съ горя отчалилъ, вышелъ въ отставку и пропалъ у всѣхъ изъ виду. А Марьюшка чахла - чахла и кончила тоже, ангелы мои, совсѣмъ плохо... Пошла Марьюшка съ камермедхеной своей на рѣку Волянку на дачѣ купаться. Лѣто было жаркое, и вся царская женская свита въ тѣ поры въ Екатерингофѣ наперерывъ въ водѣ бултыхалась. Только matka Марьюшки ждать-пождать, нѣту дочки и камермедхены. Послали ихъ искать, но слуги на берегу рѣчки, представьте, нашли только зеленое голландское шелковое платице Марьи, шитыя золотомъ бархатныя туфельки, сорочку да платочекъ, да смердыя обноски этой недогляды-камермедхены. Значить, объ дѣвки порѣшили жизнь кончить и пошли на дно, какъ камешки. Приволокли невода и лодку, царева хозяйка матросовъ съ острововъ нагнала, искали утопленницъ и не нашли. Порѣшили, что теченіемъ унесло ихъ въ море».

— Что жъ, и вправду утонула Марьюшка? — спросила опять нетерпячая правнучка.

— Ахъ, монъ-кѣрь! да сиди ты, егоза, все узнаешь!

«Ударился о землю князь Юрій, не мало плакалъ съ фавориткой; долго служили они панихиды, справляли поминки и угощали нищихъ. На это-то, весьма ужасное и притомъ по истинѣ мерзкое горе-злосчастье и наѣхаль, представьте, посланный отца, Кирюшка Горличка. Узналъ онъ про все, Евсташи тоже не отыскалъ и долго не рѣшался къ сотнику не то что обратно ѣхать, а даже и писать. Ходилъ онъ, ходилъ по Питеру, да ужъ какіе-то господа, ѣдучи въ Кіевъ на богомолье, довели его и высадили на пограничной украинской линіи въ Бѣлгородѣ.

«Такъ протянулось, други вы мои, время до войны со

шведами и до самой Полтавской баталіи... Первыя слободки пустили отъ рѣки въ степь, какъ корни на вешней грядкѣ, другія слободки и хутора. Сотникъ же Данило, надо вамъ, миленькіе, доложить, жилъ со своими сукцедентами и съ товарищами все тутъ же, на излюбленныхъ придонецкихъ мѣстахъ, все въ той же занятой, по черкасской обычности, долинь, въ крѣпости и въ миломъ сердцу сотенномъ Пришибѣ, какъ прошла молва, что на выручку арміи подъ Полтаву, съ юга, отъ Азова, спѣшить со свитой черезъ тѣ окольности самъ царь Петръ Алексѣевичъ, а впереди себя послалъ отряды свѣжихъ войскъ. Ахти мнѣ! всполошились поселенцы. Какъ царя встрѣчать! Двадцать седьмого мая, какъ теперь помню, сказывалъ мужу свѣкоръ, царь выѣхалъ изъ Азова степью на Бахмутъ, Изюмъ и Зміевъ; въ Изюмѣ онъ изволилъ ешпуть, справлять день своего рожденія и ночевать у г. Шидловскаго,—а второго іюня былъ уже въ Харьковѣ. Отстоялъ тамъ ясный соколъ-атъ нашъ, въ праздникъ Вознесенія, позднюю обѣдню, прочелъ всенародно, какъ есть среди соборнаго храма, апостола, осмотрѣлъ городъ и крѣпость, бурсака какого-то по-латынски спросилъ, съ бабами на базарѣ побалагурилъ, чье-то дитя бралъ на руки, ласкалъ. Въ тотъ же день его величество отѣхалъ къ Полтавѣ и двадцать-седьмого іюня, на Сампсонія, разбилъ шведовъ. И, стало-быть, коли второго іюня царь Петръ Алексѣевичъ былъ въ Харьковѣ, то перваго іюня былъ онъ въ гостяхъ у сваго вѣрнаго изюмскаго сотника Данилы. Стоялъ тутъ въ Пришибѣ все еще старый липовый теремокъ, однимъ-одинъ у рѣки. Только вишенье, лѣсное орѣшье, да яблонни возлѣ него разрослись, послѣ татарскаго погрома. А кругомъ, въ разсыпку по зеленой полянѣ, возлѣ крѣпости и на хуторѣ, стояли соломенные казацкія курени, сарайчикъ, мельницы, да маленькая въ лѣсу церковка. Наканунѣ, отъ сосѣдней слободки Балаклеи, показалось войско и, не доходя Пришиба, стало лагеремъ. А на вечерней зарѣ закурилась съ той стороны пыль, показались скачущіе, въ зеленыхъ кафтанахъ, рейтары, потомъ одинъ экипажъ, другой и третій, и все размалеванныя, четверками, рыдваны да берлины. Это была царская свита. А впереди, на парѣ ямскихъ, въ пыли, такъ что его трудно было и рассмотреть, показался какъ есть въ простой некрашенной одноколкѣ самъ царь и съ нимъ рядомъ изюмскій полковникъ, женатый на дочери сотника,

Варваръ Даниловичъ, Михайло Константиновичъ Донецъ-Захаржевскій. Царь у него рано пообѣдалъ въ Изюмѣ и сказалъ: «Въ Пришибѣ остановлюсь; сдѣлаю муштру тамошней сотнѣ, да найду на пироги къ старику-сотнику, поблагодарить его за вѣрную службу, за постановку поселка и флотилии и за его полонное терпѣнье!» А поверхъ мѣловыхъ прибрежій Донца, отъ Изюма до Пришиба, гдѣ ѣхалъ царь, опять, дѣтушки мои, полнымъ цвѣтомъ цвѣли некошенныя поля, жаворонки заливались, дрофы да стрелеты перелетали; снизу же, отъ Донца-рѣчки и отъ озеръ доносились, словно райскіе, запахи всякіе, да звонкіе крики дикихъ гусей, журавлей и лебедей. И нѣсколько разъ онъ, ясный соколъ-атъ нашъ, останавливался и заставлялъ ординарцевъ да генераловъ свиты рвать пучки цвѣтовъ. «Часть поднесемъ въ презентъ хозяйкѣ въ Пришибѣ, а остальное пошлемъ на пробу въ Питеръ, въ гофъ-аптеку; нѣтъ ли тутъ какихъ хорошихъ цѣлебныхъ зеліевъ?» И царская свита, морщась отъ жары да пыли, рвала тѣ самые цвѣты, которые и я вамъ, дѣтушки, старая бабка Ашенька, рву иной разъ и донынѣ. Сотня въ строю, на коняхъ, въ оружіи и съ пушкой встрѣтила царя, отдала ему честь, вывалила салютъ, крикнула вивать и поскакала за нимъ сперва къ крѣпости, а потомъ и къ сотниковой усадьбѣ. Царь, потирая поясницу, весь въ пыли и сильно загорѣлый, въ шелковомъ синемъ кафтанѣ, слѣзъ съ повозки, снялъ шляпу, утерся это платочкомъ, прямо такъ на всѣхъ поглядѣлъ, поклонился и сермяжной братинъ, ступилъ на старенькое крыльцо, такъ что половицы закрипѣли и столбики дрогнули, и шагнулъ въ свѣтлицу, гдѣ уже въ прохладѣ стояла съ хлѣбомъ-солью старая сотничиха Анна, былъ накрытъ столъ и закуска приготовлена. «А! восводиха! отвоевалась отъ татаръ! Ну, Данило Даниловичъ, слѣзай-ка и ты съ коня, да веди къ себѣ въ гости!» Вошелъ онъ, ясный соколъ, въ теремъ, озираясь на глиняный полъ да на бѣлыя мазанья стѣны, и сѣлъ за этотъ вотъ самый, что стоитъ у окна, крашенный бѣлый столъ, съ размалеванными на немъ, какъ видите и теперь, тарелками, ножами и солонкою. «А кто это у васъ?»—спросилъ царь хозяевъ, отряхая съ камзола пыль и увидавъ тутъ же въ комнатѣ красивую, но худенькую молодую бабенку, въ шелковомъ корабликѣ поверхъ русыхъ волосъ, которая, какъ видно, была на сношѣ. Не собрались старики

отвѣчать, съ низкимъ поклономъ, его величеству, что это, молъ, ихъ невѣстушка, какъ въ горницу стала подваливать царская свита и всѣ ближнія креатуры его величества. А со свитой вошелъ и князь Юрій Трубецкой. «Ай! батюшка-князь!»—вскрикнула не своимъ голосомъ сотникова невѣстка, увидавъ князя: пошатнулась, да тутъ же, на порогѣ, словно вотъ помертвѣла, и грохнулась ѓ-земь. Царь кинулся къ ней, поглядѣвъ это сердито кругомъ, ухватилъ князя Юрья за руку и крикнулъ: «говори миѣ, Юрій, сущую правду!» А князю не до того; упалъ передъ дочкой на колѣни, плачетъ, дрожить, цѣлуетъ ея руки и говоритъ только: «покойница, ваше величество, покойница!» Промолвила тутъ старая сотничиха Анна: «казни насъ, царь-батюшка, только все выслушай!» и тутъ же передала государю, милые вы мои, какъ было все это дѣло: какъ за ея сына, Евсташу, не давалъ князь Юрій Марьюшку, какъ вышла дѣвка на рѣку Волюнку, раздѣлась и бросилась въ воду, какъ бы утопилась. А на другомъ берегу, сударики вы мои, въ камышахъ ее ждала подговоренная нѣкая надежная бабка-голландка съ другимъ бѣльемъ и платьемъ. Марьюшка и служанка выплыли, вновь одѣлись; а по близости, въ березахъ, стоялъ и самъ суженый, съ повозкой и съ добрыми конями; посадилъ ненаглядную Марьюшку съ собою, да и умчалъ ее къ отцу, въ украинскія придонецкія мѣста. Здѣсь они повѣнчались, да съ тѣхъ поръ тутъ и проживали у его родителейъ. А что отца-князя о себѣ два года Марья Алексѣевна не оповѣщала, такъ потому, что боялась его княжескаго, да и вашего, молъ, царскаго гнѣва! «Клади, князь Юрій, гнѣвъ на милость!» рѣшилъ царь. Князь послушался. Робкій Евстафій, вообразите, забѣжалъ тѣмъ временемъ со страху въ вишни. Его отыскали; князь молодыхъ тутъ же благословилъ. И когда царь сѣлъ опять за столъ, выпилъ рюмку запеканки и сказалъ: «горько!» — Евстафья и Марьюшку, передъ персоною самого царя, заставили поцѣловаться, а изъ сотницкаго подвала выкатили бочку меду, и пиръ пошелъ такой, что послѣ обѣда царь велѣлъ отиричь лошадей, закурилъ трубку, разстегнулся и сказалъ: «ну, минь-герръ-сотникъ, теперь ужъ угощай!»—сѣлъ съ генералитетомъ за пуншъ и остался тутъ компанствовать до разсвѣта. И каково же? Царь пируетъ съ подданными, а съ надворья въ окна вся слободка глядѣтъ сбѣжалася. Да и была къ тому

веселью другая причина. Марья Алексѣевна ужъ больно, видно, испугалась неожиданной встрѣчи съ отцомъ, да къ ночи, нѣсколько ранѣе срока, и родила царю новаго подданнаго, старшаго брата, сударики, мужа маво, Якова Евстафьевича. Свадебный пиръ смѣнился къ полночи крестинами. Царь велѣлъ отпереть и освѣтить церковь и самъ, ставя свѣчи и подтягивая каноны хмельному попу, былъ за крестнаго отца у новорожденнаго. Откуда взялъ тутъ царь пару небольшихъ колоколовъ, можетъ, съ собою въ другія мѣста везъ, только послѣ крестинъ и говоритъ: «плохи у тебя, Данило Даниловичъ, колокола; глухи что-то голосомъ; никто за лѣсомъ и не услышитъ, что тутъ у васъ служеніе! я тебѣ другіе повѣщу!»—и самъ, вообразите, стащилъ ихъ на колокольню. Они и донынѣ у насъ висятъ въ Пріишнѣ... Уѣзжая-жъ до восхода солнца далѣе въ Харьковъ, зашелъ къ родильницѣ и сказалъ ей: «прощай, кума Машенька, да роди больше мнѣ такихъ крикуновъ; и дай, я тебя на прощанье поцѣлую; только извини, чеснокомъ закусилъ вашу пеканку!» Надѣлъ Марьюшкѣ аметистовый вотъ этотъ самый перстенекъ съ своего мизинца, подарилъ ей пучокъ нарванныхъ дорогою полевыхъ цвѣтовъ, посадилъ у крыльца въ саду жолудь и уѣхалъ... Такъ вотъ вамъ исторія перстня.

«Да вотъ еще что, мои дѣтушки... Совсѣмъ стара стала, забыла! Ужъ въ какое время, вечеромъ ли засвѣтло, послѣ ли обѣда, али ночью, при мѣсяцѣ, только прослышалъ его величество, что между сотниковымъ хуторомъ и крѣпостной въ лѣсу есть по-близости озеро Лебяжье, и на немъ, для рыбной ловли, устроены такой небольшой катеръ. Что же вы думаете? Велѣлъ себя везти туда, потащилъ съ собою сотника и весь генералитетъ и проѣхался раза три по озеру; ставилъ паруса, заставлялъ стрѣлять изъ мушкетовъ съ катера, въ честь новорожденнаго, и всѣхъ благодарилъ, начальство и казаковъ. Старый Данило тоже подгулялъ и только все кланялся, а при отъѣздѣ царя, какъ упалъ ему въ ноги, такъ насилу его подняли.

«Послѣ Полтавской баталіи государь прислалъ сотнику изъ Батурина пару шлѣнскихъ овецъ на заводъ, а изъ Питера въ скорости и крѣпостную грамоту на владѣніе, какъ бы вы думали чѣмъ?—десятью тысячами десятинъ изъ числа сотенной земли, не только съ казачьими дворами, но, какъ потомъ объявилось, и съ самими казаками... Да, дѣтушки

мон! Данило потомъ подпаль подъ гнѣвъ царя, былъ взятъ по доносу въ Питеръ, въ розыскную канцелярію князя Юсупова, и тамъ, въ крѣпости, хотя и оправдался, въ скорости умеръ. Во власть же и въ подданство его сукцедентовъ, по царской грамотѣ, да по Божьей милости, попали не только свои братья-казаки, но и названный его кумъ Иванъ Жукъ, съ товарищами, принятые сотней, и сосѣдъ его Кирюшка Горличка, со всѣми домочадцами. Люди, разумѣется, были все темные, какъ есть мужички. Да и самъ сотникъ Данило, несмотря на рангъ, какъ жилъ, такъ и умеръ еще по простотѣ. Евстафій же Даниловичъ, по смерти отца, подобрѣлъ, зажилъ припѣваючи, на всю губу; шелковый красный кафтанъ сталъ носить и парикъ съ буклями; отъ царскихъ же овецъ повелъ огромныя стада. А владѣя крестьянами, онъ потомъ получилъ и дворянство. При пресвѣтлой царицѣ Аннѣ Ивановнѣ, господинъ лейбъ-гвардіи майоръ Хрущовъ производилъ тутъ первую ревизію. Тогда Евстафій Даниловичъ былъ уже изюмскимъ полковникомъ, съ Минихомъ въ Крымъ ходилъ, — и за нимъ по ревизіи записали навѣски всѣхъ жильцовъ его придонскихъ земель. И хотя у Евстафія и Марьи Алексѣевны дѣти померли, и окромя сына Якова, не осталось въ живыхъ дѣтей, но и Яковъ Евстафьевичъ-ать мой вышелъ тоже изъ себя, предъ всѣмъ своимъ родомъ, мужчина уважительный и средостепенный, строгаго нрава хозяинъ и подданнымъ своимъ не потатчикъ! Его не учили такъ, какъ его родителя; но онъ умеръ, по милости Божьей и матушки царицы, какъ подобаетъ столбовому дворянину: въ чести, въ богатствѣ и въ холѣ; мнѣ приказалъ быть во всемъ хозяйкою до смерти и ѣздить изъ Харькова въ Питеръ по дѣламъ, не то, что мелкія новѣшнія сошки, а восьмерикомъ, въ желтомъ этакомъ рыдванѣ, съ двумя фалеторами и съ двумя же лакеями. Одна бѣда: не удалось ему, моему дружку, до конца жизни быть въ дворскомъ фаворѣ и въ случаѣ. Гордъ былъ, оттого не дошелъ... А изъ царскаго жолудя выросъ, какъ видите, въ нашемъ саду большущій дубъ. Когда Иванушка вѣнчался, мы подъ этимъ дубомъ уже десерты кушали и венгерское пили... И пока дубъ этотъ будетъ въ цѣлости расти, нашему богатству и родовому гонору, дѣтушки мои, вѣрьте мнѣ, не переставать, а цвѣсти въ знатности, въ силѣ и въ славѣ во вѣки...»

Прабабушка Анна Петровна, на этотъ разъ, говоря о своемъ мужѣ, покривила душой. Не столько ее огорчалъ графъ Аракчеевъ, заколачивая палками, по сосѣдству съ ней, потомковъ первыхъ жителей Дона, не хотѣвшихъ обращаться огуломъ въ улапъ и въ драгуновъ, сколько втайнѣ огорчалъ ее этотъ самый милъ-дружокъ, Яковъ Евстафьевичъ, съ нею вмѣстѣ полвѣка спокойно державшій часть этихъ жителей въ самомъ строгомъ крѣпостномъ состояніи. Взялъ онъ Анну Петровну небогатою фрейлиной, изъ за связей, отъ царицына петербургскаго двора, будучи подъ тридцать лѣтъ. Болѣзненный меланхоликъ, онъ былъ корыстолюбивъ и скрытенъ, рѣдко съ кѣмъ видѣлся, постоянно ворчалъ и сердился, велъ безконечныя тяжбы съ сосѣдами и, еще задолго до отъѣзжихъ полей и пировъ избалованнаго имъ и не особенно любимаго сына Иванушки, умудрился этими процессами и стекляннымъ, въ убытокъ веденнымъ, заводомъ сильно разстронть огромныя, пожалованныя Данилѣ, помѣстья и, между прочимъ, наполовину истребилъ у себя обширныя, вѣковѣчныя придонскіе лѣса. До женитьбы онъ былъ слабъ, какъ послѣ и сынокъ, въ отношеніи красавицы, и не разъ даже открыто, черезъ слугъ своей молодечки, отбиралъ на время женъ у мужей. А обвѣнчавшись, жену держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ и, кромѣ книгъ, да прогулокъ со слугами пѣшкомъ и верхомъ, не давалъ ей отъ ревности никакого развлечения. Онъ умеръ въ чахоткѣ, завѣщавъ женѣ, отъ непреодолимаго страха смерти, построить большой каменный храмъ. Прабабушка никому на него не жаловалась. Но ея затасанныя укоризны покойному милу-дружку Якову Евстафьевичу сказались сами собой. Послѣ нея остались любимыя ею книги, романы прошлыхъ, забытыхъ временъ: Лолота и Фанфанъ, или приключенія двухъ младенцевъ, оставленныхъ на необитаемомъ острову; мальчикъ, наигрывающій разными штуками колокольчикомъ; Алексисъ, или домикъ въ лѣсу, и похождения Жильблаза-де-Сантилланы. Вездѣ въ этихъ книгахъ были подчеркнуты слова, въ родѣ: «о, странное и горестное непостоянство вещей! о, удивительная измѣна и разность сердца человѣческаго!» или: «кроткому духу нравится рѣзвое журчаніе ручейковъ и густая тѣнь рощей, а особенно тогда, когда я, о люди, схоронилъ свое сердце далеко, далеко!» Сбоку этихъ строкъ рукою прабабушки написано: «увы, какъ это вѣрно».

Умерла прабабушка Анна Петровна спокойно, сознательно и рѣшительно. У нея давно былъ припасенъ самый нарядъ на смерть: новое черное гродетуровое платье, безъ шлейфа, бѣлая буфмуслиновая косынка на плечи, черный тюлевый чепецъ и бѣлый батистовый платочекъ, для подвязанія въ гробу нижней, при жизни ослабѣвшей челюсти. Почувствовавъ приближеніе кончины, она призвала отца Авдія, попа новой каменной церкви (а попъ былъ маленькій, худенькій, бѣдный, но сварливый, задорный и себѣ на умѣ) и долго съ нимъ уговаривалась о подробностяхъ собственныхъ похоронъ: о мѣстѣ погребенія, чтобы могила въ фамильномъ склепѣ не затекла водой съ сосѣднихъ бугровъ, о томъ, кого звать на отпѣваніе и кого не звать, изъ крупныхъ и мелкихъ знакомцевъ; быть ли постороннему духовенству и сосѣднимъ пѣвчимъ и, наконецъ, о платѣ ему, попу, за погребеніе и за поминальный сорокоустъ. Попъ просилъ за послѣднюю статью пятьдесятъ рублей ассигнаціями, увѣряя, что дороги стали свѣчи, ладанъ, вино и мука, а прабабушка давала двадцать-пять; сошлись на сорока. Покончивъ съ попомъ, она позвала сына Иванушку и его ученую и всѣми любимую супругу, объявила имъ, на чемъ порѣшила съ упорнымъ попомъ, и прибавила: «смотрите же, дѣтушки, больше ему, кутейнику, не давайте; Авдіевой попадейкѣ, пожалуй, прибавьте десять ульевъ. Она меня больную развлекала... Да положите въ гробъ со мной царскій перстень и пучокъ ландышей, али иныхъ цвѣтовъ. Царскій Марьюшкинъ пучокъ, кажись, затеряли, какъ иконы мыли. Да теперь легко собрать свѣженькихъ! слышу изъ комнаты, по зарямъ, птицы летятъ изъ-за моря; въ воздухѣ точно вотъ молодымъ виномъ пахнетъ; значить, степь и лѣса расцвѣтаютъ!»

Незадолго до смерти, Анна Петровна сказала сыну: «хочу посмотрѣть, какъ ты управляешься по хозяйству!» и объявила, что желаетъ, во что бы то ни стало, взглянуть на табунъ лошадей, кормившійся на зимовлѣ, за Донцомъ, въ ея хуторѣ, на рѣкѣ Богатой. Иванъ Яковлевичъ безпресловенно рѣшилъ выполнить волю матери и, какъ ни трудно было, въ начинавшуюся распутицу гнать рѣзвый и дикій табунъ во сто лошадей, его благополучно привели къ Донцу и чрезъ самый Донецъ, по сильно таявшему и посинѣлому льду. Но едва, съ громкимъ ржаніемъ, передовые рослые жеребцы, а потомъ и весь красивый табунъ выдѣлился изъ

весенняго тумана и ступилъ на рѣченку, по которой расположенъ Пришибъ, ледъ подломился, и всѣ лошади, за исключеніемъ одного невзрачнаго пѣгаго мерина, потонули. Иванъ Яковлевичъ, бывшій при этой переправѣ, заплакалъ и воротился домой повторяя: «это даромъ не пройдетъ: видно, ма-тушкѣ жить недолго!» Потопленіе табуна, однако, отъ старушки скрыли.

Съ той поры прабабушка стала забываться и умерла, передъ вечеромъ, незадолго до вешняго Никола. Въ гробу она лежала маленькая, сухенькая и легенькая, совсѣмъ дитя, а не та властительная и важная помѣщица, изъ питерскихъ статсъ-фрейлинъ, къ которой весь уѣздъ въ оны дни съѣзжался на поклонъ. И хотя она умерла такъ тихо, что не скоро о томъ въ постоянно-суетливомъ дворѣ сына и спохватились, но горничная, стриженная Ульянка, не отходящая въ послѣдніи недѣли отъ ея порога, передавала впоследствии на кухнѣ, что старая барыня не разъ передъ смертью по ночамъ вскакивала на постели, въ тоскѣ и въ горести ломала руки, требовала зеркало, смотрѣлась въ него, чесала гребнемъ сѣдые включенные волосы и съ блуждающими глазами тихо съ отчаяніемъ про себя восклицала, какъ-бы зовя кого-либо изъ давно умершихъ, далекихъ друзей: «ахъ, Пашковъ, Пашковъ! милъ-сердечный дружокъ, гдѣ ты, гдѣ ты?»

Яковъ Евстафьевичъ, мужъ прабабушки, фамилін Пашкова не носилъ, и какаѣ драма крылась въ этихъ предсмертныхъ восклицаніяхъ Анны Петровны, осталось, вѣроятно, навсегда неразъясненнымъ, такъ какъ дневникъ ея невѣстки, который та, по преданію, вела, донынѣ пока въ семейныхъ бумагахъ не отысканъ. Полагаютъ, что лакей Абрамка употребилъ его на обертываніе свѣчей. Царскій перстень также затеряли-было, и потому въ кирпичномъ склепѣ, надъ гробомъ старушки, оставили окошечко, которое долго пугало робкихъ прихожанъ и куда потомъ ея внуки, дѣйствительно, бросили этотъ перстень, найдя его въ закладѣ у сосѣдняго жида.

У меня хранится отличный портретъ масляными красками Анны Петровны, съ портретами ея сына и невѣстки.

Вслѣдъ за смертью прабабушки, въ Пришибъ и въ остальные слободы ея сына налетѣли, въ зеленыхъ вицъ-мунди-

рахъ, приказные, все описали за безпутное мотовство владѣльца, оцѣнили и оповѣстили къ продажѣ съ молотка. И хотя не все въ конецъ было продано съ публичнаго торга, но родъ Данилы съ тѣхъ поръ сильно обѣднѣлъ и разсѣялся. Въ проданномъ лѣсу, на мѣстѣ крѣпостцы, недавній владѣлецъ выстроилъ сахарный заводъ, и въ его огромную, далеко видную красную трубу буквально вылетѣлъ весь лѣсъ, какъ засѣянный дѣдушкой для дичи, такъ и выросшій послѣ стекляннаго завода прадѣдушки.

Одинъ могучій дубъ, полтора ста лѣтъ назадъ посаженный предъ домомъ давно несуществующей хуторской усадьбы сотника, стоитъ и теперь свѣжъ и крѣпокъ, на тридцать шаговъ кругомъ простирая, въ заглохшемъ и одичаломъ саду забытаго помѣстья, темныя и густыя вѣтви. Вблизи отъ него, у обветшалой каменной церкви, недавно пріютилась, крестьянская волостная школа. Дѣти вновь получившихъ волю поселянъ, рѣзвою гурьбой, съ удочками и съ книжками, пробираются изъ школы, чрезъ рвы и плетни новыхъ усадебъ, къ рѣкѣ и иной разъ прячутся отъ дождя и солнца подъ дубомъ. Между ихъ кличками уже не слышно прозвищъ ни Жука, ни Горлички. У нихъ нѣтъ прошедшаго, но для нихъ слагается новое будущее. Отцы ихъ пануютъ и сѣютъ теперь уже не на сотника Данилу и не на его внуковъ и правнуковъ, а на новаго хозяина, на сосѣднюю чугунку. Врѣзалась она недавно, снося старыя хутора, сады и усадьбы, въ окрестныя мѣста и, что ни день, выкрикиваетъ: «пшеницы, ребята, пшеницы! а за нее вотъ вамъ деньги, а съ ними будетъ вамъ и вашимъ дѣтямъ и та воля, которой вы тутъ такъ долго искали?»

Прабабушку Анну Петровну въ окрестности всѣ забыли. Случайно о ней напомнило, не такъ давно, одно обстоятельство.

Въ хозяйственныхъ книгахъ прадѣдушки, найденныхъ между старинными нотами и театральными костюмами въ сундукѣ одной умершей, совершенно бѣдной старушки, отысканъ рукописный календарь-дневникъ, куда прадѣдушка въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вкратцѣ вписывалъ разныя достопримѣчательности своего давно забытаго домашняго обихода. Противъ февраля 1768 года въ этомъ календарѣ написано: «подарилъ Ашенькѣ безподобной яхонтъ и часы отъ Лешика. Иванушка и учитель его, Григорѣвской, любо-

валися». Противъ іюля 1770 отмѣчено: «бѣжалъ садовникъ Максимка Жукъ и поваръ Лука Горличка бѣжалъ же; смутно и у сосѣдей, братецъ капитанъ-исправника, господинъ маеоръ, слышно, умеръ отъ руки своихъ людей». Противъ августа 1775 года стоитъ отмѣтка: «бѣжала дѣвка Нешка, и я за нее попалъ у Ашеньки въ суспицію». А противъ марта 1780 года написано: «укрошаль Ашеньку, дважды запирая на три сутки въ банѣ, за придирки и за скуку. Женское жеманство тѣмъ исправляется».

1871 г.

II.

ТѢНЬ ПРАДѢДА.

(Лейбъ-кампанецъ).

Въ рукописномъ календарѣ-дневникѣ моего прадѣда, Якова Евстафьича Данилевскаго, подъ 1776 годомъ, уцѣлѣла замѣтка: «13-го іюня, въ понедѣльникъ, заложилъ я хуторъ азовской губерніи, на рѣкѣ Богатой». Подъ 1778 годомъ, тамъ же прибавлено: «іюля 24-го, во вторникъ, въ полночь пріѣхали въ хуторъ на Богатую—я, Ашенька, Иванушка и учитель Григорѣвской. Тогда во оныхъ пустошахъ селяне бѣжали, а сосѣду моему по тому хутору, лейбъ-кампанцу ея величества покойныя императрицы Елисаветъ Петровны, г. Увакину, по его, впрочемъ, качеству и по бездѣльнымъ и противнымъ онаго же поступкамъ, его подданными тогда же содѣянъ столь неподобной и ужести наводящій афронтъ, что хотя бы я на свѣтѣ не былъ,—*тѣнь моя* да скажетъ о томъ потомству...»

Яковъ Евстафьичъ очутился сосѣдомъ лейбъ-кампанца Увакина, вслѣдствіе того обстоятельства, что пожелалъ, въ рѣдкій часъ фавора къ моей прабабкѣ Аннѣ Петровнѣ, сдѣлать ей отмѣнный презентъ. А именно, подъ вліяніемъ недавнихъ преданій о заселеніи этого края, онъ задумалъ сперва населить, а потомъ сюрпризомъ за нею укрѣпить плодородную дикую степь въ 7.000 десятинъ, купленную имъ съ торговъ за четыре тысячи рублей ассигнаціями, отъ генерала Штоффельна. Земля же эта находилась въ тогдашней азовской, нынѣ Екатеринославской губерніи,

между рѣчекъ Богатой, Богатѣньки и Лазовой, и болѣе чѣмъ въ ста верстахъ отъ Пришиба, родового помѣстья прадѣда.

Затѣявъ населить для жены хуторъ, Яковъ Евстафичъ изъ сырмятины соорудилъ кожаную калмыцкую кибитку, взялъ съ собой изъ Пришиба крѣпостныхъ рабочихъ и купленного передъ тѣмъ въ Москвѣ у Архарова приказчика Михайлу Портянго, перваго развѣдчика и доглядчика выбранной степи, и, въ ожиданіи купленныхъ гдѣ-то подъ Тулой крестьянъ, переѣхалъ готовить для переселенцевъ избы, сараи для скота и водопой.

Постройка зданій, по тогдашнимъ затрудненіямъ въ добычѣ припасовъ, запоздала. Сверхъ того, при переводѣ купленныхъ крестьянъ, въ началѣ случились тоже какія-то непредвидѣнныя преграды. А потому, въ первыя два лѣта по покупкѣ земли, Яковъ Евстафичъ, несмотря на слабое здоровье, по временамъ наѣзжая на Богатую и проживая въ калмыцкой кибиткѣ, разбитой у опушки круглаго степного лѣска, сильно скучалъ.

Вѣчно озабоченный хозяйствомъ обширныхъ имѣній и тяжбами съ казной и съ сосѣдями, Яковъ Евстафичъ, хотя безпрестанно ѣздилъ то въ губернской городъ, то въ столицы, и съ виду былъ угрюмъ, но ничего онъ такъ не любилъ, какъ сидѣнья дома, въ зеленомъ шелковомъ халатѣ на бѣлыхъ мерлушкахъ, да слушанья разказовъ Ашеньки, на которую онъ, впрочемъ, дома то-и-дѣло ворчалъ. А тутъ, вмѣсто лѣсныхъ береговъ Донца и густо-населеннаго Пришиба, дикопорожня и глухая степь.

Яковъ Евстафичъ любилъ, когда въ комнатѣ, гдѣ онъ спитъ, водятся сверчки. И если они иной разъ оттуда исчезали, онъ отряжалъ Ашеньку къ кому-либо изъ сосѣдей. Анна Петровна останется въ гостяхъ ночевать, разстелеть на полъ простыню, станеть водить шпилькой по зубьямъ коснаго гребня, подманитъ тѣмъ изъ-за почки и изъ щелей нѣсколько сверчковъ и привезетъ ихъ въ коробочкѣ мужу. А иногда и самъ Яковъ Евстафичъ наловитъ пѣвуновъ у кого-нибудь изъ дворовыхъ и напуститъ себѣ въ опочивальню. И по цѣлымъ вечерамъ, особенно зимой, сидитъ, бывало, у окошка и слушаетъ, приговаривая: «эка хорошая музыка! Точно скрипачи! Лихо сладились! Семь человекъ сегодня пѣло». Приказчикъ Портянгой зналъ обычай барина и, разбивъ кибитку у лѣснаго круглячка, въ пер-

вое же лѣто и прежде всего то сухарями, то кашей привадили туда цѣлую пѣвческую капеллу разнообразнѣйшихъ полевыхъ сверчковъ, которымъ въ окрестной травѣ вторили тысячи товарищей.

Во второе лѣто Яковъ Евстафичъ сталъ брать въ побывку на Богатую учителя Иванушки, Григорѣвскаго. Это былъ рослый и худой бурсакъ, вѣчно потѣвшій, робкій и молчаливый, разъ въ мѣсяць аккуратно напивавшійся мертвецен и ходившій въ длиннополой нанковой парѣ ярко-желтаго цвѣта, такъ что издали казался большою канарейкой. Яковъ Евстафичъ любилъ съ нимъ поспорить о философи и о тайнахъ природы, такъ какъ Ѳедоръ Степановичъ былъ только мистикъ, а Яковъ Евстафичъ къ тому же еще и масонъ, изъ извѣстной логи Елагина: землякъ и однокашникъ по кадетскому корпусу извѣстнаго Мировича. За учителемъ водилась еще одна странность, доставлявшая много веселости Якову Евстафичу. Изъ бурсы учитель вынесъ привычку самъ себѣ мыть не только бѣлье, но и платье. Какъ заносить, бывало, то и другое, выждетъ время и шмыгнетъ въ садъ къ пруду, либо на донецкія озера въ лѣсъ. Сниметъ платье и бѣлье, осмотритъ все, отстегнетъ изъ-подъ лацкана запасную иглу, заштопаетъ что надо, да тутъ же и вымоетъ, какъ слѣдуетъ, и развѣситъ сушиться по кустамъ, а самъ разляжется въ прохладныхъ струяхъ на песокъ и думаетъ: «Вотъ, кабы сюда еще да бутылочку токайскаго, либо пивца!» Яковъ Евстафичъ поглядѣлъ его нагишомъ за такими упражненіями и съ тѣхъ поръ не могъ на него смотрѣть безъ смѣха.

Учитель пріѣхалъ на Богатую не одинъ. Онъ привезъ съ собою и любимаго Якова Евстафича ручного журавля, по имени генеральсь-адъютанта. Нѣсколько лѣтъ этотъ журавль жилъ въ Пришибѣ и такъ привыкъ къ людскому обиходу и суетѣ, что зимою не выходилъ изъ птичьи, а лѣтомъ, съ прочими домашними пернатыми, весь день гордою поступью шагаль по двору, клюя всякую всячину и воюя за помонъ съ собаками и свиньями. Зато осенью, когда по небу тянулись вереницы его дикихъ товарищей, сѣрый журакъ по цѣлымъ днямъ стоялъ задумавшись и затѣмъ вдругъ начиналъ ногами и крыльями выдѣлывать неистовые и уморительные прыжки. Но какъ генеральсь-адъютантъ ни старался подняться въ воздухъ, его манцло снова назадъ

къ землѣ, въ знакомый дворъ, и, обогнувъ садъ и выгонъ, онъ кругами опускался опять либо на крышу кухни, либо на погребъ и, какъ-бы для развлечения, усердно принимался долбить носомъ какую-нибудь кухонную дрянь или бабье тряпье. «Что, братъ, журка, не полетишь?» подтрунивалъ надъ нимъ Яковъ Евстафьичъ, стоя на крыльцѣ и вспоминая собственные молодые годы, дружбу съ Мирвичемъ и службу въ иѣхотномъ Псковскомъ полку: «видно, не до товарищей теперь, дурачина! привыкъ, обабился, вотъ и сиди!»

Но едва учитель привезъ журавля на Богатую, на другой же день, около вечера, заслыша въ камышахъ гортанные оклики привольной и дикой стаи товарищей, генеральсь-адъютантъ исполнился тревогой, пересталъ ѣсть, а на утренней зарѣ какъ-то особенно иѣвуче и жалобно затурликалъ, взмылъ и улетѣлъ безъ возврата...

Скука на Богатой окончательно стала заѣдать Якова Евстафьича, особенно къ концу второй осени, когда вчернѣ поспѣли жилья для переселенцевъ и, расчистивъ подъ горой три самородные ключа, онъ занялся пахотью и посѣвомъ подъ зябь. Ничто не помогало: ни еженедѣльные каракульки сына, ни ласковыя цидулки къ милу-дружке отъ самой Ашеньки, что-де пора вамъ, свѣтикъ, возвратиться и ужъ не полонила-ль вашего сердца какая-нибудь захожая степнячка? — «Гм! донинѣ глухая баба ревнуетъ!» подумалъ Яковъ Евстафьичъ, почесывая въ затылкѣ. Даже не веселили его посѣвшія господскія горницы, а наконецъ, и большой табунъ лошадей, съ восемью жеребцами, въ тотъ годъ переведенный сюда съ луговъ изъ Пришиба.

И вотъ, чтобы развлечь барина, приказчикъ Портяной однажды сказалъ ему:

— Чтò, ваша милость? Послушайте-ка вы мои рабскія рѣчи. Състь-то поселкомъ мы сѣли, строимъ жилья, нарыли колодезей и насыали хлѣба до вешняго теплаго дня. А сосѣдей-то и не почествовали. Не купи двора, купи сосѣда! Съ сосѣдомъ жить въ миру, все къ добру.

— Такъ, такъ, Михайлушка. Да кто же тутъ у насъ, скажи ты мнѣ, стоящіе сосѣди?

— А хоть бы и г. Увакинъ, лейбъ-кампанецъ. Я ужъ вамъ не одна про него докладывалъ. Онъ въ Питерѣ служилъ, и сами, чай, изволиди слышать тѣтку поиѣшней ца-

рицы, покойную царяцу Лизаветь Петровну, съ товарищами посадилъ на царство... Онъ это съѣзжалъ куда-то, а нонѣ съ Покрова опять тутъ объявился въ своемъ владѣніи.

— Ой-ли? Далече ли его зимовникъ и отъ кого ты про него узналъ?

— Верстахъ въ пятнадцать сидитъ, внизъ по Лозовой, промежъ трехъ яровъ, коли слышали. Чунихинскій попъ про него сказывалъ. Баринъ ужъ старый, начетчикъ такой и пребѣдовый. Всѣ его тутъ боятся, особливо-жъ женскій полъ. И коли ваша милость пожелаете его узрѣть надоть поосторожнѣе: какъ бы не изобидѣлъ... Гордости великой человѣкъ, хоть и изъ простыхъ рядовыхъ, — извините, — въ столбовые вышелъ...

Якова Евстафьича, впрочемъ, трудно было испугать кѣмъ бы то ни было. Онъ и обыска, и вопроса по дѣлу Миронича не испугался, когда къ нему въ имѣніе налетѣлъ самъ намѣстникъ, тутъ-же, впрочемъ, спасовавшій передъ его женой, извѣстной самой государынѣ. А потому, недолго думая, онъ сперва отписалъ къ Увакину вѣжливое письмо, увѣряя его въ дружбѣ и въ уваженіи, а затѣмъ снарядилъ и послалъ къ нему учителя Григоревскаго, съ порученіемъ просить его «лейбъ-кампанское благородіе» къ себѣ на побывку въ гости. Семинаристъ отъ сосѣда былъ привезенъ подъ такимъ сильнымъ подозрѣніемъ въ презнатной выпивкѣ, что прежде всего надо было уложить его спать. А потомъ отъ него узнали слѣдующее: «я-де Увакинъ, тоже старъ и хотя былъ, дѣйствительно, когда-то рядовымъ, но ко мнѣ нонѣ ѣздить не токма знатные дворяне, а и генералы, да и самъ г-нъ азовскій губернаторъ неоднократно-де являлся ко мнѣ на рандеву и какъ слѣдъ отдавалъ респектъ по всей, то-есть, подобающей аттенци! Инъ пусть же господинъ поручикъ Яковъ Астафьичъ самъ первый ко мнѣ покалуетъ». — «Фанфаронъ!» — фыркнулъ на это Яковъ Евстафьичъ. Однакоже, дѣлать нечего, перегода, велѣлъ запрячь четверню воронопѣгихъ и, передъ возвращеніемъ Пришибѣ, самъ съѣздилъ съ респектомъ на рандеву къ сосѣду лейбъ-кампанцу: «побалую его, пса, можетъ, когда и пригодится. Вонъ тятенька мой, Евстафій Даниловичъ, веселилъ на бандурѣ князя Никиту Юрьича Трубецкого и за то полкъ изюмскій получилъ въ команду!»

Было свѣтлое, съ легкимъ морозцемъ, октябрьское утро. Калина Саввичъ Увакинъ встрѣтилъ Якова Евстафьича на завалинкѣ бѣлаго глинянаго домика, гдѣ онъ, въ волчьемъ тулупѣ и въ рысей шалкѣ, грѣлся на солнцѣ и изъ кувшина просомъ кормилъ голубей, и сперва показался гостю такимъ сгорбленнымъ и невзрачнымъ старикашкой.

— Милостивѣйшему патрону и сосѣду привѣтъ! — искренно заявилъ о себѣ, выльзая изъ коляски, Яковъ Евстафьичъ.

— Прошу и меня никакшаго жаловать; вашъ слуга! — съ аттенціей принялъ гостя и хозяинъ: — спасибо, что навѣстили меня, Калину! Собачья старость вотъ пришла. Вишенье развожу, птичекъ кормлю, да вѣдомости про нонѣшнія времена читаю. Не могу не благословлять Господа, что до-днесь, по волѣ ея величества, моей покойной императрицы Лизаветь Петровны (тутъ Увакинъ всталъ и снялъ шанку), тридцать-пять лѣтъ на покоѣ состою и довольствѣ, въ пречестномъ потомственномъ расейскомъ дворянствѣ помѣщикомъ...

Гость и хозяинъ церемонно обнялись и присѣли на завалинкѣ.

Шестидесятилѣтній, медвѣдеобразный, съ бѣлыми кустоватыми бровями, почти безъ усовъ, и еще желѣзнаго здоровья, старикъ Увакинъ, родомъ изъ повгородскихъ поповскихъ дѣтей, какъ всталъ, говоря о Елисаветѣ Петровнѣ, да выпрямился, то оказался великаномъ сравнительно съ тщедушнымъ, лысенькимъ, слабымъ и невысокимъ гостемъ. Крупный и красный носъ Калины Саввича показывалъ, что онъ полюбилъ украинскую терновку и часто прикладывался къ ея бутылкамъ, укромно глядѣвшимъ наружу чуть не изъ каждаго окна. А громкія побранки, съ которыми онъ два прикрикнулъ на вѣрнаго слугу, горбатаго Васильца, распорядясь пріемомъ гостя, говорили, что лейбъ-кампанецъ спозаранку уже былъ на второмъ взводѣ. Отсылая другъ другу съ три короба изысканныхъ привѣтовъ и комплиментовъ, новые знакомцы перешли въ вишневую тину, гдѣ въ ту пору подсаживались новыя деревца туда въ горницу, и здѣсь Увакинъ началъ бесѣду о томъ и о томъ, и главное, о великой перемѣнѣ присно 1741 года.

— Не тѣ нонѣ времена, Яковъ Астафьичъ, и

были дни, милостивый патронъ мой, какі мы матушку красавицу нашу, Лизаветь Петровну, ставили на царство! А нанпаче и особливо, сказала она, лейбъ-гвардіи нашей полковъ по прошенію престоль родителя нашего мы воспріять изволили... А? Слышите? И гдѣ у людей уши и память? Такъ, именно этими словами она о насъ и прорекла всему свѣту въ манифестѣ? Нанпаче же и особливо!.. Всему царству сказала!.. Да вѣдь этихъ словъ, отцы родные, не стереть вамъ и не вырубить вовѣки. Вотъ онъ, вотъ манифестъ! читайте! — потащилъ онъ гостя къ стѣнѣ, на которой подъ стекломъ висѣлъ сѣрый, въ большой листъ, манифестъ 25-го ноября 1741 года.

Яковъ Евстафичъ, видя волненіе Увакина, заговорилъ было о хозяйствѣ и о своей семьѣ, о томъ, что вотъ и онъ небезызвѣстенъ двору, что царь Петръ Первый былъ въ гостяхъ у его дѣда, и родного его брата крестилъ на походѣ, а что по матери онъ сродни знатному роду Никиты Юрьича Трубецкого.

Не тутъ-то было. Увакинъ ушелъ въ спальню, воротился оттуда съ трубками кнастеру, одну подавъ гостю, а другую самъ закурилъ, и на вопросъ, какъ же онъ попалъ въ столь счастливый случай, началъ:

— Дѣло было, коли хотите знать, милостивый патронъ мой, таково. Спали наши преображенцы въ свѣтлицахъ своихъ на Литейной. Ночь была — ухъ! — какова морозная. Я былъ на часахъ, и только-что вышелъ изъ караульни, слышу скрипъ полозьевъ: летятъ шибко, но безъ шуму, трое саней по Литейной перспективѣ, да прямо-то къ нашей сѣзжей избѣ; на ея мѣстѣ послѣ Спась Преображенія царца поставила. Изъ первыхъ саней выходитъ сама царевна Лизаветь Петровна, съ дохтуромъ Лестокомъ, а за кучера у нея графъ Воронцовъ; изъ другихъ саней вышли кое-кто изъ вельможъ, и гранодеры у нихъ на запяткахъ. Въ руцѣ у царевны крестъ, черезъ плечо кавалерія, въ шубѣ, а сама, сердечная, такъ и дрожить, зубъ на языкѣ не понадесть, не то отъ мороза, не то отъ страха. Я щикъ ударилъ-было тревогу; только дохтуръ кинулся и пропоролъ кожу на барабанѣ. Я бросился въ а ужъ здѣсь и вся наша рота бѣжитъ. «Что, рикнула тутъ яснымъ такимъ да смѣлымъ голосомъ — знаете ли вы, кто я?» — «Знаемъ, матушка

знаемъ!» — «Готовы ли идти за мной и готовы ли дочку самого царя Петра Перваго на престоль возвратить!» — «Готовы жизнь положить! Давно тебя ждали!» — «Или вамъ, скажите, лучше быть подъ годовалымъ ребенкомъ, да подъ нѣмцами?» — «Смерть молокососу! Нѣмцамъ смерть!» — загалдѣла вся рота: — будетъ имъ надъ Рассеей командовать!» — «Никого, солдатушки, не убивайте, прошу я васъ; а лучше за мной въ тихости маршируйте; мы и такъ съ ними и съ ихъ партизанами справимся!» — сказала царевна, а изъ-подъ шапочки русыя косы выбились; рослая, да статная такая. «Лебедка ты наша!» — гаркнула опять рота и давай у нея крестъ цѣловать. Ружья зарядили, штыки завинтили, да за нею тихо по морозцу прямо въ Зимній Дворецъ. Кое-кого по пути отрядили супротивныхъ министровъ брать подъ карауль... Мнѣ же съ товарищами, Кокорюкинымъ, Ключевымъ, Першуткинымъ и другими, пришлось брать подъ арестъ самого младенца-императора. И никогда я того не забуду, милостивый государь мой! Вбѣжали это мы во дворецъ, да прямо къ нему въ спальню, нѣмецкую няньку связали возлѣ, въ сосѣдней горницѣ. А здѣсь у него-то, смотримъ, колыбель подъ занавѣсочками, лампадка предъ кѣтомъ. Я хоть въ солдаты за увѣче кушца попалъ, но все же самъ былъ изъ церковниковъ и маленько, знаете, тутъ было-позамаялся, да опомнился и кинулся далѣе. У колыбели вскочила вся въ золотѣ и красивая такая мамка-нѣмка, ломить руки, лопочеть по-ихнему и, ниже мертвая отъ страху, во всѣ глаза глядитъ, что это мы, солдаты, вскочили такъ безъ указу, гремя ружьями и въ шапкахъ. Я съ Ключевымъ прямо къ колыбели, отдернули положокъ, пообождали чуточку и взяли на руки младенца... Онъ съ перепугу такъ и залился. А изъ дворца, слышимъ, товарищи ужъ шумно сносятъ на рукахъ самоѣ регентшу Анну Леопольдовну, и кричить принцесса черезъ всѣ царскіе апартаменты: «Иванушка, сынъ мой, названный императоръ! гдѣ ты?» Отвезли регентшу съ мужемъ въ домъ царевны, а потомъ въ крѣпость; императора жъ, младенца Ивана, Лизаветь Петровна взяла къ себѣ въ сани... Проводили мы этакъ бережно царевну оять въ ея дворъ, гдѣ прислуга подъ замкомъ оставалася. А здѣсь ужъ и всѣ новыя фавориты на-лицо. И видѣлъ я, какъ старыя фавориты набѣгали и предъ новыми на колѣнкахъ въ сенаторскихъ

мундирахъ ползали, и тѣ надъ ними громко смѣялись, били въ ладони и грозились: «что, молъ, нѣмецкая сволочь, измѣнники? теперъ оробѣли?» А на улицѣ всю ночь говоръ, крики «вивать», сходятся и строятся полки, столичная знать въ саняхъ, въ перегонку, подъѣзжаетъ, народъ валить и костры горять отъ дворца вплоть до Невской перспективы... Лизаветь Петровна тутъ опять вышла къ генералитету, въ шелковой дымчатой робѣ, на большихъ фижменахъ, объявилась самодержицей и сказала: «съ нами Богъ! Забываю старымъ старое, только служите вѣрою по новому!» На утро по воеводствамъ поскакали курьеры, столица присягнула, и вышелъ манифестъ. Простого народа попамъ къ присягѣ звать не велѣно. Всѣ возликовали. А ужъ о нашей брати, гранодерахъ, и говорить нечего.— «Ну, сосѣдушка,—перебилъ Яковъ Евстафичъ:—извините, только слышно, что ваша рота вела себя не очень-то по приличію...»—«Оно, точно, милостивый патронъ мой, спервоначала солдаты наши маленько побуянили. Бросились по кабакамъ. Не обошлось безъ драки, буйства и непокорства шквадроннымъ властямъ. Кое-кому изъ знатныхъ помяли и бока. Въ эту же ночь спяну не мало растеряло по улицамъ шалокъ, сумокъ и всякой амуниціи, а кто и ружье. Да и какъ было не пображничать! Самые знатные бояре намъ въ ту пору въ поясъ кланялись... Въ разъясненіе же милосердныхъ сентиментовъ ея величества, скажу еще слово... Она и царевной добротой прослыла и по простотѣ въ гвардіи крестила, не токма у начальства, но и у солдатъ, и на именины къ нашимъ солдаткамъ хаживала. Въ первую жъ годовщину вшествія, Лизаветь Петровна объявила такія милости намъ, учрежденной своей лейбъ-кампаніи: поручиковъ роты произвела въ генералы-лейтенанты, прапорщиковъ въ полковники, барабанищиковъ въ сержанты и всѣхъ, какъ есть, двѣсти-пятьдесятъ восемь рядовыхъ въ потомственные дворяне... А про капитанское мѣсто въ той ротѣ объявила: «его мы соизволяемъ сами содержать и оною ротою командовать!» И подарила намъ, солдатамъ, матушка-царица, въ Пошехонской волости отписныя помѣстья ссыльнаго князя Меншикова, на каждаго рядового по двадцать-девять душъ, повелѣла всѣхъ насъ вписать въ столбовыя книги и сама апробовала и утвердила каждому гербъ, съ гранатами и съ дворянскимъ шлемомъ, а поверхъ его съ

лейбъ-кампанскою шапкою. Вотъ онъ тоже виситъ на стѣнѣ... Но и другіе прислужники царевны были награждены, какъ слѣдуетъ, не токма что вельможи: комнатные слуги, Скворцовъ и Лялинъ, пожалованы деревнями и дворянствомъ, а метердотель Фуксъ въ вѣдомостяхъ заурядъ переписанъ въ бригадиры. И стали на вѣчную память по Россіи новые дворяне: Увакины, Кокорюкины, Мухлянины, Першуткины, Ключевы и другіе... И никто намъ, жалованнымъ, не указъ.

— Какъ же вы, Калина Саввичъ, попали сюда изъ Пошехонья въ Украйну, на Лозовую? — перебилъ опять Увакина Яковъ Евстафичъ.

— Сманилъ меня сюда, скажу вамъ, генераль Штоффельнъ, у коего и вы землю съ торговъ купили. Былъ у насъ съ нимъ за картами разговоръ: я съ его совѣта и выпросилъ себѣ чрезъ питерскихъ милостивцевъ обмѣнъ грунтовъ и перевелъ сюда своихъ подданныхъ.

— Давно?

— Годовъ ужъ съ двадцать. Да чтѣ! Мѣста тутешнія и хороши; только неладно здѣсь новѣ жить въ степи, хоть и сказывали затѣйники, что здѣшніе берега кисельные, а рѣки медомъ текутъ...

— Чѣмъ же неладно тутъ жить?

— Не тотъ новѣ штиль и не тѣ времена. Статское искусство верхъ взяло, а военное теперича въ забросѣ. Проектисты въ гору пошли, и всѣ, кто былъ допрежде сего въ авантажѣ, вездѣ стали забыты. А въ Питерь намъ, знатному шляхѣтству, видно, и не показываться. Дѣла тамъ теперича, милостивой патронъ мой, рѣшаются не по закону, а по партикулярнымъ страстямъ. Да вотъ... подавалъ я примѣромъ, туда черезъ одного благодѣтеля нѣкоторое нужное письмо и къ оному пункты. Что жъ? Ничего, какъ есть, никакой резолюціи до сего дня не добился.

— Какіе же это вы подавали пункты?

— Доношеніе, государь мой, доношеніе на одного здѣшняго непотребнаго озорника и, сказать къ слову, — извините, — моего жъ сосѣда...

— Чтѣ же онъ сдѣлалъ за провинность?

— Изъ злой дурости выпустилъ на теперешнюю царицу, на мать-то нашу, Екатерину Алексѣевну, преострый и преподлый пашквиль...

Яковъ Евстафичъ даже поблѣднѣлъ и, сказавъ: «съ нами крестная сила!» спросилъ:

— Какой пашквиль?

— Увѣряетъ, представьте, не стѣсняясь долгомъ присяги, якобы новому нашему, въ семь году затѣянному городу Екатеринославу, быдто не одобровать... Бабы-де города не стоятъ! И какое-де нонѣ житье за бабою, коли женской полъ опять царствомъ завладѣлъ и своимъ фаворитамъ отдалъ насъ всѣхъ подъ суверенство. А? каковъ? И такихъ фармазоновъ-вольнодумцевъ терпять?

— А кто сей пашквильянтъ, осмѣлюсь спросить? — перебилъ Яковъ Евстафичъ, не безъ тревоги, подвигаясь къ двери и поглядывая, гдѣ его коляска.

— Кому же имъ и быть, какъ не гулякъ и не картежникъ, однодворцу Фролкѣ Рындиному? Ну! да пусть ужъ теперичавсякая мелкота сильна и чинна стала. Только я ему мудрость-то и обиды его пособью. У меня случай есть въ новомъ фаворитѣ Зоричѣ. И ужъ коли понѣшніе potentаты не изведутъ его, злого паскудника, такъ я самъ, за его качества, на него лихъ пойду и силой покору подъ ноги сего супостата... Такъ-то, милостивецъ мой и сосѣдъ! силюю... И вѣрь ты моему лейбъ-кампанскому слову... Говорю я это и тебѣ, и всякому не на вѣтеръ: кто моихъ властей не уважилъ, я того за рога. Последніе дни, видно, приходятъ и все тутъ!..

Не понравился лейбъ-кампанецъ Якову Евстафичу, и онъ уѣхалъ отъ него, повторяя про себя: «фанфаронъ, какъ есть, и знать презавистливый хвастунъ!».

Похвальбу свою лейбъ-кампанецъ, однако, искорѣ выполнилъ дѣйствительно.

Только поссорился Увакинъ съ Рындинымъ, какъ оказалось послѣ. не за преострый пашквиль на «новое бабье царство», а по другой причинѣ, и кровавая развязка этой ссоры надолго взволновала тихія мѣста по Богатой!

Настала весна 1778 года.

Яковъ Евстафичъ въ этомъ году прибылъ въ хуторъ на Богатую ранѣе, такъ какъ сюда, въ концѣ апрѣля, ожидали прихода купленныхъ подъ Тулою крестьянъ. Получивъ письмо отъ повѣреннаго, что первый отрядъ переселенцевъ уже двинулся, прадѣдъ мой, оставя калмыцкую кибитку, помѣ-

стился въ новомъ барскомъ домикѣ, выстроенномъ тутъ же на взгорьѣ, надъ Богатой.

Это была въ полномъ смыслѣ дѣвственная роскошная степь, какими девяносто лѣтъ назадъ еще обладала тогдашняя азовская губернія. Плугъ еще рѣдко взрывалъ ея тучную почву, а стада мериносовъ мало топтали ея дикіе цвѣты. Близъ новаго поселка не было почти никакихъ дорогъ, кромѣ стариннаго чумацкаго тракта на Бахмутъ, проходившаго отсюда въ нѣсколькихъ верстахъ. На хуторѣ стало оживленіе. По ночамъ въ окна барскаго домика долетало звонкое ржаніе восьми жеребцовъ, сторожившихъ на свободѣ косяки своихъ кобылицъ. Тихія рѣченки: Богатя, Богатенька и Лозовая, извѣстныя теперь по Севастопольской дорогѣ, протекали здѣсь среди густыхъ камышей, храня въ полноводныхъ плесахъ множество рыбы и раковъ, а по топкимъ берегамъ неисчислимыя стада чаекъ, кроншнеповъ и дупелей. Долина Богатой, у одного изъ плесовъ которой, на самородныхъ ключахъ, расположился новый хуторъ, отличалась особою, чисто степною красотой. Одинъ берегъ рѣки упирался въ высокій зеленый горбъ, изрѣзанный красноглинистыми провальями и обрывами. Противоположный берегъ представлялъ гладкую, какъ скатерть, сперва зеленую, а потомъ синѣющую равнину, надъ которою вдали, въ жаркій день, точно струи воды, откуда-то протягивались и играли волнистыя марева, а въ облакахъ кружили орлы, заставляя недавно закрѣпощенныхъ украинцевъ, работниковъ правды, со вздохомъ слѣдить за ихъ вольнымъ полетомъ и задумываться надъ недалекимъ временемъ, когда ихъ отцы и дѣды такими же орлами носились надъ этими пустырями.

Девятилѣтній сынъ Якова Евстафыча, мой дѣдъ Иванъ Яковлевичъ, ходившій еще въ курточкѣ и воротничкахъ и взятый теперь отцомъ на Богатую, ясно помнилъ эту весну и приходъ перваго отряда переселенцевъ и любилъ объ этомъ впоследствии разсказывать.

Къ началу мая были готовы всѣ избы и другія строенія для крестьянъ. Невдалекѣ же отъ небольшого домика, потомъ обращеннаго въ кухню, стали строить изъ навезеннаго, славнаго днѣпровскаго лѣса Большой липовый господскій домъ, а возлѣ, на утѣху сударынѣ Аннѣ Петровнѣ, разбили и насадили садъ.

Иванушкѣ теперь была предоставлена полная свобода. И

въ то время, какъ учитель бесѣдовалъ съ Яковомъ Евстафичемъ или читалъ «Утренній Свѣтъ» Новикова, Иванушка съ приказчикомъ Портянымъ, страстнымъ охотникомъ, урывался съ ружьемъ, съ дудочкой или съ сѣтью въ степь, или съ удочкой и съ острогой къ синимъ плѣсамъ рѣки.

Въ лѣсномъ круглякѣ, у котораго вначалѣ была разбита кибитка прадѣда, Иванушка намѣтилъ старый высокій дубъ, а на его вершинѣ орлиное гнѣздо. Сперва онъ, тайкомъ и безъ провожатаго, бѣгалъ туда слѣдить за жизнью и кормленіемъ еще безперыхъ орлятъ, а потомъ сталъ просить Портяндо добыть ему и выносить для охоты орленка. Долго отпѣкивался приказчикъ: «и зачѣмъ вамъ, батюшка-барченокъ, мучить вольную Божью тварь!» Наконецъ, уступая настояніямъ барченка и не безъ опасности быть заклеванымъ освириѣтлою орлицей, Портяндой взять ружье и ножъ и, выглядѣвъ подвечерній отлетъ старыхъ орловъ на добычу, полѣзъ къ гнѣзду. Долго Иванушка стоялъ внизу, замирая отъ волненія, ломая руки и прислушиваясь, какъ въ тишинѣ лѣска, подъ руками и ногами Михайлы, трещали вѣтви дуба и сыпался мелкій сушникъ. Но вотъ Портяндой добрался до орлиного гнѣзда и затихъ.

— Чтò, Михайлушка? — внѣ себя спросилъ снизу мальчикъ:— сколько ихъ? да говори же!

Михайло молчалъ.

— Ни одного!—крикнулъ онъ со смѣхомъ:—проворонили! Все разлетѣлись... Вонъ желтоносые попархиваютъ по верхамъ! Зато, погодите, молчите!—опять отозвался сверху дуба Михайло:— слышите пѣсни? это наши переселенцы подходятъ. Отсюда видно ихъ, какъ на ладони: много, много телѣгъ, идутъ и пѣшо; пыль клубомъ, дѣтей несутъ на рукахъ и пѣсни поютъ... Красныя панёвы, бѣлыя полстяныя шапки... Такъ и есть: наша арава! Пойдемте, барчукъ, имъ навстрѣчу...

И приказчикъ съ Иванушкой бѣгомъ пустились по полю.

Когда Иванушка подбѣжалъ къ передовой толпѣ переселенцевъ, и тѣ узнали, кто онъ такой, старики и парни стали брать его на руки, ласкать и приговаривать: «соколъ ты нашъ! надежа наша и покровъ!» — а бабы наложили ему за пазуху дудочекъ и глиняныхъ дѣтскихъ игрушекъ. А кто-то барченку подарилъ пойманнаго дорогой, мохнатаго и жирнаго сурка. Не доходя съ полверсты до усадьбы, пере-

селенцы разбили таборъ, поставили возы кругомъ, загнали туда скоть и лошадей, разложили костры и отрядили къ барину стариковъ.

— Что, ребята, притомилися? Милости прошу на хлѣбъ, на соль и на послушаніе! — сказалъ Яковъ Евстафичъ, выйдя къ нимъ въ сумерки на крыльцо:— жиле вамъ слажено, хлѣбъ посѣянъ, земли и воды вдоволь! Дѣдъ мой, коли слышали, Данила Даниловичъ, населилъ два дѣсныхъ помѣстья; а я вотъ, съ Богомъ, населяю степное! Будете чливы да радѣтельны, подарю васъ въ награду женѣ моей Аннѣ Петровнѣ. Портяноѣ! угости ихъ и распорядяйся..

Мужики поклонились, понурили головы и пошли. И съ утра таборъ сталъ размѣщаться по отведеннымъ ему дворамъ. Дня черезъ три, съ поля, и опять подъ вечеръ, чуткій слухъ Портянога слышалъ новыя пѣсни и скрипъ телегъ. Подошелъ и разбилъ костры другой отрядъ переселенцевъ. Къ концу же мая населился весь хуторъ; красныя панёвы и бѣлыя полстяныя шапки замелькали по полю, по рѣкѣ и по вновь окопаннымъ огородамъ, засверкали въ травѣ косы, зачернѣла новая пахоть; а по свѣже-натоптанной, широкой улицѣ поселка загремѣли звонкія пѣсни дѣвокъ и парней, не прекращаясь отъ сумерекъ вплоть до криковъ раннихъ, навезенныхъ изъ-подъ Тулы пѣтуховъ.

Такъ населился новый хуторъ правѣда на Богатой.

Въ то же лѣто Яковъ Евстафичъ рѣшился показать женѣ этотъ поселокъ и прибылъ сюда, какъ сказано въ его дневникѣ, 24 іюля, въ полночь, вмѣстѣ съ нею, съ Иванушкой и съ учителемъ.

Это былъ вторникъ. А въ четвергъ онъ объѣздилъ съ Ашенькой поля, луга и всѣ границы имѣнія, показалъ ей свѣже-накошенные стога сѣна, копны новаго жита и поспѣвавшій клинъ великолѣпной пшеницы-бѣлотурки, и только-что усѣлся съ семьей за борщъ съ дикой уткой и за пироги съ перепелами, какъ подѣхалъ гость, Калина Саввичъ Увакинъ.

На этотъ разъ лейбъ-кампанецъ, узнавъ, что сосѣдъ прибылъ не одинъ, а съ женой, да еще—съ былою фрейлиной настоящей императрицы, явился въ полной старинной преобразенской формѣ, въ зеленомъ кафтанѣ, въ поясной португелѣ съ сумкой, въ шарфѣ черезъ плечо, съ откладнымъ

воротникомъ, въ нѣсколько пофденной молю треугольной лейбъ-кампанской шапкѣ, въ штиблетахъ и въ башмакахъ. Рѣдкіе сѣдые усы старика были нафабрены и вздернуты къ вискамъ, а въ рукѣ его была офицерская трость—эспонтояъ.

Хозяйка, бывшая запросто, въ распашонкѣ, но имѣвшая обычаи строго придерживаться приличій свѣта, ушла и явилась за столъ въ біломи матерчатомъ робронѣ, съ фалбарами, не забывъ налѣпить на щеки нѣсколько мушекъ, и, представленная мужемъ гостю, сдѣлала церемонный, по всѣмъ правиламъ моды, поклонъ.

— Гдѣ изволили, матушка, спать эту робу? — началъ, послѣ первыхъ привѣтствій, съ учтивствомъ былаго щеголя, снимая огромныя перчатки, Увакинъ.

— Къ генеральшѣ Херасковой въ Харьковъ послала! — зардѣвшись, отвѣтила Анна Петровна.

— Знатный вашъ городокъ Харьковъ, коли такія модныя швеи завелися. А почему дали за фалбары?

— Восемь рублей.

— Отмѣнно сшиты и къ лицу. Особенно сіи фестоны на лифѣ и сіи же отмѣнные на плечахъ буфики.

— За учтивствы благодарю! — сказали и налилъ гостю наливки Яковъ Евстафичъ.

Разговоръ перешелъ на хозяйство.

Увакинъ, между прочимъ, доложилъ, что у нихъ въ околоткѣ, что ни день, становится все хуже и хуже. Передать шопотомъ и озираясь, что вездѣ стали отъ злыхъ навѣтчиковъ бѣжать крестьяне и что у него также сбѣжали, недѣлю назадъ, семь лучшихъ подданныхъ, и хотя трехъ изъ нихъ онъ лично поймалъ на воскресномъ базарѣ въ Барвенковой, заковалъ въ кандалы, привезъ обратно и посадилъ ихъ въ погребъ, но четверо остальныхъ все-таки безъ вѣсти пропали.

— Жаль ослушниковъ. Знатные были работники. И одна только теперь надежда у меня, матушка-сударыня, это—мой вѣрный Василецъ!—прибавилъ Увакинъ:— все добро мое у него на рукахъ. И теперь вотъ, примѣромъ, я къ вамъ уѣхалъ, а онъ, я ужъ знаю, спустилъ собакъ и съ ружьемъ будетъ рабъ кругомъ усадьбы ходить, пока не обращусь вспять... Чтѣ дѣлать? Я вдовый, жениться, полагаю, поздно, хоть и скучно какъ-то одному, а все-таки жаль своего добра!

— Кого же вы боитесь, Калина Саввичъ?—спросила Анна Петровна, читавшая энциклопедистовъ, Гольбаха и Дюмарсе,

и не любившая старческих жалобъ на новизну:—вы, можно сказать, имперію спасли, а тутъ неспокойны и сумнительны.

— Ничего я, матушка, не сумнителенъ! Только мало ли злыхъ людей! Фармазоновъ все болѣе и болѣе разводится. Вотъ, хоть бы и сосѣдъ мой, Рындинъ... Ну, да я ли до него не доберусь...

— Ахъ, всё-то вы, мужчины, погляжу я, неважны такковы!—усмѣхнулась Анна Петровна:—сваритесь и грозитесь, а ничуть это не славно! Лучше бы жили въ миру. И какіе тутъ у насъ фармазоны?

— И то правда, Калина Саввичъ,—подтвердилъ хозяинъ:—бросьте вы этого Рындина, да расскажите намъ лучше, что новаго?

— Вотъ,—началъ Увакинъ:—какъ намедни гнался я за моими бѣглецами, прочиталъ я, доложу, у капитанъ-исправника листъ вѣдомости петербургской, и въ этой вѣдомости прописано, якобы на Невской перспективѣ нѣкій щеголь-гусарь Волокитинъ раздавилъ рысаками одну простую бабу, и потомъ якобы у насъ скоро опять быть войнѣ...

— Довольно съ васъ погрома и Емельки Пугачова, да хоть бы и походовъ Задунайскаго!—проворчалъ Яковъ Евстафичъ:—повысосали съ насъ денежекъ! Пора бы намъ ужъ и отдохнуть...

— И еще въ той же вѣдомости,—продолжалъ Увакинъ:—изъ амстердамскихъ курантовъ прописываютъ, якобы у французскаго короля при дворѣ представляли прелестное итальянское дѣйствіе, именуемое паштораль, а потомъ его величество забавлялся машкарадой.

— Что вы мнѣ, Калина Саввичъ, все про французскаго короля, да про его машкараду!—съ досадою перебилъ и закашлялся Яковъ Евстафичъ:—ваши же, вѣтъ, милостивцы Шуваловы у насъ эту французскую дурость въ общую моду ввели. Я, сударь, въ перепискѣ съ Трубецкими.. Дай-ка Иванушка, письмо отъ князя Сергія, что мы привезли съ собою.

— Что же пишетъ князь Сергій?

— А вотъ, прислушайте... «А у его-де сіятельства, у бывшаго гетмана Разумовскаго, давали презнатную комедію *La fove de Nigim* такожде были у него оперы, и на тѣхъ операхъ дѣвки итальянки и кастратъ пѣли съ музыкой»... Вотъ вамъ и бывший гетманъ всея Украйны! кастратовъ

слушаетъ! Тьфу! А еще римскими доблестями величаются. То ли дѣло здѣсь у васъ, на Украинѣ, по простотѣ! Не такъ ли, Калина Саввичъ?

Увакинъ задумался и вздохнулъ.

— Мѣста, повторяю, здѣшнія хороши!—отвѣтилъ онъ:— слова нѣтъ! Только, милостивый патронъ мой, повторяю вамъ, мало все-таки защиты намъ здѣсь отъ озорниковъ... того и гляди, тебя избидятъ!

«Ну, тебя избидишь! — подумалъ Яковъ Евстафичъ,— найдется такой человѣкъ!»

Послѣ обѣда гость и хозяинъ соснули, потомъ опять угощались наливкой и сладостями. А вечеромъ Яковъ Евстафичъ велѣлъ пригнать ко двору табунъ на показъ сосѣду.

— Смотрите вы у меня,—повелительно сказалъ при этомъ Увакинъ табунщикамъ Якова Евстафича:—межи вамъ указаны, а ходите вы илова и по моимъ владѣнιάмъ. Ой, берегитесь; лютъ я, Калина, за свое добро! Разъ пригрожу, два, а тамъ и стрѣлять по васъ изъ винтовки стану, какъ наскочу, либо батогами до полужива задеру»...

«Не стѣсняется его лейбъ-кампанское благородіе!— подумалъ, вспыхнувъ отъ досады, Яковъ Евстафичъ,— сущій волкъ, волкомъ и умреть. Ну, да посмотримъ! И я тебя изловлю; овцы твои на водоной ко мнѣ на луга, слышно, перебѣгаютъ. Только я стрѣлять тебя не стану, а свяжу своими молодцами, да прямо въ судъ, хоть ты и чванишься, что царство спасъ».

Послѣ ужина хозяева заговорились съ гостемъ за полночь. Увакинъ собирался въ новооснованный Екатеринославъ, и Анна Петровна надавала ему порученій по дому: кулѣть чай, сахару, вина. Но едва собесѣдники разошлись по горницамъ и заснули, какъ отъ двора Увакина прискакалъ на взмыленномъ конѣ чуть живой отъ страха Василецъ и объявилъ въ окошко разбуженному Калинѣ Саввичу, что на его усадьбу въ эту самую ночь напали съ незнакомыми людьми Рындинъ и насильно выкралъ и увезъ къ себѣ во дворъ его рабыню, молодую и весьма красивую ключницу, Улиту.

Бѣшенству старика не было предѣловъ. Онъ выскочилъ на крыльцо въ одномъ бѣльѣ и прежде всего ухватилъ за горло и чуть не задушилъ вѣстника.

— Коня!— заревѣлъ онъ: — коня? Какъ? Меня избидѣтъ?

Гдѣ же были другіе молодцы? Гдѣ были собаки? Ты, вражій сынъ, выдалъ и живъ? Меня, жалованнаго-то?..

И, какъ буря, понесся онъ сперва къ себѣ на хуторъ, побудилъ и, созвавъ уцѣлѣвшихъ пошехонцевъ, далъ имъ самопалы и топоры, посадилъ ихъ верхами на коней и съ разсвѣтомъ поскакалъ къ усадьбѣ Рындина. Оздворца, разумѣется, дома не засталъ, перевязалъ его небольшую дворню и съ четырехъ концовъ зажегъ его дворъ, овечьи загоны и хлѣбный токъ.

Вѣтеръ раздулъ пожаръ, а Увакинъ до поздняго вечера, рыча, какъ дикій вепрь, ходилъ и бѣгалъ кругомъ, подкладывая огонь тамъ, гдѣ плохо горѣло. На другое утро онъ опять явился сюда съ плугами и съ боровами, перепахалъ испепеленное дворнище, изъ собственныхъ рукъ засѣялъ его гречихой и, заборонивъ пашню, отѣхалъ во-свояси.

— Пусть цесій сынъ помянетъ меня, лейбъ-кампанца, до вѣка...

Цесій сынъ, однако, тоже не дремалъ.

Онъ подалъ на Увакина въ судъ челобитную, отрекался отъ похищенія Улиты, якобы волей отошедшей къ нему, и отыскивая съ обидчика тысячу рублей за убытки отъ поджога и за обиду.

Явилась полиція. Начался окрестный допросъ. Яковъ Евстафичъ, втайнѣ радуясь грозѣ надъ самовластнымъ сосѣдомъ, который изъ-за личной ссоры выдавалъ въ доносѣ Рындина за франмасона, тѣмъ не менѣе, навѣстивъ его, съ участіемъ сталъ совѣтовать ему помириться съ Рындинымъ и даже отпустилъ къ нему, для писанія отвѣтовъ, учителя Иванушки.

Но не таковъ былъ Калина Саввичъ, чтобы помириться со всякой мелкотой.

Вслѣдъ за началомъ розыска, видя, что безуспѣшно бросаетъ чиновникамъ послѣдніе рубли, Увакинъ черезъ Васильца провѣдалъ, что Рындинъ съ его рабыней-бѣглянкой скрывается у попа, въ слободѣ Чуніхиной, и рѣшился расплатиться съ нимъ до-чиста.

Подѣхалъ въ сумерки верхомъ къ попову огороду, залегъ въ капустникѣ, у садоваго плетня, выждалъ, да собственноручно изъ винтовки, въ присутствіи похитителя, напавъ и убилъ Улиту...

Слѣдствіе возгорѣлось съ новой силой. Власти переполо-

шились. Дали знать и знакомцу Увакина, губернатору, спрашивая, какъ быть съ такимъ казусомъ со стороны столь важной особы, обитавшей въ ихъ губерніи?

Но ни суду, ни губернатору не удалось изречь своего приговора надъ Увакинымъ.

Улита была женой одного изъ тѣхъ бѣглецовъ, которыхъ Калина Саввичъ незадолго изловилъ и, несмотря на передраги по слѣдствію, продолжалъ держать въ кандалахъ въ подвалѣ.

Затворники отбили кандалы, вырвались ночью изъ подвала, взяли еще кое-кого изъ своихъ, вѣрнаго Васильца утопили въ колодезь, а лейбъ-кампанца, у котораго въ то время ночевалъ и опять сильно подгулялъ учитель дѣда, Григорѣвской, стащили съ постели и сказали: «ну, господине, теперь и съ тобой расчетъ!»

И какъ Увакинъ ни молилъ ихъ и ни кланялся имъ въ ноги, вынимая изъ сундука какія-то бумаги, крича о помощи въ окно и обѣщая всѣхъ выпустить на волю, отдать имъ все добро и отгнать въ невѣдомыя земли, пошехонцы вытащили его изъ комнатъ и, въ полной лейбъ-кампанской формѣ, повѣсили его на любимой и имъ же нѣкогда посаженной грушѣ, а сами, связавъ полумертваго отъ страха семинариста, разбѣжались.

И хотя, по словамъ дневника прадѣдушки, «сей неподобный афронтъ» отъ подданныхъ былъ содѣянъ лейбъ-кампанцу «по его же качеству и по бездѣльнымъ и противнымъ онаго жъ поступкамъ», тѣмъ не менѣе, Яковъ Евстафичъ, вспоминая ли собственныя волокитныя прегрѣшенія, или въ самомъ дѣлѣ жалѣя сосѣда, тогда же разлюбилъ новый хуторъ на Богатой и болѣе въ немъ никогда не бывалъ.

А за полчаса до кончины, умирая отъ чахотки и удивляясь, что не видитъ свѣчи и не слышитъ болѣе любимыхъ сверчковъ, понялъ, что приходитъ смерть, не безъ чувства простился съ женой и съ восемнадцатилѣтнимъ сыномъ, первую выславъ изъ комнаты, а второму сказалъ слѣдующее:

«Берегись ложныхъ друзей и тяжбъ, а также смѣлыхъ прожектистовъ, охотниковъ до дворскихъ и всякихъ перемѣнъ. Красивыхъ же женщинъ берегись и удаляйся пуще всего... Ихъ алльянцъ—не радость, а пагуба, тлѣнь и запустѣніе души!»

III.

ИМЕНИНЫ ПРАБАБУШКИ.

Именины моей прабабки, Анны Петровны, праздновались въ день св. Анны пророчицы, 3 февраля. Именины другихъ родныхъ, не только дѣдушки, но даже и бабушки, можно было еще пропустить, — этихъ же именинъ ни въ какомъ случаѣ.

Уже за нѣсколько недѣль до 3 февраля, прїѣзжалъ, бывало, отъ ея невѣстки, моей бабушки, къ ея женатому сыну и замужнимъ дочерямъ нарочный съ письмами. — «Всѣ ли здоровы?» — спрашивала ихъ бабушка: — «пора бы собираться къ именинамъ маменьки». — «Твоя, милый другъ, «жѣнушка», — писала она сыну: «пораньше позаботилась бы изготовить все, что нужно дѣтямъ для дороги, — шубки подлиннѣе, сапоги теплые, на баранкахъ, да и чулки шерстяные. Дѣвочку возьмите съ собой непременно; а сына оставьте съ мамкой; еще простудите какъ-нибудь. Прїѣзжайте заранее, чтобы потомъ что не помѣшало. Матушка-сударыня, сами знаете, уже стара; Богъ вѣсть, много ли еще достанется намъ поздравлять ее съ дорогимъ днемъ ея ангела». — При этомъ въ гостинецъ присылались замороженные золотые карасы, съ надписью: «изъ Великаго села» или огромные карпы — «изъ озера Курбатова».

Если на приглашеніе отвѣчали неточнымъ обѣщаніемъ, а только завѣреніемъ, что-моль постараемся, когда все будетъ благополучно, — то являлся вторичный посоль, съ совѣтами, какъ лучше поступить въ такомъ случаѣ. — «Теперь такіе холода» — писала бабушка: — «запрягите крытый возокъ, да возьмите провожатыхъ-верховыхъ; почувте въ дорогѣ у такого-то, а въ такой-то деревнѣ покормите лошадей, — все-таки будетъ не такъ тяжело и надежнѣе». — И это повторялось ежегодно, передъ каждымъ именинами.

Родные съѣзжались накануне. Въ день именинъ, утромъ, всѣ шли къ прабабушкѣ съ поздравленіями. Этимъ заправляла бабушка. Входила къ сыновьямъ и къ дочерямъ, она говорила: «Пора къ сударынѣ-матушкѣ!» — осматривала каряды дочерей и впучать, и выходила въ залъ большого дома, гдѣ ее ждалъ мужъ и сосѣдые и дальніе гости.

Всѣ разошлись, предшествуемые бабушкой, отирались

по дорожкѣ, усыпанной пескомъ, къ именинницѣ, съ пожеланіемъ добраго утра. Внукамъ и правнучкамъ строго приказывалось при этомъ сидѣть у прабабушки смирно, не шептаться, слушать, что говорятъ старшіе, и, если прабабушкѣ будетъ угодно заговорить съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, то отвѣчать ей, разумѣется, стоя.

Прабабушка жила въ особомъ флигелѣ, подъ камышевою крышей, вправо отъ дома. Крыльцо было посрединѣ флигеля; изъ передней палѣво была большая угловая комната, прабабушкинъ залъ. Въ ней, посрединѣ, стоялъ овальный столъ, всегда накрытый тонкою, голландскою скатертью. Передъ небольшими окнами стояли краснаго дерева, съ бронзой, стулья; между окнами — такіе же столики. На одномъ изъ нихъ, передъ зеркаломъ, красовались, въ видѣ бесѣдки, со стекломъ, англійскіе часы Шортона, подарокъ прабабушкѣ императрицы Екатерины II. Они указывали не только числа мѣсяца, но и ущербъ луны, въ видѣ серебряной головы, веходившей и заходившей надъ голубымъ небомъ, усеянныи золотыми звѣздами, и каждый часъ, и четверть часа, исполняли пріятную музыкальную мелодію. Эти часы теперь хранятся у одного изъ ея правнучковъ и все это необыкновенно точно продѣлываютъ до сихъ поръ.

Направо отъ залы находилась обширная опочивальня, она же и пріемная гостинная прабабушки. Здѣсь, въ простѣнѣ, между окнами въ садъ, передъ овальнымъ туалетнымъ зеркаломъ прабабушки, на рѣзномъ, съ позолотой ломберномъ столѣ, красовались два огромныхъ бронзовыхъ канделибра, каждый о пяти восковыхъ свѣчахъ, и рядомъ съ ними, на массивномъ серебряномъ подносі, съ ножками, стоялъ серебряный кофейникъ, тоже съ ножками и съ серебрянымъ цвѣточкомъ на крышкѣ, такая же сахарница и тонкаго саксонскаго фарфора чашки, въ видѣ крохотныхъ прямыхъ стаканчиковъ, съ ручками и рисунками, тупью и золотомъ, изображающими розы, въ бутонахъ, и листья. Если именинницѣ обѣдъ прабабушки былъ во флигелѣ, то въ ея спальнѣ потомъ подавался роскошно-сервированный десертъ, изъ варенья, паштлы и фруктовъ въ сахарѣ, при чемъ восковыя свѣчи закигались, кромѣ канделибровъ, и въ кенкетахъ по стѣнамъ. При движеніи воздуха, свѣтъ этихъ свѣчей очень затѣйливо игралъ на потолкѣ, изразцовой печи и на овальной рамѣ туалетнаго зеркала, искусно составленной

изъ крохотныхъ зеркальныхъ кусочковъ, что очень занимало дѣтей.

Вдоль стѣны, противъ двери изъ зала, помѣщалась прабабушкина кровать. На ней лежало горкой нѣсколько подушекъ и подушечекъ, въ топчайшихъ бѣлыхъ наволочкахъ, съ кружевными оборками, и темнокоричневое атласное одеяло, подшитое голландскою простыней, съ бѣлымъ, на четверть кругомъ, отворотомъ по атласу.

Прабабушка, принимая своихъ и постороннихъ гостей, обыкновенно сидѣла на этой постели, спусти ноги на скамеечку изъ краснаго дерева, съ вышитой гарусомъ подушкой, и облокотясь обѣими руками на широкій, покрытый ковровою скатертью, лаковый столъ, за которымъ она всегда и обѣдала. За общимъ столъ въ большомъ домѣ сына она, въ послѣдніе годы, почти не являлась, по мнѣнію нѣкоторыхъ, потому, что ужь слишкомъ, пожалуй, было бы много чести, если бы она стала обѣдать съ прочими, а скорѣе всего—ей просто было спокойнѣе трапезовать у себя одной.

Вправо, за кроватью прабабушки, была дверь въ дѣвичью, а еще правѣе за дверью, въ углу опочивальни, красовалась большая, изразцовая, съ зелеными, желтыми и синими разводами, голландская печь, на ножкахъ, съ узенькою лежанкой, на которой дѣти обыкновенно чинно-рядкомъ и усаживались. Здѣсь надъ лежанкой, въ особой печной виадинѣ, въ фарфоровомъ соусникѣ постоянно лежали вкусные только-что испеченные прабабушкины душистые и удобные крендельки, лешенки, сухарики и бублики,—брать которые дѣтямъ позволялось охотно. Они этимъ всегда пользовались столь усердно, что одна изъ правнучекъ Анны Петровны тутъ же, однажды, выломыва съ кренделемъ распатанный передній зубъ. Этотъ зубъ, впрочемъ, былъ у нея еще слабый, молочный и потому снова вскорѣ успѣшно выскочилъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Но столь необыкновенный казусъ произвелъ тогда на остальныхъ дѣтей особенно сильное впечатлѣніе, какъ событіе, совершенно неожиданное и выведшее всѣхъ изъ обычнаго, церемонно-вѣжливаго положенія. Дѣти съ тѣхъ поръ, до кончины прабабушки, идя къ ней съ пожеланіями добраго утра, обыкновенно опцупывали свои зубы, не шатается ли какой-либо изъ нихъ.

Ночь въ опочивальнѣ прабабушки былъ устланъ боль-

шимъ, домашней работы, ковромъ, съ бѣлымъ фономъ и зеленою каймой, по которой были разбросаны алыя розы.

Войдя въ опочивальню прабабушки, всѣ церемонно и важно поздравляли ее съ именинами, цѣлуя ей руку, а она, сяди на своей постели, обнимала дѣтей, внуковъ и правнуковъ, а остальнымъ ласково кланялась. Затѣмъ всѣ чинно сажались по мѣстамъ. Анна Петровна всегда была одѣта въ черное платье, съ длиннымъ шлейфомъ, изъ плотнаго шелковаго левантина, съ тонкимъ, въ видѣ дымчатої волны, инсейнымъ платкомъ на шеѣ, въ бѣломъ чепцѣ и въ мерлушковой, длинной шубкѣ поверхъ плечъ, покрытой темнымъ атласомъ. Лицо у прабабушки было необыкновенно-бѣлое и важное. По обычаю времени, она бѣлилась до самой кончины. Каріе глаза прабабушки, въ молодости очень красивые, и на старости были привлекательны и очень оживлены. Зубы у нея были такъ свѣжи и крѣпки, что она и въ преклонные годы щелкала ими каленные орѣхи. Руками же она изстари щеголяла. Онѣ у нея были маленькія, бѣлыя и до того нѣжныя, что почти не отличались отъ батистовыхъ манжетовъ, выходившихъ изъ-подъ рукавовъ ея чернаго платья.

Тогда и постѣ, всѣ съ особенною похвалою отзывались о бѣлѣ прабабушки, которое у нея было поистинѣ образцовое, — тонкое, бѣлое, какъ снѣгъ, и все заграничное; притомъ его мыли у нея особенно щегольски. Въ чистыхъ, свѣтлыхъ, комнатахъ Анны Петровны всегда привлекательно пахло восковымъ жасминомъ или чайною розой, любимыми цвѣтами прабабушки. Когда у нея говорили старшіе изъ гостей, младшіе, даже женатые, только молча имъ внимали. Когда же изволила говорить сама прабабушка, то уже всѣ положительно молчали. Дамы говорили съ нею, сядя; мужчины же — не только вставая, но и изысканно-вѣжливо кланяясь.

Никто у прабабушки и въ ея присутствіи не курилъ. Дѣдушка, съ трубкой своего кнастера, уходилъ для того въ оранжерею или портретную; а курики изъ другихъ мужчинъ, особенно офицеры сосѣднихъ уланскихъ полковъ, для куренія изъ своихъ пенковыхъ трубокъ, въ лѣтнее время, скрывались даже въ садъ, въ бесѣдку, стоявшую тогда возлѣ такъ-называемой придворной груши, подаренной прабабушкѣ императрицей Екатериной. Анна Петровна вывезла когда-

то эту грушу, маленькимъ отводкомъ, изъ Царскаго Села, и собственноручно посадила ее у пруда, въ Приницкомъ саду.

Во время имениннаго обѣда, когда онъ происходилъ во флигель прабабушки, она, хотя кушала особо, въ своей опочивальнѣ, нѣсколько разъ, однако, въ теченіе стола выходила оттуда и удостоивала по нѣскольку минутъ постоять за каждымъ изъ обѣдающихъ, облокотясь о спинку его стула и не обходя своимъ вниманіемъ никого. За однимъ просто, бывало, постоять, съ другимъ поговорить, того ласково потрепетъ по плечу, этому скажетъ что-нибудь пріятливо или веселое, и опять уйдетъ. Дѣти, въ особенности, удивлялись хвосту прабабушкинаго платья, который за нею обыкновенно тянулся чуть не на сажень изъ другой комнаты. Имъ объяснили, что это не хвостъ, а шлейфъ, котораго она не покидала, въ память давно прошедшей моды и дорогихъ лѣтъ своей молодости.

Ростомъ и фигурой прабабушка была представительна и красива, и въ ея домашнемъ обиходѣ все было также хорошее, дорогое и даже роскошное, такъ какъ сама она была женщина изъ высшаго круга, съ вкусомъ, и въ дунѣ истинная аристократка, причемъ и не подозрѣвала, что ея единственный, пятидесяти-пяти-лѣтній сынъ «Иванушка», какъ она его звала, передъ ея кончиной, уже промоталъ большую часть своихъ имѣній. Она и умерла, убѣжденная, что ея наследникъ и его многочисленная семья остаются послѣ нея столь же богатыми, какъ была и она.

Обильный обѣденный столъ на именинахъ прабабушки былъ обыкновенно въ полдень. Лакеи, гуськомъ, торжественно несли изъ кухни въ ея флигель безконечное число блюдъ, въ суповыхъ чашахъ, соусникахъ и разныхъ крынкахъ и горшочкахъ, а среди обѣда, за тостомъ въ ея здравіе, которое тогда пилось венгерскимъ, раздавался залгъ изъ домашнихъ пунекъ, стоявшихъ среди двора, противъ крыльца флигеля и большого дома. Вечеромъ, при свѣчахъ, подавался столь же роскошный ужинъ. Послѣ обѣда, до ужина, гости играли въ карты, въ ломберъ или въ бостонъ, причемъ и прабабушка иногда, съ кѣмъ-либо изъ почетныхъ гостей, но покидая своей постели, играла въ шкетъ. Большею же частью она проводила время въ бесѣдахъ съ гостями.

Цепрятныхъ или печальныхъ разговоровъ у прабабушки

не допускалось, какъ не бывало и чрезмѣрнаго веселья или громкаго смѣха.

Все было въ мѣру. Когда она, вспоминая минувшія времена, заводила рѣчь о какомъ-либо прошедшемъ событіи, то излагала его обстоятельно, не торопясь, а гости слушали ее, стараясь не проронить ни одного ея слова. Такъ какъ дѣтими строго воспрещалось, при ней, не только говорить или шептаться между собою, но даже шевелиться, то они, соскучивъ долгимъ, молчаливымъ сидѣньемъ на изразцовой лежанкѣ, обыкновенно одинъ за другимъ незамѣтно уходили, черезъ смежную дверь въ дѣвичью, и оттуда, надѣвъ шубки и теплыя шапки, съ наушниками, вылетали въ посеребренный инеемъ, обширный, прабабушкинъ садъ, гдѣ на холмѣ, на особыхъ подставкахъ, черибли длинные, чугуныя, запороженія пушки, а у каменнаго грота выглядывала сѣрая «каменная баба», присыпанная пушкынымъ снѣгомъ, точно въ бѣломъ серебряномъ чепцѣ—другая, таинственная прабабушка...

Однажды, въ такія же именины, послѣ радушнаго, оживленнаго обѣда, въ опочивальнѣ Анны Петровны остались за кофе, ликерами и десертомъ двое изъ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ ея гостей, — мѣстный предводитель и командиръ сосѣдняго уланскаго полка. Прочіе гости на нѣсколькихъ столахъ играли въ залѣ въ карты; остальные ушли курить въ большой домъ.

Разговоръ у прабабушки зашелъ о современномъ поколѣнн женщинъ и, между прочимъ, коснулся неравенства дѣтъ въ бракѣ. Полковой командиръ, ужъ далеко не молодой человекъ, давно, какъ замѣчала Анна Петровна, не спускалъ глазъ съ одной изъ ея родственницъ, совершенно молоденькой дѣвушки, и мѣтилъ посвататься къ ней. Неравнодушно поглядывать на дѣвушку и совсѣмъ старій предводитель. Прабабункѣ это сильно не нравилось, хотя она ни тому, ни другому объ этомъ не говорила, такъ какъ и они, со своими сокровенными, но очевидными помыслами, еще молчали.

— Нашу сестру, особенно изъ поплѣнницъ, да еще молодую, — сказала Анна Петровна: — коли не сдерживать, но вразумлять, то сейчасъ свихнется и, рано выйдя замужъ, такъ станетъ рядиться, да мести хвостомъ, что разорить

господина-мужа, либо, извините, хуже того, прямо стрекотуха-сгоза наставитъ ему рога.

Сказавъ это, прабабушка на минуту смолкла, взяла со стола флаконъ съ какимъ-то спиртомъ, попохала изъ него и оглянулась по комнатѣ.

— Дѣти, кстати, всѣ разошлись,—произнесла она.—Хотя у меня что-то не совсѣмъ свѣжа голова, могу вамъ, коли не наскучу, сообщить одно поучительное событіе, или даже, если хотите, трогательный анекдотъ...

Дѣти въ это время, дѣйствительно, вышли одинъ за другимъ изъ комнаты прабабушки, кто въ садъ, кто въ конецъ двора — на ледяную гору, или съ няньками къ рѣкѣ, гдѣ сквозь ледъ на ужинъ ловили бреднемъ рыбу. Одинъ, впрочемъ, изъ правнуковъ Анны Петровны, войдя передъ тѣмъ въ опустѣлую дѣвичью и не найдя тамъ своего теплаго платья, присѣлъ, въ ожиданіи прислуги, у печи, за дверью, и невольно услышалъ и потомъ запомнилъ то, что рассказала тогда прабабушка.

— Это, други мои, было давно,—начала Анна Петровна:—лѣтъ десять спустя послѣ основанія здѣшняго университета. Въ то время къ намъ изъ города, знакомясь съ краемъ, охотно ѣзжали въ гости новоприбывшіе профессора и доценты разныхъ наукъ: архитектуры, физики, ботаники, медицины и словесности. Все это были хорошіе люди, образованные, деликатные. Они отдыхали здѣсь на привольѣ, особенно лѣтомъ,—да и намъ бывали полезны. Мы, съ Иванушкой, тогда только-что, съ Божьей помощью, кончили постройку нашего каменнаго пятиглаваго храма,—вы, государи мои, нынѣ такъ любуетесь имъ, а Иванушка, въ ту пору, успѣшно началъ опыты съ посадкой на нашихъ пескахъ соснового лѣса. Теперь это, какъ тожѣ вы знаете, уже не опыты, а настоящій на нѣсколько верстъ боръ... Такъ вотъ, говорю, тогда къ намъ на отдыхъ въ гости ѣзжали разные профессора и между ними немолодой уже адъюнктъ ботаники,—вы о немъ, чай, слышали,—Романъ Романычъ,—послѣ его перевели куда-то въ другой городъ. Онъ въ лѣтніе завѣзды дѣлалъ у насъ экскурсіи въ лѣсъ и степь за травами, а зимой на святкахъ, раза два ѣздилъ съ Иванушкой на волчьи облавы. Былъ онъ, скажу, лѣтъ за пятьдесятъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, но еще бодрый, съ румянцемъ во всю щеку и подвижной.

Сильно близорукій, онъ, между тѣмъ, страстно любилъ всякую охоту съ ружьемъ. Присматривалась я къ нему и удивлялась. Ужъ какъ онъ тамъ попадалъ въ птицу или бѣгущаго звѣря, никогда я не могла понять, — а туда же, бывало, примащивается къ самымъ записнымъ охотникамъ, возьметъ на плечи ружье, надѣнетъ высокіе сапоги и маршируетъ. — «Куда вы? — говорю я ему однажды: — побереглись бы; еще по близорукости подвернетесь подъ чьинбудь дуло и васъ пристрѣлятъ въ гуцинѣ!».— «Кому, сударыня, утонуть, — отвѣтилъ онъ: — того ружье не тронетъ; а я хоть и близорукъ, а иной разъ вижу дальше зрячаго. Но я ли вамъ презентовать собственной охоты куропатокъ?»— А ужъ гдѣ тамъ собственной охоты! Думаю, покупалъ изъ любезности у нашихъ же егерьей. Онъ въ десяти шагахъ почти ничего не видѣлъ, а разъ, ѣдучи къ намъ, принялъ терновый кустъ за отца благочиннаго и, снявъ шляпу, усердно кланялся ему.

Слушатели разсмѣялись.

— Въ тѣ годы въ нашемъ же институтѣ для бѣдныхъ дѣвицъ, — продолжала Анна Петровна, — кончила ученіе одна сирота, питомка съ дѣтства и крестница моего покойнаго брата, по имени Анна, какъ и я. По смерти брата, мы съ Иванушкой призрѣли эту Ашеньку и очень ее полюбили. За наши ласки и она насъ чтитъ, а меня звала маменькой. Кончивъ науку, разумѣется, она, какъ вполне неприютная, поселилась у насъ. Прошло лѣто, кончилась осень и наступила зима. Ашенька, видимо, очень сильно скучаетъ по своему институтѣ, а особенно по товаркамъ. Отпраздновали святки; сталъ близиться день нашего общаго съ Ашенькой ангела. Ну, какъ вотъ и теперь, мы и тогда ждали добрыхъ знакомыхъ, а въ томъ числѣ кое-кого и изъ губерніи. Кто-то при Ашенькѣ сказалъ, что на именины къ намъ и на охоту, съ волчьей облавой, будетъ и доцентъ ботаники. Ашенька такъ и заалѣла. — «Романъ Романычъ?» — спрашиваетъ меня. — «Онъ самый, — отвѣчала я: — а развѣ ты его знаешь?» — «Какъ не знать! онъ и въ институтѣ у насъ обучалъ ботаникѣ, и мы его всѣ, какъ есть, обожали!» — Извѣстно институтское обожаніе, — разумѣется, пустяки. Я о тѣхъ словахъ Ашеньки и забыла. Стали съѣзжаться гости; пріѣхалъ и этотъ доцентъ. Ашенька, какъ увидѣла его, запрыгала отъ радости и чуть не

кинулась ему на шею. Мы потомъ не мало упрекали ее за эту прыть; ты, молъ, уже не пригостишка кабая-нибудь, въ куцомъ коричневомъ платѣ, а кончившая все курсы барышня, и надо бы тебѣ, милая, честь и совѣсть знать. А она, просто, какъ ональда, глазъ не спускаетъ съ бывшаго своего ментора. Такъ, это, онъ побылъ у насъ двое сутокъ въ гостяхъ—и уѣхалъ. Видимъ, Ашенька стала болѣе тосковать; на себя не походить, похудѣла, блѣдна, какъ кусокъ мѣлу, — вздыхаетъ, плачетъ. А лѣтомъ этотъ ботаникъ опять появился у насъ. Привезъ огромный свой гербарій, въ начкахъ оберточной бумаги, ходитъ по стени и по дугамъ, собираетъ и сушитъ травы, а мы, съ горничными и съ Анютой, помогаемъ ему по вечерамъ. Одинъ разъ сидѣлъ онъ со мною на балконѣ, дивуясь лѣсомъ, посадкой Иванушки, — а лѣсъ въ то время уже сталъ виденъ черезъ стень, съ нашего балкона, — да и брякнулъ мнѣ: «Сударыня, Анна Петровна, не разсердитесь, если что скажу?» — «Говори, милый, слушаю; ты хоть и философъ, а добрый человекъ». — Онъ помолчалъ. Замѣчаю, утромъ былъ онъ въ голубенькомъ шейномъ платкѣ, а тутъ уже сидѣлъ въ розовомъ; фракъ съ иголочки и башмаки съ модными пряжками. — «Отдадите за меня вашу Анну Львовну, — спрашиваетъ: — коли осмѣлюсь посвататься?» — Я такъ и обомлѣла. — «Да что ты, Романъ Романычъ, — отвѣчаю: — очумлѣлъ, извини, что ли? ну, пара ли она тебѣ? такое неравенство лѣтъ... совсѣмъ молодѣшенька, всего семнадцатый годъ, а тебѣ за пятьдесятъ! И кто, не сердись ты, въ мысли это втемяшилъ тебѣ?» — Онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и нѣсколько секундъ не могъ вымолвить ни слова. — «Что же, сударыня, — говоритъ: — развѣ я могъ бы быть столь дерзостенъ? Мнѣ подали нѣкоторую надежду... Лукерья Ивановна по тайности открыла, что Анна Львовна не только не прочь, но даже ко мнѣ расположена». — А эта Лукерья, надо вамъ сказать, была жена нашего тогдашняго попа, молодая, превзбалмонная и болтливая бабенка. — «Нашелъ сваты! — отвѣчаю я ему: — да неужели, — ну, скажи по правдѣ, — ты не боишься? Папичъ тряпockъ и сбѣвичать-то васъ не долго, да и ты, повторяю, хорошій во всемъ человекъ; но обдумалъ ли ты? не вышло бы чего? не сталъ бы послѣ жалѣть!» — «Если вы, государыня моя, лично не препятствуете, — сказала онъ: — о себѣ скажу, —

я уже рѣшился; что Господь дастъ, то и будетъ; а потому снова прошу принять мое почтительнѣйшее предложеніе и насъ благословить». — Тутъ онъ всталъ и поклонился мнѣ, съ глубокимъ респектомъ. Я, однако, други мои, всегда была не изъ податливыхъ... отложила рѣшеніе на сутки, да и на другія ничего не отвѣтила,—толковала съ сыномъ, совѣтовалась съ невѣсткой. Принялись мы допрашивать и Анюту. Да что съ такимъ безперыгъ итенцомъ? плачетъ, молить дать благословеніе. Иванушка мнѣ на третій день и говорить: «Что же, маменька, партія для бѣдной сироты-безприданницы, во всякомъ случаѣ, подходящая, онъ еще въ самомъ видѣ мужчина, имѣетъ бригадирскій чинъ, ласкаемъ, какъ видно, начальствомъ и получаетъ приличное жалованье; но нынче-завтра возведенъ будетъ въ профессора, и беззаботно можетъ прожить, не только съ женой, но и съ дѣтьми, коли имъ Господь ихъ дастъ». — Ашенька три дни, запершись, ничего не ѣла и не пила; видимо, ума отъ любви рѣшилась: и миль-то онъ, по ея мнѣнію, и уменъ, и добръ, и всё у него, какъ есть, качества! — «Да старъ онъ тебѣ, дурочка. — твержу я ей напрямикъ: — ну, куда ему до тебя? ты жива, быстра, краля писанная и съ огнемъ, а у него бѣлый пухъ уже, какъ у голубя-турмана, но токмо въ ушахъ, даже въ носу повыскочилъ!» — Ахъ, маменька, — отвѣчаетъ она: — да я старенькихъ-то, бѣзенькихъ именно и люблю! Отдайте за него, я вотъ какъ его, еще со второго класса, полюбила». — Глушнѣ ты, — говорю: бутонъ мой розовый, стрекоза! да за тебя адъютантъ вонъ полковой, писанный красавецъ и танцоръ-мазуристъ, сватается; я только тебѣ до времени не говорила... пожелаю, съ руками тебя возьметъ». — Куда! ничто не подѣйствовало. Настояла Ашенька на своемъ; а тутъ еще со-сѣдки давай ѣздить и трещать,—не томите любящихся, не разводите счастья! Я подумала, погадала и согласилась: будь, въ самомъ дѣлѣ, что будетъ! Ашенькѣ пашини мы приданого, назначили свадьбу и въ тотъ же годъ она стала профессоршей.

— Анекдотъ дѣйствительно интересный, — сказалъ полковой командиръ: — развѣ дѣвицамъ и впрямъ все выходить за молодыхъ? съ пожилыми иногда бывалотъ счастливѣе...

— Что же, сударыня, было даѣе? — спросилъ предводитель: — ваша исторія, повидимому, еще не кончена.

— Ты, cher ami, угадалъ, — отвѣтила Анна Петровна, опять понюхавъ изъ флакона: — конецъ былъ, но, можно сказать, не только странный, а даже неожиданный. Молодые, представьте себѣ, зажили совершенно счастливо. Не только они сами, но и посторонніе отзывались о ихъ житьѣ-бытьѣ съ откровенною похвалою. Доцентъ усердно ходилъ читать свои лекціи, а на дому сверхъ того практически занимался со студентами; посылалъ ихъ собирать травы, объяснялъ имъ наглядно сорта и свойства всякихъ былинъ и приводилъ съ ними въ порядокъ свой огромный, за пѣсколько лѣтъ собранный гербарій. Ашенька, въ чепчикѣ и въ простомъ ситцевомъ или мусселиновомъ платьѣ, — ихъ мы ей нашили вдоволь всякихъ, дешевыхъ и дорогихъ, — носила мужу наверхъ, въ его рабочую комнату, чай и кофе, и хлопотала по домашнему хозяйству и въ кухнѣ. Слыша похвалы Анютѣ, я сама однажды предприняла вояжъ въ городъ и своими глазами видѣла — какъ ей вниманію, такъ и истинную ея любовь къ мужу. А ужъ о немъ нечего и говорить. Съдой и румяной селадонъ въ ней души не чаялъ; подарилъ ей колье, — вотъ съ какою крупною жемчужиной! — колечко алмазное, и даже выписалъ ей черезъ купцовъ изъ Парижа модную бархатную мантилью и шляпку Сандрильонъ. Но цѣлымъ часамъ сидѣли они рядкомъ, вздыхая, обнимаясь и говоря другъ другу завѣренія въ любви. — «Диво дивное! — думала я, глядя на нихъ: — и впрямь, — чего на свѣтѣ не бываетъ? старъ человекъ, а какъ къ себѣ этакую юницу привязать!» Одно мнѣ не нравилось въ Ашенькѣ... Она была невоздержна въ насмѣнкахъ надъ нѣкоторыми студентами, учениками мужа. Они и дѣйствительно были странно и неряшливо одѣты, отвѣчать не умѣли, а ужъ о манерахъ что и говорить. Одного студента Анюта особенно вышучивала и шпыняла, хотя, повторю, отчасти и подѣломъ. Звали его Митей, фамилія — Сверчковъ. Это былъ сынъ бѣднаго, городского чиновника, высокій, тощій, носатый и вѣчно молчаливый, съ длинными красными руками, которыхъ онъ постоянно не знаетъ, куда дѣвать. Одно было въ немъ привлекательно: большіе, темные, пу, чудные глаза. Какъ теперь ихъ вижу, — такъ и просятся въ душу... А она надъ нимъ — ха-ха, хи-хи, — проходу ему не даетъ. Тотъ, бывало, при мнѣ, придетъ, усядется у нихъ за чаемъ, уткнется носъ въ чашку, а ру-

чипсы, какъ оглобли, разложить по вымяченнымъ, худымъ, колѣнямъ, и въ то время, какъ другіе весело и безъ церемоніи болтають и острятъ о томъ-о-семъ, молчить, какъ каменный истуканъ. Аненька глядитъ и не вытерпитъ; либо приинилитъ къ его фалдѣ салфетку, такъ что онъ, повернувшись, чуть не валитъ всей посуды, — либо принесетъ изъ кухни и потихоньку сзади насыплетъ ему на спинку и на голову курьихъ перьевъ и пуху, да еще и къ зеркалу подведетъ его. Тотъ, съ-дторону, чуть не плачетъ, а прочіе, и она больше всѣхъ, отъ смѣха надрываютъ надъ нимъ животы. И ей потомъ насдинѣ дѣлала строіе реприманды. — «Ты, ма шеръ, говорю, не подростокъ, а профессорна, стыдись: можно ли такъ издѣваться надъ человѣкомъ?» — «Да что же, маменька, дѣлать? — отвѣчаетъ она, не удерживаясь отъ хохота: — руки-то, ноги его! развѣ такой увалень—человѣкъ? а со смѣху, онъ, пожалуй, и исправится, станетъ, какъ все!» — И уѣхала, а вскорѣ вышла, скажу вамъ, изъ всего того такая исторія, что не знаю, какъ уже и рассказать.

— Что же, студентъ, видно, наконецъ, разобидѣлся и дерзостей ей натворилъ?—спросилъ предводитель.

— Мужа вызвалъ за нее на поединокъ?—спросилъ полковникъ.

— Ни то, ни другое,—отвѣтила Анна Петровна:—а вотъ что. Жили такъ-то наши молодожены спокойно. Послѣ студеной зимы и начала сырой и грязной весны, наступили превосходные майскіе дни, — теплынь, яркое солнце и благораствореніе воздуху. Въ университетскомъ саду зацвѣли бѣлыя акаціи, дикіе жасмины и бульденежи. Луга и поля подъ городомъ, ну, какъ ковромъ, устланы тысячами вѣшнихъ цвѣтовъ. Романъ Романычъ по утрамъ торопился читать свои лекціи и, кое-чего перехвативъ за обѣдомъ, до поздвяго вечера пронадалъ со студентами въ окрестностяхъ, за собираемъ травъ. Однажды случилось такъ, что онъ, наморясь день-денской въ штатныхъ подъ городомъ, возвратился домой поздно ночью, едва чувствуя подъ собою ноги, усталъ, но раздѣваясь, на постель и заснулъ, какъ убитый. Утромъ, разумѣется, всталъ позднѣе обычного, взглянулъ на часы и увидѣлъ, что сильно проспалъ. Погода стояла восхитительная; душисто, тепло, птички щебечуть за окнами, а солнце глядитъ ласково и празднично.

До лекціи оставалось не болѣе получаса. Романъ Романычъ наскоро умылся, напялил на себя вицмундиръ, уложилъ въ портфель брульоны своихъ лекцій и часть гербарія и хотѣлъ уже бѣжать въ аудиторію, но вспомнилъ, что внизу ждетъ его этотъ студентъ Митя, котораго онъ въ то утро рѣшилъ послать на подгородній архіерейскій дугъ. Тамъ въ это время окончательно отцвѣтали какія-то особенно дорогія, по мнѣнію ученыхъ, травы, цѣлебные напоротники, что ли, и ихъ надобно было разыскать и захватить непременно въ цвѣту. Онъ кликнулъ къ себѣ Сверчкова наверхъ, показалъ ему образцы тѣхъ травъ и снова объяснилъ ему, какъ и на какихъ мочакиншахъ ихъ собирать. — «Но ты, папаша, хотя бы закусили!» — сказала ему, войдя также наверхъ, Анюта. Мужъ взглянулъ на нее и жалъ ему стало идти. Она въ ту минуту, какъ онъ послѣ говорилъ друзьямъ, сіяла милбе и свѣжбе всякаго маіскаго утра. — «Да, мой другъ, выпилъ бы я съ тобою кофейку, — отвѣтилъ мужъ, любясь ею: — только вотъ что, ты знаешь, какъ я аккуратень... во всю жизнь въ университетѣ, да и у васъ въ институтѣ не пропустилъ ни одной лекціи. Надо идти!» — Опъ собственноручно надѣлъ на шею Сверчкову сумку съ инструментами и пропускной бумагой, для прокладки между нею свѣжихъ травъ, спустился съ лѣстницы и чуть не вирипрыжку пустился въ университетъ. Жилъ онъ довольно далеко, въ домѣ протоиопа, почитай, въ концѣ города, однакоже успѣлъ дойти какъ разъ въ то время, когда на сосѣдней соборной колокольнѣ часы стали звонить девять, — начало лекцій. На крыльцо онъ взошелъ, впрочемъ, не безъ конфуза, такъ какъ ни у воротъ, ни возлѣ университета не было замѣтно никого изъ студентовъ. Все, очевидно, были уже въ аудиторіяхъ. Такъ или иначе, а онъ, все-таки, значить, припоздалъ. Поднялся онъ по главной лѣстницѣ, заглянулъ мимоходомъ въ профессорскую сборную, она также была пуста. — «Эхъ, засмѣютъ, — подумалъ онъ, еще болѣе смутившись, — этаній точный, сама аккуратнѣйшая аккуратность, а явился поздне въ всѣхъ!» — Остановился онъ на верхней площадкѣ, отеръ вспотѣвшее лицо, оправилъ на головѣ свой бѣлый кокъ и одернулъ фалды мундира. Но едва онъ ступилъ въ общій коридоръ, навстрѣчу ему оттуда, тоже съ портфелью и тоже какъ бы озадаченный, хотя и съ улыбкой, — коллега

его, профессор астрономіи. — «Ты куда это?» — спросил астрономъ. — «На лекцію, сегодня о губоцвѣтныхъ буду читать, — тарантиль Романъ Романычъ: — по ты замѣтилъ ли? вѣдь я, кажется, припоздалъ?» — Астрономъ такъ и покатился со смѣху, хохочеть и его смѣхъ громко разносится въ пустомъ коридорѣ. — «Что ты смѣешься?» — «Да какъ же? оба мы поступили, какъ истинные философы, а сказать повѣришь, даже просто, какъ разсѣянные колпаки!» — «Какъ такъ?» — «Да очень даже просто; вѣдь сегодня табельный, царскій день!» — Романъ Романычъ на это совершенно опѣшилъ и, тоже разсѣявшись, вышелъ съ коллегой на улицу. — «Куда же ты теперь?» — спросил астрономъ. — «Домой, разумеется; вѣдь я, представь, послѣ вечеринки экскурсіи въ луга, спалъ, какъ сущій богатырь, проспалъ до восьми съ половиной и такъ сюда торопился, что даже не закусилъ». — «Такъ зайдемъ ко мнѣ на обсерваторію, — сказала астрономъ: — во-первыхъ, это ближе, чѣмъ твоя квартира, а во-вторыхъ, мой вахтеръ намъ мигомъ подастъ не только закусочку, но и пинасенку; держку наверху для ради всякаго случая. Положимъ, фринтикъ у меня не столь будетъ вкусенъ, какъ моккскій кофе изъ руки твоей юной супруги, — зато у меня на баннѣ еще одна приманка... Представь, три дня всего назадъ установленъ новый вѣнскій телескопъ, да какой? Разумеется, теперь не ночь, планеты и звѣзды мы съ тобою не разглядимъ; но прислана еще великолѣпная, зрительная труба, и изъ нея видишь не только твои подгородніе луга, но и дальѣ, вся околнность, чуть не до монастырской горы». — Романъ Романычъ былъ вообще любознательнъ, а тутъ еще и голодь, отъ пробѣжки утромъ и натошакъ по городу, сильно давалъ о себѣ знать. Все еще раздумывая, какъ это онъ такъ опростоволохился съ лекціей, онъ согласился и послѣдовать за коллегой...

Сказавъ это, Анна Петровна откупорила флаконъ, налила изъ него нѣсколько капель на уголокъ носового платка и потерла имъ у себя виски и за ушами.

— Голова у васъ, сударыня, болитъ? — спросилъ предводитель: — давеча за обѣдней не простудились ли?

— Ничего, мось ами, недолго договорить, кончу, — отвѣтила Анна Петровна. — Товарищи взопли на обсерваторію. Пока вахтеръ готовилъ фринтикъ, астрономъ открылъ окно

на башнѣ, поставилъ въ него подзорную трубу, снялъ съ ея стекла закрышку и навелъ рефракторъ на окрестности. — «Другъ мой, смотри и любуйся, — сказали онъ: — видъ—какъ бы съ Монблана или Ризенгебѣрге... Духъ захватываетъ отъ столь дивнаго изобрѣтенія людского ума!»— Романъ Романычъ присѣлъ на табуретку, наладилъ стекло по глазу и сталъ любоваться дѣйствительно диковиннымъ видомъ, — голубыми въ легкомъ туманѣ полями, темными лѣсами и контурами холмовъ.— «Да, — сказали онъ, — узнаю, вонъ дорога на Кавказъ. а это, вонъ, гора, должно быть, возлѣ монастыря, — какая даль! а это, постои, по-близу, такъ и есть, архіерейскій лугъ... Я туда давеча послалъ одного своего слушателя дополнить гербарій... Старательный и хорошій малый, мѣтитъ въ ученые. Пожалуй, разгляжу и его за работой среди луговъ... Нѣтъ, что-то не видно; должно быть онъ взялъ напрямикъ черезъ лѣсъ».— Романъ Романычъ, пока его коллега и сторожъ ладилъ столь и ставили на него закуску, любовался видомъ окрестностей. Наконецъ онъ навелъ трубу и на предметъ города. Тутъ онъ уже прямо пришелъ въ восторгъ.— «Ай, прелесть! — вскрикивалъ онъ: — каково? домъ Андрея Федоровича—какъ на ладони; даже его пеструю кошку видно; вонъ крадется по крышѣ къ воробьямъ... Василій Назарычъ цвѣты въ палисадникѣ поливаетъ... постои, да что это?.. такъ и есть, — георгины и конвольвулосы, на тычинкахъ... все разберешь!.. ай, да рефракторъ! по чести, по труба, а чистое диво!»— «Да, инструментецъ изрядный, — сказали астрономъ: — а теперь, коллега, насчетъ шпансику! это будетъ почище!»— Товарищи усѣлись, выпили и закусили. Хозяинъ вспомнилъ о недавно открытой кометѣ. Начавъ рассказывать о ней, онъ отперъ шкапъ, чтобъ достать и показать полученный ей рисунокъ.— «Что же это, однако? — спохватясь, подумалъ гость, — я смотрѣлъ на чужіе, а своего дома и не разглядѣлъ».— Онъ снова присѣлъ на табуретъ и навелъ рефракторъ на свое предметъ. Замелькали на стеклѣ подгородные домики, огороды и сады; сталъ видѣнъ, какъ бы въ десяти шагахъ, узенькій перулокъ и домъ протопопа. Романъ Романычъ разглядѣлъ знакомую красную крышу, тесовыя ворота, бѣлье, развѣшенное по двору, для просушки, на веревкѣ, и бучу протопоповыхъ голубей на вынкѣ, у слухового окна;— а по-

ниже и раскрытое окно своего кабинета, — книжные шкафы, комодъ, картинки по стѣнамъ и рабочей столъ, съ бумагами, передъ окномъ. Но вдругъ Романъ Романычъ вздрогнулъ и отшатнулся отъ трубы, не вѣря своимъ глазамъ. Онъ замеръ и нѣсколько секундъ сидѣлъ, ни живъ, ни мертвъ. — «Еще водочки, коллега! — сказали товарищъ, доставая рисунокъ новооткрытой кометы: — смотри какаѣ, — а хвостъ изогнуть и сквозь него видны звѣзды». Но ужъ куда тутъ было до водочки или до кометы. Романъ Романычъ протеръ платкомъ зрительное стекло, еще взглянулъ въ рефракторъ и нагнулъ на него крышку... Потъ каплями падалъ съ его лица...

Прабабушка снова замолкла.

— Что же онъ увидѣлъ? — спросилъ предводитель.

— То, что и слѣдовало ожидать, — раздражительно отвѣтила Анна Петровна, прикладывая носъ къ флакону.

— Неприятность какую-нибудь? — спросилъ полковникъ: — вори забрались въ кабинетъ?

— Да, вори, — отвѣтила прабабушка, — только иного сорта... На диванѣ въ кабинетѣ сидѣлъ Митя, а рядомъ съ нимъ Ашенька, и оба они, обнявшись, цѣловались, какъ истые голубки.

— Возмутительно, дерзко и неблагодарно! — сказали предводитель...

— Именно, монъ шеръ, неблагодарно, — обратилась къ нему Анна Петровна, разведя руками: — совершивъ такое открытiе, Романъ Романычъ молча отошелъ отъ трубы. Коллега вѣжкомъ пригласилъ его къ столу. Они еще выпили по рюмкѣ. — «Такъ рефракторъ не дуренъ?» спросилъ астрономъ. — «Прекраснѣйшій!» отвѣтилъ гость. — «И все хорошо видно?» — «Все...» — Товарищи пожали другъ другу руки и расстались. Точно на крыльяхъ вѣтра Романъ Романычъ понесся домой. Онъ шелъ, какъ обливаемый водою, съ портфелемъ подъ мышкой, и не грустилъ, а какъ-то странно усмѣхался. — «Такъ тебѣ и надо, старый дуракъ! — разсуждалъ онъ, идучи: — совсѣмъ сосулька, сморщенный грибокъ, а тоже загнѣвалъ играть въ амуры. Подвѣломъ ротозѣю, плюгавой размазнѣ! Не такъ надо было смотрѣть за молодою, красивою женой!» — Примчался онъ на квартиру и прямо на лѣстницу. Услышала Анюта скрипъ ступеней, узнала шаги мужа и выбѣжала къ нему изъ кабинета на пло-

щадку.—«Какъ?—спрашиваетъ:—ты уже домой? а лекція?»—
«Забылъ я, милая, сегодня табельный день».—«Будешь
пить кофій? только палить—готовъ».—«Охотно!» отвѣтилъ
мужъ, а самъ вошелъ въ кабинетъ и окинулъ его глазами.
Все въ немъ казалось на мѣстахъ и какъ бы въ порядкѣ.
Одна только его шинель какъ-то странно была брошена на
диванъ и свѣсилась съ него до полу.—«Такъ пойдемъ же
внизъ ко мнѣ—сказала Ашенька:—тамъ и спокойнѣе, и не
такъ жарко».—«Нѣтъ, я усталъ; давай сюда».—Анюта вы-
шла на площадку и крикнула въ кухню стряпнухъ: «За-
вари кофій, да неси наверхъ двѣ чашки; выпью и я».—
«Нѣтъ, три!» сказалъ мужъ. Ашенька удивилась.—«Развѣ
еще кого ждешь къ себѣ» спрашиваетъ.—«Да, жду одного
пріятеля».—Тутъ Романъ Романычъ вынулъ изъ портфеля
свои записки и травы, разложилъ ихъ на столъ, снялъ съ
себя вицмундиръ и облекся въ покойный домашній пиаф-
рокъ. Кухарка возилась съ посудой.—«Удивительные люди,
эта прислуга!—съ нетерпѣніемъ восклицала Ашенька:—
кипятокъ всегда есть и кофейникъ былъ на плитѣ, а не
несетъ!»—Кофій наконецъ былъ принесенъ.—«Ну, гдѣ же
твой знакомецъ?» спросила Анюта, наливая пока двѣ
чашки.—«Наливай и третью», сказалъ мужъ. Анюта на-
лила. Романъ Романычъ всталъ со стула, быстро нагнулся
къ дивану и приподнял брошенную на него шинель.—
«Ну-ка, господинъ Сверчковъ,—сказалъ онъ, увидя торча-
вія изъ-подъ дивана, въ болотныхъ сапогахъ, ноги Мити
и похлонывая по нимъ:—что конфузиться? выльзайте, бу-
демъ пить кофе». Еле живой отъ смущенія, весь красный
и въ пыли, Сверчковъ выползъ изъ-подъ дивана, отряхнулъ
на себѣ платье и робко присѣлъ на край стула.—«Полно
церемониться,—вотъ вапа чашка, откушайте; да проси же
гостя, жена!»—Ашенька не вѣрила своимъ ушамъ и была
готова провалиться сквозь землю. Сидя какъ на иголкахъ,
она ожидала бурныхъ взрывовъ, грозы. Ничего этого,
однако, не произошло. Мужъ палилъ себѣ въ чашку сли-
вокъ, медленно помѣшалъ ложечкой и, обмакивая печенье
въ кофій, сталъ съ удовольствіемъ прихлебывать. Видя его
спокойствіе, началъ пить и Митя, а за нимъ и Ашенька.—
«Это съ инбиремъ и корицей?» обратился Романъ Рома-
нычъ къ жещѣ, указывая на поданные сухарики.—«Да».—
«Ты сама пекла?»—«Сама...»—«Превкусно...»—«Что за

диво?—разсуждала Анята:—неужели онъ ровно ничего не замѣтилъ? и могла ли до такой степени дойти его ученая, по отъ міра сего, простота? Что же? весьма возможно; онъ, по его мнѣнію, поймалъ ученика въ лѣнности, да ласкою, косвенно и коритъ его за то, что тотъ, убоясь его упрековъ за перадѣіе, спрятался подъ диванъ».—А тѣмъ временемъ, какъ Анята это думала, Романъ Романычъ разспрашивалъ Сверчкова о его родителяхъ и узналъ, что они померли и что онъ живетъ у тетки, вдовы аптекаря.—«Она и теперь содержитъ мужнину аптеку?» спросилъ онъ.—«Такъ точно».—«И хорошо идутъ ей дѣла?»—«Изрядно».—Допивши кофе, Митя всталъ, вѣжливо поблагодарилъ за угощеніе, взялъ шляпку и сумку, и сталъ откланиваться.—«А ты, Ашенька?—обратился Романъ Романычъ къ женѣ:—что не берешь также своей шляпки и мантильи?»—«Зачѣмъ?» удивилась та.—«Какъ зачѣмъ?—отвѣтилъ Романъ Романычъ:—теперь ужъ не я тебѣ мужъ, а вотъ онъ... Вы любите другъ друга, будьте же счастливы и неразлучны. Извольте, молодой человекъ, взять подъ руку Аниу Львовну и шествуйте во-своиса...»—Анята помертвѣла, не могла слова проговорить.—«Да, мои милые, да, други сердечные!»—продолжалъ Романъ Романычъ:—я сдѣлалъ въ жизни одну великую глупость, не послушалъ глѣхъ почтенныхъ особъ, кои мнѣ перечили и предрекали то, что случилось, и ужъ болѣе, разумѣется, я того не повторю!»—Ашенька залилась слезами. Митя уналъ на колѣни и сталъ молить о прощеніи.—«Да что же вы, дорогие мои, кааетесь?»—сказалъ Романъ Романычъ:—вы только открыли мнѣ глаза, и я вамъ за то крайне благодаренъ. Здѣсь законъ природы, его же не преидени, и провидѣнія черствъ! Повторяю, не смущайтесь: облегчите мою душу, живите счастливо, и да благословитъ васъ Господь!»—Сверчковъ поднялъ на Аняту свои большіе, плѣшительные глаза. Ашенька растерянно взглянула на него. Они поняли, что дѣлать болѣе нечего, взялись подъ руки, да потихоньку и ушли..

Аня Петровна смолкла; молчали и ея слушатели.

— Что же было потомъ?—рѣшился спросить предводитель.

Аня Петровна закрыла глаза, какъ бы собиравсь съ мыслями. Такъ она пребыла съ минуту.

— Давняя исторія, — сказала она, — и тѣмъ собственно, если хотите, дѣло и кончилось... Романъ Романычъ, сгоряча

покоячивъ все, сперва было какъ бы пошатнулся духомъ, никуда не показывался, не ходилъ на лекціи и по цѣлымъ днямъ молча смотрѣлъ изъ кабинета въ окно, либо открывалъ книжный шкапъ и медленно перелистывалъ какую-нибудь книгу, ничего въ ней не понимая. Потомъ, однако, онъ успокоился и возвратился къ обычнымъ своимъ занятіямъ. Ашенька поселилась сперва у Митиной тетки, такъ какъ ко мнѣ она уже не рѣшалась болѣе обращаться. Когда же Романъ Романычъ, перейдя въ другой университетъ, получилъ тамъ каѳедру профессора, онъ далъ Анютѣ разводъ и она обвинчалась со Сверчковымъ. Дѣло, если по судить, обыкновенное и не особенно мудреное. Такъ не разъ бывало на свѣтѣ и всегда будетъ. Но, вотъ чтò, по-истинѣ, дивно... Романъ Романычъ впоследствии узналъ, Митя не только не бросилъ науки, но, кончивъ курсъ университета, выдержалъ экзамень на магистра, а потомъ и на доктора. Тутъ уже Романъ Романычъ не утерпѣлъ и написалъ ему письмо.—«Вы, какъ и слѣдовало ожидать,—выразился онъ ему,—преуспѣваете въ наукахъ; я же, сообщу вамъ, совсѣмъ состарился и отъ занятія микроскопомъ терю зрѣніе... Для новаго вина нужны и новые мѣха. Прѣзжайте, дорогой мой, да не одни, а съ женою, вашею супругой, и съ дѣтками. Порадуйте, дайте взглянуть на васъ всѣхъ. Будемъ вмѣстѣ хлопотать у начальства. Я вамъ уступилъ лучшее мое сокровище въ жизни—жену; охотно достойному уступлю и мою каѳедру, которую, ахъ, я люблю не менѣе, чѣмъ любилъ свою жену!»

— И онъ это исполнилъ?—спросили съ удивленіемъ полковникъ и предводитель.

— Истинный и тонкій былъ философъ!—заклѣпла прабабушка:—нынѣ мало такихъ людей! все какіе-то самопадѣянные и, простите, легкомысленные... А онъ, какъ сказалъ, такъ, представьте, все и совершилъ!

1887 г.

IV.

ДѢДОВЪ ЛѢСЪ.

Мой дѣдъ Иванъ Васильевичъ Данилевскій посѣялъ... тысячу десятинъ лѣса.

Не правда ли, какъ это странно слышать въ нашъ, по

преимуществу «лѣсонстребительный вѣкъ?» Вспомнимъ скигание лѣсовъ желѣзными дорогами и пароходами, которыхъ по одной Волгѣ ходитъ болѣе пятисотъ; вспомнимъ рубку «березокъ» по всей Россіи въ Троицынъ день.

Люди предпримчивые, люди съ сильной волей и дѣловымъ умѣньемъ, при всякихъ новѣйшихъ приспособленіяхъ, съ паровыми плугами, рядовыми сѣялками и при своихъ и акціонерныхъ капиталахъ, — стали бы въ затрудненіе передъ задачей—посѣять и вырастить тысячу лѣсныхъ десятинъ.

Много и въ послѣдніе годы толковали о «лѣсоразведеніи», «древонасажденіи» и «обводненіи» южныхъ степей. Ученые геологи и ботаники, по древеснымъ остаткамъ въ курганахъ и на днѣ рѣкъ и озеръ, доказывали, что—нынѣ пустынные, лишенные рощъ и дубравъ—Украина и Новороссіи въ незапамятныя времена были покрыты лѣсными породами, гдѣ заброшенный въ степи путникъ могъ находить убѣжище отъ непогоды. Писались доклады, вызовы, проскты и уставы; командировались свѣдующіе чиновники и лѣсники; составлялись общества и продавались пая. Но ни «лѣсоразведенія» и «древонасажденія», ни «обводненія» степей до сихъ поръ не оказалось и слѣда. А въ глубинѣ слободской Украины, въ Зміевскомъ небогатомъ селѣ Пришибѣ, проживалъ незнаемый свѣтомъ хуторянинъ, мой дѣдъ, который семьдесятъ пять лѣтъ назадъ, безъ машинъ, безъ своихъ и чужихъ вспомогательныхъ капиталовъ, взялъ да и засѣялъ лѣсомъ тысячу десятинъ никуда негодныхъ, песчаныхъ земель на Долицѣ.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ официальные, печатные источники, такъ и семейная, устная старина.

Во-первыхъ—свидѣтельства официальные.

Въ рѣчи извѣстнаго харьковскаго ученаго профессора ботаники, В. М. Черняева — «О разведеніи украинскихъ лѣсовъ», изданной въ 1857 году, сказано слѣдующее: «Починный профессоръ ботаники, незабвенный мой наставникъ, Ф. А. Делавинъ, въ 1817 году, въ рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи харьковскаго университета, упоминаетъ объ одномъ замѣчательномъ случаѣ удачнаго лѣсоразведенія на сыпучихъ пескахъ.

— «Я знаю,—говоритъ онъ,—одного помѣщика, скромность котораго заставляетъ меня умолчать о его имени.

Когда я проѣзжалъ по его землямъ, лѣтъ 15 тому назадъ (1802 г.),—я нашелъ песчаную равнину, десятишь въ пятьсотъ. Но какъ я удивился, увидѣвъ недавно ту же равнину, превращенную въ прекрасный сосновый лѣсъ! Ахъ, почему такихъ людей немного? Почему имя сего мужа не достигло подножія трона?

— «Въ 1844 году,—продолжаетъ профессоръ В. М. Черняевъ,—имѣлъ я удовольствіе видѣть уже не пятьсотъ десятишь, а болѣе тысячи, и быть въ домѣ, построенномъ дѣтьми изъ лѣса, который за полвѣка посѣялъ ихъ отцомъ. Черезъ ходатайство начальника губерніи, Иванъ Яковлевичъ Данилевскій, помѣщикъ Зміевского уѣзда, награжденъ, за столь благодѣтельный и поучительный примѣръ, орденомъ св. Владиміра».

Такъ говорятъ оффиціальныя печатныя данныя; такъ свидѣлствуютъ почтенные профессора. И сообщеніе ихъ въ точности вѣрно: сѣятель зміевского лѣса былъ, дѣйствительно, примѣрной скромности человекъ. Какъ все люди, чѣмъ-нибудь истинно послужившіе родной землѣ, оны и умерь, не подозрѣвая, что совершили какой-либо подвигъ и этимъ были кому-нибудь полезны.

Мой дѣдъ, какъ свидѣлствуетъ его формулярный списокъ, родился въ 1769 году. Въ 1791 г., съ небольшимъ двадцати лѣтъ, зачисленный въ службу лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ, оны въ теченіе пяти лѣтъ были произведенъ въ фурыеры, подиралоричики, каптенармусы и сержанты гвардіи, а въ 1796 году, незадолго до смерти императрицы Екатерины, уволенъ, по прошенію, въ отставку. Надо, впрочемъ, пояснить, что какъ это поступленіе въ полкъ, такъ и прохожденіе въ немъ службы, равно и полученіе чиновъ, по тогдашнимъ обычаямъ, совершились при постоянномъ и полномъ отсутствіи служившаго изъ полка.

Мой дѣдъ никогда не былъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, и не видѣлъ въ глаза не только гвардіи, но и своего преображенскаго полка.

Формулярный списокъ прибавляетъ, что въ 1804 году Иванъ Яковлевичъ исполнялъ, по выборамъ дворянства, должность зміевского «комиссара для сбора денегъ, пожертвованныхъ дворянами съ ихъ имѣній на учрежденіе харьковскаго университета». Не будетъ лишнимъ вспомнить

илибшнему молодому поколѣнію южныхъ землевладѣльцевъ, что наши дѣды на этотъ предметъ пожертвовали и до копейки собрали въ тѣ годы болѣе полумилліона рублей.

Въ 1819 году послѣдовало награжденіе Ивана Яковлевича орденомъ св. Владимира, какъ сказано о томъ въ грамотѣ, «за отличныя труды и усердіе, къ общей пользѣ оказанныя, въ разведеніи лѣса на пустыхъ, песчаныхъ мѣстахъ».

Избранный старостой имъ построенной въ 1810 году, въ роловомъ селѣ, каменной церкви, мой дѣдъ несъ эту обязанность до конца жизни.

Онъ умеръ шестидесяти-четырехъ лѣтъ, въ 1833 году, среди посѣяннаго имъ лѣса, въ небольшомъ, въ три комнаты, домикѣ, у Курбатовскаго ключевого пруда.

Официальныя и писемныя данныя на этомъ кончаются. Устная семейная старина щедрѣе...

Отецъ Ивана Яковлевича воспитывался въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ былъ соученикомъ извѣстнаго, по Шлессельбургской катастрофѣ, Мировича. Служа въ пѣхотѣ, онъ женился на дочери выборгскаго коменданта, Плотниковой, занимавшей въ то время должность камермедхенъ при дворѣ императрицы Екатерины. Угрюмый мистикъ и масонъ, отецъ Ивана Яковлевича умеръ отъ чахотки, когда сыну исполнилось восемнадцать лѣтъ. Сыкъ получилъ домашнее воспитаніе.

Любимецъ и единственная отрада матери, Иванъ Яковлевичъ, со дня своего рожденія и по ея кончину, въ теченіе почти шестидесяти лѣтъ, не разлучался съ родительницею. Въ его дѣтствѣ она его няньчила и сама учила не только грамотѣ, но и верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ изъ ружья. Подъ ея руководствомъ онъ сталъ хозяйничать, съ ея же выбора и согласія, въ послѣднемъ году прошлаго столѣтія, женился.

Новый, XIX-й, вѣкъ засталъ Ивана Яковлевича на тридцать первомъ году жизни. Прекрасно образованная и даже, какъ тогда говорили о ея пансіонскомъ воспитаніи, «ученая» — его жена, моя бабка, Анна Васильевна была изъ семьи Рославлевыхъ, стяжавшихъ громкую извѣстность своимъ пособіемъ при возведеніи императрицы Екатерины Второй на престолѣ. Живая, чувствительная и подвижного нрава, Анна Васильевна съ трудомъ выносила застѣчивый,

тяжелый на подъемъ и перъбнительный нравъ мужа. Воля доброй, умной свекрови въ этой сомъб была законъ. Робкій и мнительный съ посторонними, съ дѣтства замкнутый, бука и домосѣдъ, Иванъ Яковлевичъ до женитьбы увлекался лишь двумя предметами—охотой и музыкой. Хозяйствомъ онъ занимался мало. Имъбнемъ завѣдывали, подъ надзоромъ матери, приказчики. А какъ они занимались хозяйствомъ, можно было видѣть въ концѣ села, у кабака, особенно въ праздники, когда одного изъ нихъ оттуда вель въ хату кумъ, а другого провожала смазливая дочка, крестница матери Ивана Яковлевича.

Днемъ Иванъ Яковлевичъ бродилъ по стени и по Донцу съ ружьемъ; по вечерамъ тѣшилъ матушку игрою на скрипкѣ или на клавишинахъ! Тѣхъ же обычаевъ онъ вздумалъ держаться и ставъ молодоженомъ.

Анна Васильевна терпѣла-терпѣла деревенскую скуку и рѣшилась, наконецъ, ласково и стороной намегнуть мужу о губернскомъ городѣ Харьковѣ: что тамъ, дескать, всякія веселости, театры, выѣзды, танцевальные вечера.

Долго,—почуявъ, въ чемъ дѣло,—кряхтѣлъ и робко улыбался молодой, неподатливый и неповоротливый мужъ. Не хотѣлось ему оставить деревенскаго теплаго угла, нажитыхъ привычекъ, охоты съ любимымъ ружьемъ «калиновкой», бесѣды съ матерью и стеганнаго на ватѣ, мягкаго шелковаго архалука. Да и сидѣла въ немъ, съ недавнихъ норъ, какая-то внутренняя смутная дума. Онъ все охалъ, брался за грудь и бока, жаловался на нездоровье. Жена незамѣтно, однако, пересилила.

Потолковавъ съ «сударыней-матушкой» и продавъ сосѣднимъ купцамъ кое-какіе сельскіе запасы, Иванъ Яковлевичъ рѣшилъ провести часть зимы 1801 года въ Харьковѣ. Онъ послалъ нанять квартиру у тамошняго своего знакома, доктора Вырубова; но медлил и медлил съ отъѣздомъ, или, какъ бабушка думала о томъ впоследствии, «мямлилъ-мямлилъ» и отправился туда ужъ на рождественскихъ святкахъ, въ февралѣ.

— Вы довольны, зѣльхень!—спросилъ дѣдъ, такъ называвшій въ кѣжные часы жену.

— Какъ же, герцхонъ, не довольна!.. Увидимъ свѣтъ, освѣжмся...

Побывали молодожены у городскихъ властей и у губерни-

скаго предводителя; выстояли архіерейскую службу въ монастырѣ; посѣтили театръ и какую-то панораму, обжились, устроились и сами стали принимать знакомцевъ и родныхъ.

Иванъ Яковлевичъ справилъ себѣ модный нарядъ; сталъ выѣзжать въ голубомъ фракѣ, съ бронзовыми пуговицами, и въ крахмаленномъ жабо; но часто шептался съ докторомъ, квартирнымъ хозяиномъ. Зная мнительность некрѣпкаго здоровьемъ мужа, Анна Васильевна все собиралась спросить Вырубова, въ чемъ дѣло, и стѣснялась, какъ бы не огорчить этимъ мужа. Харьковъ, между тѣмъ, огласился печальнымъ событіемъ.

Въ началѣ великаго поста прихожане старой Вознесенской церкви, слышавъ звонъ понамаря, стали собираться къ заутренѣ. Дѣвъ старухи замѣтили на стѣнѣ деревянной колокольной бумажку, прибитую у входа на паперть. Одна изъ старухъ, грамотная кунчиха Слатина, сосѣдка по квартирѣ дѣда, предполагая, что это было призваніе къ пожертвованію, стала вслухъ читать написанное... Бумага оказалась острымъ и сильно дерзкимъ насквилемъ на одно высокое лицо.

Вознесенскій протопопъ, отецъ Василій Фотіевъ, проходя мимо къ службѣ, взглянулъ на «бунтовскую грамотку», сорвалъ ее и тотчасъ заявилъ о ней полиціи. Въ тотъ же день онъ былъ отрѣшенъ отъ должности и взятъ подъ арестъ. Старуху Слатину къ ночи умчали съ фельдъегеремъ въ Петербургъ. И хотя всѣ знали, что ни Фотіевъ, ни Слатина, какъ ни въ чемъ здѣсь неповинные, будутъ, по всей вѣроятности, вскорѣ освобождены, тѣмъ не менѣе, всѣмъ горюдомъ овладѣла паника.

А тутъ еще какой-то проѣзжій изъ столицы чиновникъ сообщилъ новое извѣстіе, въ особенности поразившее моего дѣда. Завернувъ по пути къ приятелю архимандриту, этотъ петербургскій житель подъ секретомъ рассказалъ, что однофамилецъ и дальній родичъ моего дѣда, тоже Иванъ Данилевскій, былъ въ ту зиму схваченъ полиціей гдѣ-то въ курской или пензенской губерніи и такъ же, какъ Слатина, отвозенъ въ Петербургъ.

Разсказчикъ, впрочемъ, прибавилъ, что арестъ для этого обвиняемаго окончился благополучно. Когда арестанта ввели въ кабинетъ императора Павла, государь съ негодовавшимъ

показалъ ему какой-то рисунокъ со стихами и спросилъ: «Это ты меня изобразилъ въ такомъ привлекательномъ видѣ?»—Государь!—проговорилъ черезъ силу, упавъ на колѣни, арестованный: —я не только пашквилей на обожаемыхъ моихъ монарховъ, но даже и писемъ къ роднымъ дѣтиямъ писать не могу... третій годъ рука въ параличѣ»...

Было произведено новое дознаніе; настоящій виновникъ дерзкой сатиры былъ найденъ и уличенъ. Ивану Данилевскому императоръ Павелъ, по словамъ рассказчика, пожаловалъ, за напрасныя тревоги и страхъ, дорогій перстень, далъ мѣсто въ ассигнаціонномъ банкѣ, на поправку разстроенныхъ дѣлъ записалъ ему обширную вотчину и, наконецъ, по просьбѣ оправданнаго, въ память этого событія съ нимъ въ Михайловскомъ дворцѣ, гдѣ тогда жилъ государь Павелъ Петровичъ, прибавилъ къ его фамиліи слово—«Михайловскій». Съ той поры и стали на Руси Михайловскіе-Данилевскіе.

Анна Васильевна всячески старалась успокоить мужа, встревоженнаго этимъ рассказомъ.

— Ну, видите, видите,—говорила она:—какой добрый и справедливый монархъ!..—Не права ли я? Не только наградилъ невинно-подозрѣваемаго, но еще передъ нимъ на разводѣ принесъ извиненіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо уѣзжать!—твердилъ дѣдъ: —и тотъ Иванъ, и я Иванъ, и оба Данилевскіе. Мало ли что можетъ произойти... Подальше отъ города,—болѣе спасенія и тишины.

— Но что же произойдетъ?

— А вонъ, квартальный поручикъ вчера пять разъ за день мимо насъ прошелъ и все поглядывалъ на окна... Вѣрь, что ужъ не даромъ...

— Да его квартира здѣсь на улицѣ.

— А зачѣмъ на наши окна смотрѣлъ?

Въ Харьковѣ, незадолго передъ тѣмъ, прѣѣхалъ извѣстный фокусникъ Манчини. Онъ пустилъ афиши, въ которыхъ извѣщалъ, что публика увидитъ у него отменно-дивныя вещи: ращеніе въ четверть часа изъ сѣмянъ цвѣтущихъ розъ, глотаніе зажженной пакли и оживленіе обезглавленныхъ передъ зрителями голубей. Городъ сѣшилъ въ заманчивый балаганъ.

— Собирайся, сейчасъ ѣдемъ!—сказалъ Иванъ Яковле-

вичъ, торопливо, съ блѣднымъ лицомъ, входя къ женѣ съ утренней прогулки.

— Къ Манчини? развѣ сегодня?

— Нѣтъ, сударыня,—въ деревню, домой...

— Какъ? что случилось? А ты же обѣцать завтра съ Вырубовыми къ фокуснику?..

— Не до заморскихъ пынче штукъ,—мрачно отвѣтилъ дѣдъ:—слышала, мой другъ, что грозитъ Харьковъ? Представь,—прибавилъ онъ съ боязливою оглядкой:—присланы, говорятъ, секретный приказъ... Если въ трое сутокъ не найдутъ виновника вывѣшенной у колокольна сатиры, то въ Харьковъ войдетъ чугуевскій казачій полкъ и подождетъ съ конца въ конецъ всѣ улицы; и когда городъ сгоритъ, его мѣсто спашутъ, засѣютъ, и поставятъ у дороги столбъ съ надписью: «Здѣсь былъ городъ Харьковъ».

— Что вы, что вы, Иванъ Яковлевичъ! всякому слуху вѣрите!—возразила, сама поблѣднѣвъ, Анна Васильевна:—помните мое слово, никакихъ подобныхъ вандализмъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ быть не можетъ... Сколько разъ я вамъ говорила, по поводу такихъ политическихъ перекуды, что все это—бабскія выдумки! будемъ надѣяться на Бога; а нашъ Харьковъ, вѣрите, останется цѣлъ и невредимъ.

Слова нѣжной, любящей, вѣрившей въ «просвѣщеніе вѣка» бабушки, на самомъ дѣлѣ, оправдались.

Утромъ слѣдующаго дня, когда архіерей, губернаторъ и прочія высшія городскія власти выходили отъ вечерни изъ собора,—къ имперти подскакалъ въ волчьей шубѣ, засыпанный сѣнгомъ, фельдъегерь. Онъ, еще стоя въ бѣшенно-мчавшихся саняхъ, скинулъ шапку и, ею махая, крикнулъ охрипшимъ голосомъ: «Счастье имѣю поздравить съ восшествіемъ на престолъ императора Александра! царство небесное императору Павлу!»

Эта вѣсть съ быстротою молніи облетѣла Харьковъ.

— А все-таки, зельхенъ, уѣдемъ въ деревню!—сказалъ, выслушавъ новость, дѣдъ женѣ.

— Почему, гѣрихенъ? развѣ не видите, какъ, по моему предсказанію, все счастливо кончилось?—отвѣтила жена:—городъ ликуетъ; съ близкой пасхой будутъ новыя празднества, веселье, балы.

— Въ своемъ гнѣздѣ и веселѣе, и лучше!

— Но мы многимъ еще визитовъ, какъ слѣдуетъ, по

отплатили,—настаивала жена:—родные обидятся; у многих назначены вскорѣ вечера, а такую родней, герценька, какъ у васъ, не слѣдуетъ пренебрегать... Донецъ-Захаржевскіе, Краснокутскіе, Двигубскіе, князь Трубецкой, Милорадовичъ, Пестичи, графъ Петръ Михайлычъ Апраксинъ, Булацѣль-богачъ...

— Еще, сударыня, нѣтъ ли кого на примѣтъ? А я скажу,—рѣшилъ дѣдъ:—скушимъ, что надо, да скорѣй во-своися. Знаешь пословицы: своя хатка—родна матка... на своей печи все красное лѣто... Дома и стѣны помогаютъ; и мышь въ норку тащить корку... Вотъ и я, скажу вамъ, къ своей «калиновкѣ» приобрѣлъ нынче новый, съ пороховницей, ягдтанъ...

«Калиновка», долго хранившаяся въ нашей семьѣ, была любимымъ ружьемъ дѣда. Онъ изъ нея, по преданію, подѣ шестьдесятъ лѣтъ, не давалъ промаха по волкамъ и убивалъ на лету ласточекъ.

— А кстати,—прибавилъ дѣдъ женѣ:—поздравляю и съ новымъ егеремъ, Антишкой... Сегодня съ нимъ встрѣтился! Завзятый стрѣлокъ... И онъ поѣдетъ съ нами.

Новаго егеря Иванъ Яковлевичъ нанялъ случайно. Дѣдъ вошелъ въ польскую лавочку, гдѣ торговалъ приборъ на ружье. Здѣсь онъ увидѣлъ здороваго, сухопараго, сильно обвѣтреннаго и съ примороженнымъ носомъ верзилу, покуповавшего дробь и картечь на старенькую, перевязанную веревкой винтовку. Разговорились. Антишь оказался странствующимъ торговцемъ-охотникомъ.

— Откуда пришелъ?

— Изъ брянскихъ лѣсовъ.

— Какова тамъ охота?

— Другой нѣтъ на всемъ свѣтѣ.

Дѣдъ еще поговорилъ, осмотрѣлъ винтовку Антиша, спросилъ, какъ и у кого онъ охотился въ брянскихъ лѣсахъ, и предложилъ ему съѣздить съ собою за городъ, попробовать въ цѣль «калиновку».

— Вотъ такъ бисова говненька! хоть бы и коневому!—сказалъ Антишь, протирая глаза, когда дѣдъ на пробѣ всадилъ на сто шаговъ пулю въ пулю:—я бы съ такимъ ружьемъ жилъ, какъ съ жинкой, и ходилъ бы за нимъ, какъ за родною лѣтницей.

«Эге! Ковненька! и вспомнилъ коневого!—подумалъ, поко-

сясь на Антипа, дѣдъ, — персона, очевидно, не пустячная; ужь не изъ бывшихъ ли, шибѣ шатающихся по міру, славныхъ съчевиковъ?».

Антипъ Легкоступъ, дѣйствительно, былъ изъ закрытаго двадцать-пять лѣтъ передъ тѣмъ Запорожья. Гдѣ онъ былъ со времени намятнаго «руйнаванія сѣчи» — никто не зналъ. Уходилъ ли онъ съ прочимъ «товариствомъ» въ Туретчину, да соскучился и самъ возвратился, или первое время прятался гдѣ-нибудь въ глухихъ стенахъ, да по морскимъ рыболовнымъ въ Новороссіи, — преданіе о томъ умалчиваетъ. Въ послѣднія же семь-шесть лѣтъ Антипъ шлялся, стрѣляя и сбывая дичь помѣщикамъ и въ города, по бѣлгородскимъ и брянскимъ лѣсамъ. Пріѣхавъ въ нашъ Пріинію съ обозомъ дѣда, онъ прожилъ у него около десяти лѣтъ, нечаяя, впрочемъ, по временамъ, на годъ и болѣе.

— Куда же ты, Антипъ? — спрашивалъ его въ такихъ случаяхъ дѣдъ.

— А къ морю, пѣне, въ Тилигуль... Появилась птица отайка и птица-усдѣй.

— Да не брешешь ли ты? — говорилъ дѣдъ: — что это за отайка и усдѣй? никто про такихъ птицъ не слыхивалъ; а въ Тилигуль вашъ братъ вѣчно шель, когда было скучно и хотѣлось просто уйти на всѣ четыре стороны...

— Ни, пѣне, ей-же то Богу, — до моря, въ Тилигуль, — отвѣчала, собираясь въ дорогу, Антипъ: — такая птица явилась, нельзя...

Дѣдъ оказывалъ полное довѣріе новому егерю, поручилъ ему всѣ свои ружья и весь охотничій арсеналь. Антипъ проживалъ въ саду, въ пустой банѣ. Иванъ Яковлевичъ почасту его навѣщалъ.

— Что вы все шепчетесь съ лѣкаремъ? — спросила какъ-то бабушка мужа, когда они вновь обжились въ селѣ и къ нимъ стали наѣзжать въ гости сосѣдній полковой врачъ.

— То такое, — отвѣтилъ таинственно и растерянно дѣдъ: — что вамъ, Анна Васильевна, какъ дамѣ, можетъ, и не подъ силу. Не женскаго резона матерія, извините... Когда-нибудь и скажу... А впрочемъ, можетъ-быть, и пустяки.

Бабушка была довольна новою утѣхою мужа. Съ Антипомъ дѣдъ охотился какъ у себя, такъ и въ сосѣдскихъ поляхъ. Онъ узналъ его ближе, полюбилъ за сумрачный,

нѣсколько дикій, но прямой и стойкій нравъ, и сообщилъ ему нѣкій завѣтный, сладкій замыселъ, созрѣвннй на днѣ его робкой, несообщительной души. Это было во вторую весну пребыванія Антипа у дѣда, въ 1802 году.

— Знаешь ли, Антипъ, что я затѣялъ?—сказалъ однажды дѣдъ егерю:—и не только затѣялъ, твердо рѣшилъ, и хочу о томъ переговорить съ матушкой.

— Не знаю, папе; и какъ намъ можно знать все панскія мысли?

— Хочу у матушки проситься съ тобою въ отъѣзжее поле, въ брянскіе лѣса...

— Ну, и съ Богомъ, папе Иване! Тамъ такія мѣста, такія, и столько всякой дичи, — только помогай Богъ въ дорогу!..

— Да, помогай Богъ!—произнесъ, почесывая переносье, дѣдъ:—а какъ матушка не пустить?

— Да почему же?

— Потому, я все хворый, все мнѣ не по себѣ...

— А оттого, паночку, и не по себѣ, что много дома сидите. Вонъ и у меня, на что ноги, — лошадиныя, а ужъ мозоли стали сходить на ваннихъ, спасибо, хорошихъ хлѣбахъ...

— Ну, такъ я попытаюсь,—только ты, Антипъ, до времени молчи... Будень молчать?

— Буду.

Воспитаніе дѣда прошло подъ влияніемъ мѣстныхъ религиозныхъ и бытовыхъ преданій. Онъ росъ подъ кровомъ сельской, сказочной старины. Женскій міръ, совѣты, ласки и руководство любящей матери въ теченіе долгой ея жизни, положили на дѣда свой, нѣсколько фантастическій, отпечатокъ.

Въ то время не только въ поселянскихъ, но и въ дворянскихъ семьяхъ всецѣло царилъ особая космическія понятія о мірѣ, небѣ и землѣ.

Небо тогда неоспоримо еще считалось синей кровлей великановъ — «одноглазцевъ», бабы которыхъ на нее съ вечера кладутъ свои веретена и вальки. Облака — это студень, и его пробовать въ бурю какой-то пастухъ. Солнце — человекъ съ огненными волосами. Одинъ панъ заблудился на охотѣ, попалъ на небо, гдѣ солнце спитъ, и если-бъ не

вѣтеръ, губатый солищевъ братъ, этотъ панъ сгорѣлъ бы, какъ снопъ. Передъ концомъ свѣта солнце спустится къ землѣ и уже не зайдетъ; тогда загорятся озера, колодцы, и рѣки потекутъ краснымъ огнемъ. На лунѣ по почамъ — Адамовы сыновья, — Каинъ держитъ на виллахъ убитаго Авеля. Затменіе — это св. Юрій ставитъ на мѣсяцъ заслонку. На Срѣтеніе — встрѣча и борьба семейной жены, зимы, и гулящей дѣвки, лѣта. Звѣзды — свѣчи въ рукахъ ангеловъ, сидящихъ на ступеняхъ божьяго трона; и эти свѣчи — души людей: праведно живущихъ — яркія, грѣшниковъ — тускляя, мерцающія. Едва родится человекъ, Богъ зажигаетъ свѣчку и даетъ ее ангелу. Сколько звѣздъ, столько и людей; падучія — это души покойниковъ. Млечный путь — дорога въ Іерусалимъ. Громъ — архангелъ Михаилъ охотится съ ружьемъ на утокъ и прочую дичь. Роса — слезы великомученицы Варвары, которая ходитъ по топкимъ, засыхающимъ нивамъ и плачетъ о бѣдныхъ людяхъ. Радуга — ея коромысло, и по ней втягиваются въ тучи, кромѣ рѣчныхъ водъ, маленькія рыбки и лягушки, потомъ падающія на землю. Морозъ — дряхлый сѣдой старикъ, весь въ сосулькахъ. Вѣтеръ — Касьянъ вѣтродуй, мордатый, губатый и усатый, прикованный гдѣ-то къ сѣвиѣ. Проснется, шевельнется однимъ усомъ — вѣтеръ, другимъ — буря.

Тогда — въ дѣдово время — вѣрили, что волю, лошади и всякій скотъ, въ ночь подъ Рождество, говорятъ между собой по-человѣчьи; что летучая мышь стала съ крыльями оттого, что съѣла на Пасху «свищеннаго»; что чайка — неутѣнная вдова, ставшая игницей отъ непрерывнаго плача надъ могилой мужа, и что воробьи, за указаніе евреямъ воскреснаго Спасителя, до конца вѣка будутъ повторять свой предательскій крикъ: «живь, живь!»

Егеръ Антипъ внесъ немало новыхъ таинственныхъ преданій и откровеній въ умственную жизнь дѣда. Онъ даже помѣщеніе въ банѣ избралъ вслѣдствіе особыхъ соображеній. Жить на охотномъ дворѣ онъ не захотѣлъ.

— Со псами, пане, извините, нечисто! — сказалъ онъ: — боюсь не блохъ, а того, что бываютъ всякіе пси.

— Какіе же бываютъ пси?

— Душа иного человека за плохія дѣла переходитъ, по смерти, въ собаку, — отвѣчалъ егеръ: — оттого бываютъ «песьи-

головы» и «вовкулаки» — ихъ сразу и не различишь. — они ночью сердце сосутъ.

— Я вамъ, пане, найду и добуду «ремезево гнѣздо», — говорилъ одинъ разъ Антипъ, бродя въ камышахъ по Донцу и тамъ въ травѣ подглядывая птичьи сѣдала.

— Какое же это гнѣздо? — спросилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Отъ лихорадки лѣчить и отъ дурного глаза... Такая махонькая, тихая штулка есть; въ зелени ея и не видать.

Отъ подносимой чарки водки Легкоступъ отворачивался, увѣряя, что съ давней поры, по зароку, не пьетъ. Сельскій шинокъ онъ обходилъ какъ-то мрачно, окольными тропинками, говоря, что кто сидитъ за горѣлкой, тотъ не выкрикнетъ на приманку ни волка, ни лисицы. Поселяне дичились его и не щадили насмѣлками. Онъ отругивался отъ нихъ забористо и на особый ладъ. «Лярво ты, хляпитуро! — кричалъ онъ, выйди изъ себя: — чтобъ ты сдурѣлъ и вѣялся, какъ вѣтеръ! Чтобъ тебя позавертало! Чтобъ ты съ дымомъ пошелъ!..»

«Запорожець! какъ есть, запорожець! — думалъ дѣдъ, любуясь шагавшимъ по улицѣ, въ сермягѣ, на босу ногу стрѣлякомъ: — такъ ругались сѣчевики, наѣзжавшіе къ отцу въ былые годы».

Собираясь на охоту и ладя барину нужные принасы, Антипъ нагѣвлялъ одну и ту же заушывную, протяжную пѣсню, гдѣ слышались слова: Черное море, турки и братья сѣромахи, славные молодцы. Иногда же онъ ласково, пѣжно причитывалъ, будто молился: «Вы зѣри-зорницы, три сестрицы! займите тотъ кубокъ, что Иисусъ руки мылъ... Ночь темна, темница! замыкаешь ты церкви и хаты, монастыри и царски палаты... замкни звѣрю уши и глаза, чтобъ я пошелъ и не промахнулся».

На охотничьихъ привалахъ Антипъ безъ умолку рассказывалъ, что видѣлъ и слышалъ на своемъ вѣку.

— Я, пане, одинъ разъ сподобился встрѣтить святого Юрья, — повѣдалъ какъ-то Антипъ.

— Гдѣ-жъ ты его встрѣтилъ?

— Да тамъ же, куда собираетесь, въ тѣхъ лѣсахъ.

— Какъ же это было?

— Иду я вотъ съ этимъ самымъ мушкетомъ, — сказалъ Легкоступъ, бери ружье въ жилистыя, точно сверченныя изъ канатовъ руки: — ночь была темная, въ позднюю осень.

Поглядѣлъ, а вдали, въ гущину деревьевъ, перебѣгаютъ огоньки; точно кто со свѣчами ходилъ и чего-нибудь искать по травѣ. Я прилежъ въ кусты, выждалъ; вижу, св. Юрій идетъ, — какъ есть, въ лагахъ, въ желѣзной шанкѣ и съ большущимъ самоналомъ черезъ плечо; а за нимъ понурия морды и махая хвостами, — веренища волковъ... ихъ-то глаза и свѣтлнсь...

— Да какъ это за Юріемъ волки?

— Онъ волчій пастухъ, — отвѣтилъ Антиць.

— Своими глазами видѣлъ?

— Своими.

— Да, любопытны ваши брянскіе лѣса, и я, что задумалъ — сдѣлаю, — сказалъ, прохаживаясь по банной горенкѣ, дѣдъ.

— Много дивъ, еще больше дичи, — произнесъ Легкоступъ: — только знайте, пане Иване, вся она заговорена. Много тамъ чертей...

— Откуда же они, когда тамъ святой Юрій?

— То не его дѣло. А извѣстно — лѣсъ, въ ковчѣнныхъ дебри; опять же воздухъ свободный; ну, всякая нечисть и водится, — лѣсовики, овражники, болотняники, камышиники; гдѣ какой изъ чертей захочетъ, тамъ собѣ и живетъ; есть и лѣсныя бабы, — полнолуницы, что звѣзды крадутъ; есть дѣвки щекотницы, — попадешься къ нимъ, защекочутъ до смерти. Эхъ, пане, вотъ бы сюда, на Донецъ, да такіе дремучіе лѣса!..

— Я и самъ давно думаю, — отвѣтилъ Иванъ Яковлевичъ; — засѣять бы, въ самомъ дѣлѣ, вотъ хоть всѣ эти песчаные кучугуры, да бугры...

— То-то птушекъ бы прибыло! — обрадовался Антиць: — дикіе голуби-вытютни, сѣйки, сѣрый и черный дроздъ, вальдшнепы, шиаки.

— Я полагаю, съ лѣсомъ завелись бы и всякія лѣсныя травы! — произнесъ дѣдъ, какъ-то раздумчиво, загадочно и несмѣло взглядывая на егеря.

— Еще-бы! — продолжалъ Легкоступъ: — въ тѣши выползеть тебѣ не только всякая подземная былинка, всякій божій злакъ, а покажется, пожалуй, и «дѣдъ-моркунъ».

— Это кто? — спросилъ, поднявъ брови, Иванъ Яковлевичъ.

— Кладъ такой... Иной, пане, кладъ выбѣжить и катится ночью по дорогѣ бѣлою овцою или чернымъ лохма-

тымъ пѣтухомъ; его и не узнаешь. А другой вышелъ и станетъ въ кустахъ старымъ, засморканнымъ нищимъ; въ дерюгѣ, съ котомкой и съ клюкой; горбатый онъ, поганый, ну—плюнуть; а кто ему утретъ, извините, сонли—глядь и разсыплется золотомъ. Разныя дива бываютъ. Опять-же, пане, слышно, что при концѣ вѣка такіе будутъ махонькіе люди, что дюжина ихъ въ печкѣ станетъ горохъ молотить...

— Ну, то при концѣ свѣта, — перебилъ Иванъ Яковлевичъ. — А скажи ты мнѣ лучше, Антипъ, вотъ чтѣ... Есть тамъ въ лѣсахъ, гдѣ ты былъ... жабникъ, жабья трава? А кое-гдѣ зовутъ ее также чистотѣломъ, и отъ нея, какъ сказываютъ очищается тѣло человѣка... Есть такая трава? Ты ее видѣлъ?

— Жабникъ? какъ не быть!—отвѣтилъ Легкоступъ:—всякая трава, пане Иване, вырастетъ подъ деревомъ, абы лѣсъ былъ... А ужъ лѣса тамъ, говорю вамъ, вотъ лѣса! Безъ начала и конца...

Задумался дѣдъ пуще прежняго и окончательно рѣшилъ не откладывать дѣла.

Наступилъ 1802 годъ. Весной въ этомъ году у Ивана Яковлевича родился сынъ Петръ, мой отецъ. По совѣту своей матери, дѣдъ ѣздилъ въ мартѣ на богомолье въ Святгорскій монастырь, гдѣ служилъ молебенъ о здравіи родильницы и новорожденного. Возвратясь оттуда, Иванъ Яковлевичъ передалъ матери просьбу отпустить его на богомолье въ Вѣлгородъ, а кстати и поохотиться въ Брянскій уѣздъ.

— Съ кѣмъ же я отпускаю васъ, Иванъ Яковлевичъ, въ столь дальній вояжъ?—сказала за вечернимъ чаемъ на балконѣ, въ кругу цвѣтущихъ яблонь, Анна Петровна:—кучеръ Яшка мнѣ нуженъ, для поѣздокъ въ поле и къ знакомцамъ; кучеръ Сашка для ваней жены, — на случай послать за докторомъ или за чѣмъ-нибудь.

— Я, матушка, поѣхалъ бы съ егеремъ Антипомъ, — сказалъ не смѣло сынъ:—мы бы запрягли кибитку, онъ правиль бы тройкой, и мы благополучно сдѣлаемъ этотъ вояжъ.

— А какъ вы подстрѣлите себя, Иванушка, на охотѣ?—возразила, слѣдуя давнему обычаю, Анна Петровна тридцати-трехъ-лѣтнему сыну.

— Не подстрѣлю, матушка, — отвѣтилъ, цѣлуя руку матери, сынъ:—ружье въ пути у меня никогда не заряжено.

— Отпустите его, ма bonne mère, — произнесла сидѣвшая здѣсь же, на балконѣ, еще блѣдная, бабушка Анна Васильевна: — онъ зимой почти не охотился, а теперь такая дивная погода... вся въ цвѣту, и какъ тепло.

Прабабка оправила на себѣ бѣлый, въ кружевахъ, высокій чепецъ, строго взглянула на вечерѣющее, тихое небо, на освѣщенные верхушки османныхъ цвѣтомъ яблонь, и грустнѣ, и сказала со вздохомъ:

— Будете въ Бѣгородѣ, — тамъ у обители, гдѣ покоятся мощи преосвященнаго Иосафа, знатный садъ — добудьте мнѣ саженцевъ яблони «добрый крестьянинъ». Плоды съ нея отмытые, и ихъ очень выхвалялъ покойный бригадиръ Пашковъ...

Сердце дѣда радостно забилось. Всякій разъ, — а это было не такъ часто, — когда прабабка вспоминала бригадира Пашкова, въ дальней завитной молодости въ нее влюбленнаго, — все шло, какъ по писанному, на ладъ. Поѣздка въ Бѣгородъ и далѣе была рѣшена.

Стоялъ ясный, безвѣтренный апрѣль. Рогожная кибитка, нагруженная всякой всячиной, двинулась по «чернотропу» въ путь. Антипъ возсѣдалъ на козлахъ. Дѣдъ, въ стеганомъ, шелковомъ архалукѣ и въ лицевой шубкѣ, сидѣлъ среди ружей и складней съ провизіей въ кибиткѣ.

Пообывали въ Бѣгородѣ, отстояли въ монастырѣ службу, приторговали и отпавили на особой, нанятой подводѣ саженцевъ «добраго крестьянина» изъ Иосафовой обители, и выѣхали на дорогу къ Брянску.

Бесѣда въ пути не прерывалась. Идутъ лошади шагомъ на мѣловую гору, — Легкоступъ рассказываетъ о лѣсахъ; идутъ подъ гору, — дѣдъ опять его осмыкаетъ разсиросами.

— Ты говорилъ, Антипъ, что въ брянскихъ лѣсахъ не всегда было спокойно?

— Теперь тихо, а въ старые годы ихъ обходили далеко.

— Чтò-жъ тамъ было прежде?

— Въ нихъ, паде, жилъ въ старину соловей-разбойникъ, да его побѣдилъ Илья Муромецъ.

— Какъ же онъ его побѣдилъ?

— Прослышалъ о чудницѣ и поѣхалъ по топкимъ болотамъ, трясинамъ и по калиновымъ мостамъ, въ самую гушницу, гдѣ на двѣнадцати дубахъ сидѣлъ гнѣздомъ этотъ

самый разбойникъ. Не пропускалъ соловейко ни коняго, ни пѣнаго—убивалъ всѣхъ нановаль, и не оружіемъ, а молодецкимъ, разбойнымъ посвистомъ... Завидѣлъ соловейко Илью, засвистѣлъ,—пыль столбомъ поднялась, и посыпались ворохомъ сбитые свистомъ листья и сучья съ деревь... Да загудѣла каленà-стрѣла, разбойникъ съ дуба повалился...

Въ такихъ разсказахъ степняки проѣхали нѣсколько сутокъ, миновали песчанья побережья только-что опавшей отъ половодья Десны и приблизились къ сплошнымъ сосновымъ и чернымъ раменнымъ нущамъ, простиравшимся въ то время близъ Брянска, по окраинамъ Орловской губерніи.

Усталость одолѣла дѣда. Онъ уже не выглядывалъ изъ кибитки и крѣпко спалъ, когда ночью колеса застучали и запрыгали по кряковистымъ сосновымъ кореньямъ, выступавшимъ на пути изъ песчаныхъ бугровъ. Легкоступъ привезъ барина въ сторожку давняго своего пріятеля, — тоже охотника-лѣсника, богатаго пѣлбинскаго «смолокура» Надвина. Дѣдъ отказался отъ закуски, легъ на сѣно и проспалъ, какъ убитый, до утра.

Выйдя утромъ изъ сторожки, стоявшей у озера, надъ холмомъ, дѣдъ не взвидѣлъ свѣта отъ радости. Громадныя, двухсотъ-и-трехсотлѣтнія сосны, ели, дубъ, ольха, береза и клѣнъ простирали свои вершины надъ темнымъ, суглинистымъ и сунесчанымъ доломъ. У озера ладилась баржа для сплава лѣса. За озеромъ дымилась черныя, закоптѣлыя смолокурни.

А когда степняки дѣдъ и Антигъ, подкрѣпившись пицей у лѣсника, двинулись налегкѣ, съ ружьями, въ чащу стараго болотнаго бора, когда ихъ встрѣтили и оглушили всякіе итчибы свисты, стоны и крики, и дѣдъ, звонко стрѣляя изъ длинной «калиновки», наполнилъ дичью свой ягтангъ, потомъ торбу Легкоступа и привѣсилъ еще къ своему и его поясамъ нѣсколько десятковъ сызыхъ вытютней, носатыхъ вальдшнеповъ, утокъ и дроздовъ,—по пути къ сторожкѣ дѣдъ остановился. Восхищенный мощью и роскошью лѣса, обиліемъ и запахомъ древесныхъ породъ, о которыхъ въ обнаженной, пустынной степи не имѣють и понятія, дѣдъ скинулъ шапку, отеръ разгорѣвшійся лобъ и лицо и, глядя на окружающую его лѣсную чащу, сказалъ Легкоступу:

— Антигъ, знаешь ли ты, что были въ древнемъ Египтѣ дари-фараоны; а у насъ императоръ, Великій Петръ?

— О Петръ — какъ не слышать, а о фараонахъ читають въ святыхъ книгахъ.

— Ну, Антипъ, фараоны соорудили среди сыпучихъ песковъ пирамиды, а царь Петръ выстроилъ на невскихъ тризнахъ столицу Петербургъ. Тысячи конныхъ и пѣшихъ работниковъ трудились по ихъ волѣ надъ этимъ. Вотъ бы намъ съ тобой... поѣхать на Донцѣ такой лѣсъ...

— Намъ, пане, и не нужно такого дорогого конта.

— Какъ не нужно?

— Дайте мнѣ, пане, только подводу, да выпросите у сударины-матушки десятокъ плуговъ, и я вамъ лѣсъ поѣбу.

— Шутинь? — сказалъ дѣдъ.

— Не шучу, тогда повидите сами! Только надъ плугами чтобъ былъ не приказный Касьянъ Криворучка, — лярво, хляпштура ему, сучему, въ родню! — а пусть либо десятникъ Петръ Багацкій, либо ключникъ Бритвенко Сергѣй...

Погостилъ и поохотился въ волю дѣдъ въ смолокуровской полбинской пуцѣ, прокатился по озеру на дегтирный заводъ, къ самому Надвину, собралъ нужныя справки, засушилъ, въ презентъ матери, подборъ дикихъ брянскихъ цвѣтовъ и отправился во-своихъ.

• Съ той поры Иванъ Яковлевичъ точно преобразился. Куда дѣлись его вялость, мнительность и нерѣшительность. Онъ сталъ неузнаваемъ.

Легкостуну дали сперва три, потомъ пять воловыхъ подводу. Онъ съ ними нѣсколько разъ ѣздилъ въ брянскій уѣздъ за сосновыми шишками. Когда шишки привезли и выбили изъ нихъ сѣмена, Иванъ Яковлевичъ выпросилъ у матери плуги, отдалъ ихъ подъ надзоръ Бритвенка и Багацкаго, и тѣ стали нахать несчанные кучугуры и бугры близъ Донца. Въ проложенныя борозды Легкостунъ съ рабочими сажалъ свѣже-парѣзанные колышки вербы и шѣлюга красной лозы; а между ними разбрасывалъ, подъ борону, сосновыя сѣмена.

Люди дивились. «Панъ панъ сдурѣлъ... вмѣсто ржи и пшеницы, светъ сосновыя шишки?»

А дѣдъ безъ усталы сѣялъ и сѣялъ. Онъ вошелъ въ переписку съ заводчикомъ Надвинимъ и его сосѣдями, высылалъ имъ, въ обмѣнъ на боровыя шишки, возы тяжеловѣсной пшеницы гирки и бѣлотурки. Съ новой весной онъ опять принялся за дѣло, окопалъ кучугуры рвами, поставилъ избой

для сторожей и заказать туда всякому путь-дорогу. Боже унаси, если, бывало, Иванъ Яковлевичъ, ѣдучи къ своимъ сѣнцамъ, встрѣтитъ возлѣ нихъ на тропинкѣ коннаго или пѣшаго... Подбирай скорѣе полы и бѣги лучше безъ оглядки, что есть духу! Обругаетъ поносными словами, а не то задрожитъ и ухватится за ружье: «какъ смѣлъ топтать запо-вѣдную палестину?»

Прошелъ годъ. Тычинки вербъ и лозы окинулись листьями, пустили вѣтки. Еще годъ,—между ихъ рядами то здѣсь, то тамъ зазеленѣли чуть видныя по песку кудрявыя грядки крохотной, игольчатой травы: то были молодыя сосенки...

Спустя три года, сосны стали по поясъ человѣка; въ пять лѣтъ выросли дѣду по плечо. Задержанный отъ разноса, песокъ началъ крѣпнуть. Дѣдъ сѣялъ и сѣялъ...

На седьмомъ году первые посѣвные участки поднялись выше человѣка; на десятомъ—половина молодого бора ужъ давала широкую, прохладную тѣнь...

А подъ смолистыми деревцами, въ перегноѣ травъ и падающихъ сосновыхъ иголь, образовался дернъ, поползла пѣвикая песочная осока,—*carex arenaria*,—явился верескъ, раскинулись и дружно зазеленѣли прочія лѣсныя травы.

Дѣдъ былъ внѣ себя отъ радости. Мать и жена любовались его трудами. Онъ не покидалъ заветнаго дѣла, отдавалъ ему всѣ свободные часы. Дѣло увѣнчалось успѣхомъ.

Съ первыхъ же лѣтъ въ молодомъ бору явились лисицы, а къ зимѣ туда стали набѣгать цѣлыя уймы зайцевъ и куропатокъ. Антипъ выслѣдилъ два волчьихъ выводка. Были приглашены соеѣди, и охота началась на славу.

Поселяне, насмѣшливо и подозрительно встрѣтившіе первыя хлопоты дѣда, болѣе ужъ не говорили:—«вотъ одурѣлъ панъ, вмѣсто хлѣба сѣять сосновыя шишки!»—Теперь было не то. Крестьянинъ оцѣнилъ доброе дѣло: сельскія панни болѣе не заносились со смежныхъ бугровъ песками.—«Нинь, вѣдунъ! хлѣба столько лѣтъ не продавалъ,—говорили поселице:—а за то, что вышло! лѣсъ какъ лѣсъ, точно и всегда тутъ ростъ».

Стали даже толковать, что и впрямь дѣдъ волшебникъ. Одна баба, Морозиха, увѣряла, что видѣла разъ, какъ панъ вечеромъ стоялъ у сосны: онъ былъ по сю сторону дерева, а то вдругъ сталъ—точно на крыльяхъ перелетѣлъ—по дру-

гую, и въ оба раза стоялъ, какъ вкопанный, но двигался, точно на облакъ...

Видь съ дѣдова крыльца, изъ Приниба, на молодой боръ былъ привлекательный. По зарямъ, лѣтомъ, были слышны въ домѣ все лѣсные птичьи крики. На селѣ, впрочемъ, толковали:—«Развѣ то одиѣ птицы голосять? тамъ теперь немало и *тылъ* пѣвуновъ, что къ ночи не слѣдъ и называть»...

— Что-жъ тамъ еще за пѣвуны?—спрашивали бабы мужей.

— Подаромъ тотъ чортовъ запорожець осѣдлать пана,—отвѣчали мужья:—добра изъ этого не выйдетъ. Поростеть, поростеть лѣсъ, да и провалится, съ самымъ тѣмъ бѣсовымъ запорожскимъ сѣвильникомъ, покроется весь водою, какъ озеро. Не къ добру тотъ, чортовъ сучаць, и ведки не пьеть, и въ кабакъ никогда не заглянетъ, чтобъ поговорить съ добрымъ человекомъ.

Однажды, въ концѣ юня, дѣдъ охотился въ новомъ лѣсу съ Антипомъ.

— Ты говоришь о жабьей травѣ, — сказалъ Иванъ Яковлевичъ:—помнишь? а лу-ка, понци; не выросла ли она за эти годы?

— Давно, пане, и отчего не вспомнили? вотъ она,—отвѣтилъ Легкоступъ, нырнувъ въ гущину сосенъ и неся оттуда молодые стебли чистотѣла.

Дѣдъ радостно перевелъ духъ, долго смотрѣлъ на траву и, робко потрогивая себя за поясъ и грудь, перекрестился.

— Ну, слава Богу, и спасибо, Антипе, тебѣ!—произнесъ онъ:—можетъ быть, теперь еще проживу лишніе годы на свѣтѣ.

— Чтò вы говорите, пане? Развѣ у васъ какая, не приведи Богъ, хвороба?

— Такая хвороба, такая, что коли и это зелье не поможетъ, придется въ скорости помирать.

Антипъ удивленно глядѣлъ въ смущенное, покуренное лицо дѣда.

— Ну, теперь ступай ты съ кучеромъ домой, — сказалъ дѣдъ:—доплети ту перенеллиную сѣтку, что я далъ: скоро будетъ нужна; а барыни скажи, чтобъ не ждали съ обѣдомъ. Пропасть курпатоки, — два выводка вогъ въ томъ

мѣтѣ сейчасъ видѣль—поохочусь самъ. А ты съ кучеромъ мѣжай къ опушкѣ, какъ смеркнется, и жди...

Легкоступъ и кучеръ, переглянувшись и покачавъ головами, поѣхали изъ лѣса.

Дѣдъ, между тѣмъ, пошелъ въ чащу деревь, отыскавъ поляну, гдѣ болѣе разросся жабникъ, прилегъ среди его зелени подъ сосной, положилъ съ боку ружье, и какъ впоследствии разказывалъ, въ неотвизной, гнетущей мысли, закрыть глаза...

«Сегодня Ивана Купала, — разсуждалъ онъ: — травы въ самомъ соку и цвѣту... Теперь-то она, проклятая, несытая, и надка на свой настоящій харчъ».

Долго ли такъ лежалъ Иванъ Яковлевичъ, онъ того не помнитъ, какъ какъ крѣпко заснулъ. Солнце закатилось, окраинивая игольчатые гребни разросшихся вправо и влево сосенъ. Птичьи крики смолкли. Надъ прохладными полянами точно незримый дяконъ прошелъ, съ дымящимся душистымъ кадиломъ...

Сумерки въ лѣсу сгустились. Дѣдъ очнулся и вскочилъ. Въ волнении, ощупывая грудь и животъ, онъ взглянулъ себѣ подъ ноги, бережно обошелъ дерево и опять себя потрогалъ.

— Слава Господу милосердному! — прошепталь дѣдъ, поднимая съ травы ружье и отрадно вдыхая смолистый воздухъ: — чудо, настоящее чудо содѣялось! Вонъ и дорожку по травѣ оставила... не давить больше подъ ложечкой, не шевелится *треклятая*, не томить и не ползѣтъ... Домой, скорѣе домой! Завтра молебень и всей слободѣ обѣдъ...

Подъ лѣсной опушкой, въ отблескѣ зари, онъ разглядѣлъ на степномъ просторѣ знакомыя дроги и сидѣвшаго на нихъ Антипа.

— Ну что, пане, — настрѣлили? — спросилъ, подозрительно его осматривая, Легкоступъ.

Дѣдъ отозвалъ егеря въ сторону.

— Такого застрѣлилъ, такого, — началъ онъ, въ силу сдерживая волненіе: — слушай, Антипе, да никому, смотри, до срока не сказывай!.. Надо осмотрѣться, выждать. На-сѣялъ я лѣсу, какъ видишь, дѣти и внуки вспомнятъ. Выростетъ сосновая пуща, покроетъ всѣ остальные пески. И охотимся здѣсь мы съ тобой, ну, и все... А мнѣ сподобилось, скажу тебѣ, еще и вылѣчиться...

— Чѣмъ?—спросилъ Легкоступъ, безсознательно обнажая чубатую голову.

— У меня, Ангине,—сказалъ дѣдъ:—жаба сидѣла въ животѣ; десять лѣтъ каторжная сидѣла и двигалась... А какъ легъ я и слышала она поблизу своей настоящей жабы харчъ, такъ, треклятая, совсѣмъ сразу изъ меня и выскочила... Я видѣлъ и ея слѣдъ по травѣ.

Легкоступъ въ тотъ же день не вытерпѣлъ и на радости, что выльчилъ пана, завернулъ передъ ужиномъ въ кабакъ, котораго онъ по зароку такъ всегда избѣгалъ. Тамъ было веселое сборище: у Багацкаго родился сынъ Иванъ (донинѣ живущій), и отецъ угощалъ сосѣдей. Къ сосѣдимъ примкнули другіе. Антипъ много пилъ, выставилъ водки и остальнымъ пирующимъ. Кто-то задѣлъ его насмѣшкою:—«Пришла-таки попадья къ просвирнѣ». Началась ссора. Услышавъ кличку «бродяга-гайдамакъ», Легкоступъ вскочилъ и далъ тумака подгулявшему обидчику. За послѣдняго вступились товарищи. Легкоступъ нашелъ помощь въ Багацкомъ и его кумовьяхъ. Поднялась общая свалка. Прижатый къ углу съ защитниками, Антипъ выскочилъ въ сѣни. На него навалились цѣлою аравой у крыльца. Видя нападеніе не по силѣ, онъ засучилъ рукавъ, быстро нагнулся къ голенищу и выхватилъ оттуда короткій, широкій ножъ...

Тутъ только, когда разгорѣвшійся, въ порванной одеждѣ, Легкоступъ, размахивая ножомъ, проложилъ себѣ дорогу съвозъ разсвирѣбъвшую, кричавшую толпу и медленно, безъ оглядки, какъ травимый неопытными псами, старый матерой волкъ, пошелъ по улицѣ,—всѣ опомнились, рѣшивъ въ одинъ голосъ:—«Да, это—характерникъ, запорожець; видно по всему...»

Во дворъ къ дѣду Легкоступъ болѣе не заходилъ. Совершенно ли ему стало, что не выдержалъ насчетъ водки, или вновь пришла пора пуститься въ странствіе, только онъ взялъ въ банѣ свой мушкетъ, оставилъ на столѣ доплетѣнную въ тотъ день переносную сѣть и на развѣтѣ, какъ видѣли пастухи, вышелъ за село. Съ той поры Антипъ въ нашихъ мѣстахъ никогда уже не показывался.

О дѣдовомъ лѣсѣ вскорѣ заговорили не только въ уѣздѣ, но и въ губерніи. Разныя почтенныя лица, въ томъ числѣ и члены харьковскаго университета, губернаторъ и вводив-

шій военныя чугуевскія поселенія, графъ Аракчевъ, прѣзжали взглянуть на невиданное чудо, на застѣянныя дѣдомъ тысячу десятинъ бора. Иванъ Яковлевичъ терялся, робѣлъ и не зналъ, какъ принимать благосклонные отзывы прѣзжихъ.

Дѣдъ былъ радъ за свой лѣсъ, радъ за трудное, съ прилежаніемъ и любовью конченное дѣло. Охотясь же въ бору на зайцевъ или поджидая въ лѣсной землянкѣ на привѣду волковъ, онъ вспоминалъ Ангина, вздыхалъ и думалъ про себя:—«Хоть биться объ закладъ, онъ, дѣйствительно, былъ характерникъ и навѣрное знался съ бѣсомъ, оттого ему все удавалось».

Въ 1818 году, нежданно получивъ за лѣсъ монаршую милость отъ императора Александра I, дѣдъ рѣшилъ отправить двухъ своихъ сыновей, моего отца и дядю, на воспитаніе въ дворянскій полкъ, въ Петербургъ.

Вручая юношамъ прогоны, онъ далъ шестнадцатилѣтнему моему отцу письмо къ графу Аракчеву и сказалъ:

— Ты, Петя, еще молодъ; старайтесь съ братомъ учиться; блюдите чистоту нрава, а паче всего не забывайте дворянскаго гонора и оказывайте должный респектъ властямъ. Велѣдствіе послѣдняго резона, вотъ вамъ цидулка къ графу Алексію Андреевичу. Отвезите ее по адресу и респектуйте графу мое достодолжное почтеніе. Поступайте, какъ въ школѣ, такъ и далѣе въ жизни, согласно его указанія и совѣтамъ. Раскаиваться, государи мои, не будете, приобрѣти столь могучаго милостивца! Онъ, коли успѣшно защитетъ, двинетъ васъ и въ классахъ, и далѣе въ министеріяхъ... Желаю обонмъ возвратиться вснать министрами...

Письмо Аракчеву было отвезено. Графъ принялъ юныхъ подорослей украинскаго знаконца отмѣнно сухо, хотя обѣщалъ имъ покровительство, и пригласилъ изрѣдка его навѣщать. Въ одинъ изъ праздииковъ, когда застѣчивые кадеты очутились передъ всемогущимъ графомъ, Аракчевъ сталъ ихъ разспрашивать, благополучна ли попрежнему роца ихъ отца?—Разсказъ кадетовъ о диковинной роцѣ графъ заставлялъ ихъ потомъ повторять чуть не каждому изъ своихъ гостей. «И представьте, государи мои, — говорилъ при этомъ графъ гостямъ:—такое дѣло и исполнилъ одинъ, одинъ! сократилъ на время хлѣбныя посѣвы, поэкономничалъ и со-

орудить такое дѣло... Самъ я, самъ оно видѣть и донынѣ о подражаніи тому другими, хоть бы казной, не приложу ума!..»

Графъ пригласилъ юношей не пропускать праздниковъ. А тутъ еще оказалось, что украинскіе гости въ родительскомъ домѣ были обучены музыкѣ: отецъ игралъ на флейтѣ, дядя—на виолончели. Доморощенный петербургскій Геронъ, въ тѣсномъ домашнемъ кругу, почти въ секретѣ, не отказывалъ себѣ въ удовольствіи—позабавиться мелодіями Ромберга и Сартри. Ихъ ему разыгрывала на клавесинѣ какая-то, изрѣдка, въ праздничные вечера, приходившая къ нему пожилая горбатая родственница. Графъ Аракчеевъ снисходительно относился къ музыкальнымъ упражненіямъ кадетовъ.

Мечты дѣда о судьбѣ дѣтей, казалось, были близки къ осуществленію. Такой сильный человекъ, самъ, можно сказать, «рыкающій левъ», оказывалъ—кому же?—его дѣтямъ персональное благоволеніе.

Украинская природа, однако, взяла свое. Среди холоднаго, затянутого въ мундиры, вымуштрованного, шагающего на площадяхъ Петербурга, сыновья дѣда впали въ ненсходное уныніе. Тоска по родинѣ забѣла ихъ съ перваго же года. Въ то же время шли слухи о новыхъ и новыхъ подвигахъ «рыкающаго льва». Слухи проникали въ дворянскій полкъ...

Виолончель и флейта были брошены. Музыкальныя услуги въ домѣ графа стали, какъ отписывали кадеты, ограничиваться лишь аккуратной, еженедѣльной, по воскресеньямъ, настройкой клавесина, который, къ слову сказать, вовсе не былъ разстроенъ, такъ какъ горбатая родственница графа куда-то однажды ступевалась, и клавесина никто ужъ безъ нея не касался.

Министрами дѣдовы сыновья всячь не возвратились.

Подавъ безъ воли отца прошеніе о переводѣ ихъ на службу на родину, они были зачислены юнкерами въ ольвиопольскій уланскій полкъ и въ 1819 г. уѣхали къ мѣсту назначенія, въ уманское военное поселеніе.

Дѣдъ, скучая по дѣтямъ и въ ожиданіи ихъ производства съ офицеры, подписался на «Московскія Вѣдомости».

Однажды,—это было лѣтомъ 1821 года,—долго не получалось вѣстей изъ Умани. Въ то время въ нашихъ мѣстахъ

былъ еще старый обычай получения почты изъ городовъ, черезъ общихъ для цѣлаго околотка «пѣшихъ почтарей», «Бродячій», или, по мѣстному выраженію «мандрованный» почтарь, Архипъ Гуня,—онъ же по-просту «Мандрѣйка»,—разносили тогда изъ Зміева письма, газеты и почтовые повѣстки по Донцу и окрестнымъ рѣкамъ верстѣ на пятьдесятъ. Гуня былъ коренастый, плотный старикъ шестидесяти-пяти лѣтъ. Его курчавая сѣдая голова, жилистые, босыя ноги, мѣшокъ съ почтой за плечами и длинный грушевый костыль въ рукѣ были извѣстны всемъ.

— Да гдѣ-жъ Мандрѣйка? не видѣлъ ли кто Мандрѣйки?—допытывалъ прислугу дѣдъ, теряя терпѣніе, что давно не было извѣстій отъ дѣтей.

— Гдѣ-нибудь занялся работой, — отвѣчала ключница Ульяника: — у лиманскаго протопона полная клуныя хлѣба: ну, вѣрно и сталь по пути помолотиться...

— А, чтобъ его мухи съѣли, какъ долго его нѣтъ!—говорилъ съ досадою дѣдъ: — Петя писалъ, что ихъ представили; должно-быть давно ужъ пропечатано въ вѣдомостяхъ.

Гуня, сверхъ почтарской обязанности, еще портняжилъ, умѣлъ безъ станка подковать лошадь и былъ хорошимъ печникомъ. Разнося почту, онъ по дорогѣ не отказывался за могорычъ исполнять и разныя другія послуги: кому нужно сшить жиметку, или починить тулупъ,—сдѣлаетъ; гдѣ надо поправить печку,—поправитъ, вычиститъ и смажетъ глиной трубы; а нужно хорошему человѣку, въ рабочую, горячую пору, помолотить,—то и здѣсь не откажетъ.

— Куда тебѣ, Архипъ, въ такіе годы, все пѣшкомъ, да пѣшкомъ? ноги отобьешь! — скажетъ ему, бывало, знакомецъ:—лучше стань, возьми цѣпь и сбеи какую копну; а я тебя водочкой, варѣниками угощу.

Положить Гуню почтарскій мѣшокъ, съ столичными газетами, письмами, книжками журналовъ и прочей ношей, подъ скамью, или на голбикъ хлѣбнаго сарая, возьметъ цѣпь и молотить сутки, двое, а иногда и болѣе.

— Что жъ ты такъ онездаль?—спроситъ Гуню нетерпѣливые изъ хуторянъ:—двѣ недѣли не приносишь вѣдомостей. Мы все ждали, ждали...

— Оттого не приносишь, что ничего путнаго и не было!—отвѣчаетъ, вытряхивая мѣшокъ, почтарь:—смотрите сами.

— Ты же почему знаешь?

— Отецъ Иванъ Вересовичъ въ Андреевкѣ говорилъ. А вотъ въ Зміевѣ такъ было диво; да и въ Харьковѣ какой случился пожаръ...

И начнеть рассказывать. Почтовые новости въ то время такъ занимали скучающихъ сельчанъ, что на нихъ накидывались живо и вноминали о доставителѣ ихъ, когда и слѣдъ его простыль.

Въ іюнѣ 1821 года, послѣ долгаго - долгаго промежутка, въ улицѣ Пришиба показались, наконецъ, знакомыя, сгорбленные плечи Мандрыки, его сѣдая, вихрастая голова и длинный костыль. Дѣдъ завидѣлъ его съ крыльца, прабабка допустила его къ рукѣ.

Гуня высыпалъ передъ господами изъ мѣшка принесенную почту. Тутъ были пачки вѣдомостей, выписанныя изъ Москвы, отъ Кольчугина, романъ «Анахарсисъ», книжка какого-то альманаха и нѣсколько писемъ.

Иванъ Яковлевичъ обратился къ письмамъ.

«Дражайшій и милый родитель!» — писалъ дѣду изъ Умани его сынъ Петръ. — «Мы сего двадцатаго мая произведены въ корнеты...» (Дѣдъ снялъ шапку и перекрестился). «Начальство насъ жалуетъ, цѣнитъ и обѣщаетъ намъ на побывку къ вамъ продолжительный отпускъ... Въ Умани весело; много наѣхало на ярмарку хорошенькихъ дѣвицъ; вечера, танцы, прогулки. А на-дняхъ, mon père, мы были сильно обрадованы. Нашъ ремонтеръ пригласилъ насъ посмотрѣть и поторговать приведенныхъ на торгъ изъ Молдавіи, турецкихъ лошадей. Хозяинъ одного табуна, турокъ, показался намъ будто знакомымъ: въ чалмѣ и во всемъ турецкомъ уборѣ, а точно не турчинъ. Ужъ мы такъ къ нему и сѣкъ; отворачивается, молчитъ и не сознается. Да ужъ вечеромъ, когда продалъ весь табунъ, подвязалъ кошель къ поясу, сѣлъ на коня, отозвалъ насъ въ сторону и произнесъ: «Кланяйтесь, панычѣ, своему тятенькѣ; никогда не забуду его хлѣба-соли и вашихъ вольныхъ, на Донцѣ, краевъ. Въ Туретчинѣ, однако, не въ примѣръ лучше, — не требуютъ пачнортовъ, не обижаютъ и не тѣсятъ. Долго искалъ я сюда дороги. Теперь живу за Дунаемъ, у своихъ братьевъ-занорожцевъ, въ Бутгальскомъ округѣ, куда они ушли. Вѣры не перемѣнилъ, а торгую на всѣ концы. Тѣдучи сюда, наряжаюсь... Когда-нибудь все узнаете...» — Онъ не договорилъ, завидѣвъ город-

ничего, стегнулъ лошадь и ускакалъ. Это, дражайшій ты-
тенька, былъ вашъ егеръ, Антипъ Легкоступъ. И если онъ
вновь окажется здѣсь на ярмаркахъ, мы его разспросимъ,
какъ въ былые годы занорожцы ушли въ Туретчину, и вамъ,
notre très cher père, о томъ не замедлимъ въ точности со-
общить».

1878 г.

V.

БАБУШКИНЪ РАЙ.

Моя бабушка, Анна Васильевна Данилевская, рожденная
Рославлева, была совершенною противоположностью своему
мужу, Ивану Яковлевичу. Моложе его, она пережила его
нѣсколькими годами и умерла, какъ и онъ, безъ малаго
шестидесяти-четырехъ лѣтъ.

Дѣдушка Иванъ Яковлевичъ былъ небольшого роста, пле-
чистый, сѣдой, совершенно лысый, съ мясистымъ носомъ и
черными, вилыми, лукавыми глазками. Отъ природы лѣни-
вый и мѣшковатый, онъ подъ старость совершенно осунулся,
ходилъ въ сѣрой охотничьей курткѣ, въ широкихъ нанко-
выхъ панталонахъ, подпоясанныхъ ремнемъ, и въ высокихъ
съ кисточками сапогахъ. Вълѣ у него, впрочемъ, благодаря
бабушкѣ, было всегда тонкое и безукоризненно чистое.

Бабушка Анна Васильевна была высокая, худая и блѣдная,
съ быстрыми умными глазами, прямымъ вострымъ носомъ
и, не смотря на преклонные годы, стройная и не по лѣ-
тамъ проворная и дѣятельная. Въ праздники она ходила въ
черномъ левантиновомъ, въ будни въ неизмѣнномъ бѣломъ
коленкоровомъ платьѣ. На ея сѣдыхъ волосахъ всегда кра-
совался чистый кисейный чепецъ; на шеѣ легкой волной
былъ наброшенъ бѣлый, запущенный подъ платье, плато-
чекъ. Къ этому, въ холодные дни, иногда прибавлялась сѣ-
рая фланелевая фуфайка дѣдушки, или его халатъ, покрытый
синимъ демикотонемъ, на бѣлыхъ мерлушковыхъ смункахъ.
По хозяйству Анна Васильевна ходила въ мужскихъ сапо-
гахъ, а въ гости по сосѣдству ѣздила въ телѣжкѣ, причемъ
любила надѣвать старую дѣдушкину ополченскую шинель и
его теплый съ наушниками картузь. — «Спартанка!» гово-
рили, глядя на нее въ такомъ нарядѣ, сосѣди. И бабушка,
дѣйствительно, была спартанка.

У Анны Васильевны не было своей постоянной комнаты. Одну недѣлю она спала въ зеленой гостиной, другую въ портретной, иногда перекочевывала въ угольную, или въ библиотеку. «Долги мучать, бессонницей страдасть!» шептали о ней сосѣдки. Бабушка любила читать. Хорошо образованная въ молодости, знавшая нѣмецкій и французскій языки, она и подъ старость не покидала любви къ книгамъ и къ выпискамъ изъ нихъ того, что ей особенно нравилось. Добывъ въ городѣ или у кого-нибудь изъ окрестныхъ знакомыхъ новую любопытную книгу, она уносила ее къ себѣ и рядомъ съ нею клала для отмѣтокъ толстую тетрадь. Послѣ ея смерти, на чердакѣ кладовой нашли цѣлыя кнѣпы такихъ тетрадей, четкимъ и крупнымъ почеркомъ исписанныхъ выдержками изъ любимыхъ ея авторовъ: Вольтера, Руссо, Вольтаре и Дидеро. Постоянной, личной прислуги у бабушки тоже не было. Помогали ей въ ея надобностяхъ деревенскія бабы, ходившія по очереди убирать барскій домъ. Анна Васильевна смолоду любила кроить и перешивать разный посылный хламъ. А потому и въ старости нерѣдко можно было видѣть ее на коврѣ, въ гостиной или въ портретной, въ кругу пяти-шести деревенскихъ бабъ, за распарываньемъ и перешиваньемъ платьевъ, которыя, впрочемъ, бабушка рѣдко потомъ носила.

Въ семьѣ господствовали постоянный безпорядокъ. Бабушка безъ устали читала; дѣдушка охотился. Дѣти обучались съ грѣхомъ пополамъ. При нихъ когда-то проживалъ гувернёръ, изъ французскихъ солдатъ, эмигрантъ Санбёфъ. Пристроивъ въ этой семьѣ, Санбёфъ выписалъ изъ Франціи и свою жену. Мадамъ Санбёфъ отлично готовила кушанья. Мужъ ея, впрочемъ, не столько занимался обученіемъ вѣрренныхъ ему питомцевъ, сколько охотой съ ружьемъ по болотамъ, ловлей лягушекъ себѣ и жегѣ на соусъ, да разсказами любовныхъ исторій, во вкусѣ новеллы Бокаччіо. Дѣти подросли. Мальчики облеклись въ мундиры и уѣхали въ дальніе полки. Дѣвочки вышли замужъ. Уѣхали изъ деревни Санбёфъ съ женою. Впоследствии они открыли въ Харьковѣ колбасную и отлично торговали.

Хозяйство дѣдушки, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, стало болѣе и болѣе приходить въ упадокъ. Случалось такъ, что, при пяти имѣніяхъ и въ нихъ при десяти тысячахъ десятинъ земли, не хватало денегъ на покупку припасовъ для

стола. Гости, впрочемъ, не переводились въ домъ дѣдушки. Несмотря на долги, Иванъ Яковлевичъ жилъ въ свое удовольствие: имѣлъ собственныхъ музыкантовъ, хоръ пѣвчихъ, а на охоту выѣзжалъ съ сотнею и болѣе гончихъ и борзыхъ собакъ.

Обѣдъ въ домъ заказывалъ всякъ, кто хотѣлъ. Своей птицы зачастую не хватало, а приносили ее, какъ молоко, яйца и огородную зелень, но очереди въ счетъ барицныя съ села. Разливала чай и ходила въ комнатахъ, при ключахъ, худенькая, съ жидкою, сѣдою косичкой и постоянно босая, старая дѣвушка Марья.

Иванъ Яковлевичъ, мало развитой, робкій и съ юныхъ лѣтъ несообщительный и молчаливый, отъ долговъ и разстройства дѣлъ, былъ постоянно не въ духѣ. Анна Васильевна о мужѣ всегда, однако, отзывалась съ откровеннымъ уваженіемъ, увѣряя всѣхъ, что Иванъ Яковлевичъ—весьма умный и тонкій человекъ, и что самое его молчаніе—многочислительно. Даже къ сердечнымъ слабостямъ Ивана Яковлевича она относилась крайне снисходительно. Когда у него въ лѣсу, на винокурнѣ въ Курбатовомъ, завелась, въ лицѣ весьма красивой лѣсничихи Ульянки, фаворитка, — Анна Васильевна и въ этой Ульянкѣ, сверхъ ожиданія, находила нѣкоторую степень ума «привлекательнаго» и рѣдкаго «въ этомъ сословіи». Жалѣя здоровье Ульянки, она ей подарила свою старую котиковую шубу и дюжину собственныхъ шерстяныхъ чулокъ. А замѣчая косые взгляды и даже ропотъ невѣстокъ, при видѣ предпочтенія, которое оказывалось этой Дульцинеѣ, говорила: «вы, сударыньки мои, не фыркайте и не смотрите слишкомъ строго на то, коли и собственный муженецъ у какой-либо изъ васъ иногда отшатнется въ сторону. Жена, милыя вы мои, это то же, что новенькое платье; чай, слышали: за-ново ситцы на колочкѣ висятъ... А мужъ намъ — господинъ и владыка. Мы должны радоваться его удовольствіямъ и беречь его паче зѣнницы ока...» Невѣстки слушали такія рѣчи молча и наставленій свекрови отнюдь не одобряли.

Павѣщая родныхъ и знакомыхъ, Анна Васильевна любила привозить мужу въ гостинецъ пробы разныхъ кушаньевъ. «Покушайте, зельхень,—говорила она въ такихъ случаяхъ, развязывая крыпочки и горнички:—это—постные пирожки съ рыбкой и съ грибами: очень вкусны; а это — паштетъ

изъ дупелей». И Иванъ Яковлевичъ, забираясь на сутки и болѣе на охоту въ лѣсъ, присылалъ въ гостинець женѣ стряпню Ульянку, при записочкахъ: «Покушайте и вы, гёрцхентъ, издѣлія моего кухмистера; на тарелкѣ — бѣлые грибы въ сметанѣ, а въ мискѣ — застуженные караси. Жѣ ву бэзъ и рекомендую, — превкусны».

Жилъ Иванъ Яковлевичъ въ родовомъ селѣ Пріишибѣ. Въ остальныхъ его имѣніяхъ — въ Ольшанкѣ, на Средней, въ Великомъ Селѣ и на Богатой — всемъ управляли приказчики. Дѣла Ивана Яковлевича, что ни годъ, становились хуже и хуже. Замодавцы оказывались злѣе и злѣе. Судьба имѣній висѣла на волоскѣ. А устроить дѣла, построже наблюдости за распорядками управляющихъ не хватало воли, терпѣнія и рѣшимости.

Стараясь, чтобы ничто дурное и тревожное не доходило до мужа, Анна Васильевна сама возилась съ замодавцами, спорила съ ними, молила ихъ объ отерочкахъ, выслушивала ихъ упрёки и даже брань, но къ мужу этихъ господъ не допускала. Иванъ Яковлевичъ зналъ такіе обычаи жены, и если кто-либо изъ креди ровъ являлся въ Пріишибѣ, онъ сказывался больнымъ, требовалъ пивокъ и все собирался ихъ ставить, пока назойливые гости не уѣзжали.

— Вы бы, зѣльхентъ, отправилесь на Среднюю, или въ Ольшанку, — говорила иной разъ мужу бабушка: — дѣла тамъ, слышно, изъ рукъ вонъ плохо идутъ...

— Да зачѣмъ же я, гёрцхентъ, туда поѣду?

— Ради Бога, повѣжайте; повѣрьте этихъ мошенниковъ управляющихъ. Сколько у васъ земель, овецъ и скота, а доходовъ почти никакихъ... Сыновья на службѣ, надо имъ и на обмундировку, и на житье; ну и молодые люди, — повеселиться тоже... А денегъ у насъ давно ни алтына...

— Ахъ, гёрценка! я бы и поѣхалъ, да вонъ... кажется, собирается... гроза...

Иванъ Яковлевичъ былъ вообще не храбраго десятка, но особенно боялся грозы. Онъ избѣгалъ быть въ пути во время бурь, опасаясь, что его непременно убьетъ громъ. Человѣкъ мнительный и слабый во всѣхъ отношеніяхъ, въ дорогу онъ собирался особенно неохотно. Иногда эти сборы длились по нѣскольку недѣль.

Все знаютъ, бывало, что барыня уговорила барина и

что баринъ, наконецъ, рѣшился выѣхать. И начинаются приготовления. Съ пяти-шести часовъ утра передняя, въ подобныхъ обстоятельствахъ, уже полна. Писарь, конторщикъ, десятскіе и ключникъ, переминаясь съ ноги на ногу, вздыхали и зѣвая, стоятъ въ ожиданіи зова и приказаній барина. А баринъ проспелся и, тоже зѣвая и вздыхая, прилебываетъ ложечкой на постели чай, разсматриваетъ свои руки, или, собираясь понюхать табакъ, медленно разворачиваетъ и опять свортываетъ на колѣняхъ клетчатый носовой платокъ.

Каждый разъ съ вечера, въ такихъ случаяхъ, ученики Санбѣфши, сѣдовласый поварь Явѣхъ, Мычка и старая повариха Пѣнка накаряютъ барину и запекутъ въ дорогу всякой всячины. Призывался и лихої на пѣсни и на вышивку слесарь Федька. Появлялся и низенькаго роста, несчетные разы мятый на выѣздкѣ молодыхъ лошадей, коренастый мрачный и вѣчно смотрѣвшій въ землю, главный кучеръ Иванко. Слесарю Федькѣ отдавался строгій наказъ—лучше осмотрѣть и пересчитать въ дорогу бариновы ружья. Иванкѣ приказывалось—пораньше накормить, напоить и приготовить любимую караговую четверню бариновыхъ лошадей. Но съѣстные принасы, ружья и лошади давно, бывало, готовы, приказные по нѣскольку разъ выйдутъ изъ передней на крыльцо размять усталыя спины и покурить, и на селѣ все хоронятся по дворамъ, чтобъ не перейти барину дорогу, а баринъ все не выходитъ изъ своей оnochивальни.

Анна Васильевна, въ такихъ обстоятельствахъ, вертеть-вертеть спицами чулка, глядитъ то въ одно окно, то въ другое, потерпеть, наконецъ, терпѣніе и выходитъ къ мужу.

— Что же вы, зѣлхонь, не ѣдете? — спрашивала она, вида, что мужъ попрежнему сидитъ, свѣсивъ необутыя ноги съ постели и разсматриваетъ руки или носовой платокъ.

— А что, гѣриценька, — отвѣчаетъ Иванъ Яковлевичъ: — ѣхать, видно, сегодня не приходится.

— Почему?

— Руки терипутъ и ногти на пальцахъ какъ будто синіе... Это, вѣрно, къ переменѣ погоды. Пусть лучше до-завтра.

— Какой же еще погоды! — вскидывается въ досадѣ бабушка: — смотрите, — божій день лесень, а въ саду, въ полѣ, какой аромать...

— Ну, вѣтъ, — отвѣчаетъ дѣдушка: — я вотъ и Нѣшку повариху призывалъ, говорить, всю ночь до утра курица какая-то на кухнѣ кричала: видно, будетъ дождь.

— Да какой же дождь? на небѣ ни облачка.

— И сонъ, гѣрценъка, я видѣлъ сегодня; совсѣмъ нехорошій сонъ... Покойнаго попа, отца Ивана, будто я въ прудѣ купалъ, а онъ меня осилилъ и верхомъ на мнѣ будто къ губернатору поѣхалъ... Да и вчера былъ тоже сонъ. Снился покойный тятенька Яковъ Астафьичъ...

И начнеть рассказывать Иванъ Яковлевичъ свои сны, да такъ медленно, съ такими разстановками, что бабушка не вытерпѣть и уйдетъ. Отъѣздъ, разумѣется, при этомъ отлагался. А тѣмъ временемъ и приказчики отдаленныхъ вотчинъ пронохаютъ, что баринъ собирается ихъ провѣрять, и принимаютъ свои мѣры.

Иванъ Яковлевичъ, наконецъ, рѣшается. Бабушка молебень отслужила, ходитъ веселая, довольная. Къ крыльцу подкачена желтобокая, выписанная изъ Вѣны коляска, и въ нее горой наложены всякіе складни, погребцы, узлы, укладки и свертки. Лакей и парикмахеръ Гаврюшка, со всякой всячиной подъ мышками, мечется какъ угорѣлый изъ кухни въ кладовую, изъ кладовой въ музыкантскую, а изъ музыкантской въ швальню, не забывая, впрочемъ, по пути забѣжать и позубоскалить съ кружевницами и коверницами. Солнце подбирается къ десяти часамъ. Ужъ и жарко.

Пора, — говоритъ, кончивъ кофе, Иванъ Яковлевичъ: — можно бы, гѣрценъ, и запрягать.

— Куриную котлетку только или фрикасе́ изъ дичи скушали бы еще, зѣльхень, на дорогу, — говоритъ, не помня себя отъ радости, бабушка.

Онъ подаетъ знакъ ключницѣ.

Черезъ полчаса въ хомутахъ ведутъ и запрягаютъ лошадей. Лягавый жирный песь Бекасъ усѣлся между торчащими ружьями на козлахъ, радостно визжитъ и воетъ отъ нетерпѣнія.

А тѣмъ временемъ, какъ Иванъ Яковлевичъ, еле-еле жуя и перебирая косточки, кушаетъ папутственное фрикасе́ и куриную котлетку, — ключница Марья, высунувшись изъ коридора, шопотомъ докладываетъ баринѣ, что на деревнѣ... появился мужикъ съ Средней.

— Кто? кто? — спрашиваетъ, слышавъ этотъ шопотъ, баринъ.

— Капитошка Кочетъ.

— Зачѣмъ онъ?

— Родныхъ пришелъ навѣстить... потому у него кума... — прибавляетъ, не видя тревожныхъ знаковъ барыни, сѣдая ключница.

— Позвать Капитошку! — объявляетъ, утирая губы и въ раздумьѣ шевеля бровями, дѣдушка.

И является Капитошка. Поклонится онъ, ставеть, какъ ни въ чемъ неповинный, у двери и молчитъ.

— Ну, все ли у васъ тамъ благополучно? — спрашиваетъ, нюхая табакъ, дѣдушка.

— Какъ вамъ, сударь, сказать... кажись бы все...

— А болѣзней никакихъ не слышно?

— Какъ не слышно! Есть...

— Какія же?

— А ходитъ одна, сказать бы и пустая, да такая, что руки и ноги у человѣка отнимутся, а то и попрыщеть...

— Слышите, гѣрценъка? — спрашиваетъ, глядя на жону, дѣдушка.

— Слышу, — отвѣчаетъ, сердито глядя поверхъ очковъ на Капитона, бабушка.

— Ну, а погода? — допытываетъ баринъ, начиная опять на колыняхъ разстилать и свертывать носовой платокъ.

— У васъ тутъ, сударь, еще бы и ничего, — отвѣчаетъ на заданный урокъ Капитонъ: — а вотъ стенью сейчасъ я шелъ, такъ и не приведи Богъ, какая тамъ собралась туча. Какъ выйдете въ поле, то будетъ дождь.

— Ну, иди же ты, Капитонъ, на кухню, да вели себѣ дуть водки и пирога, — а я лучше пережду.

Иванъ Яковлевичъ до того боялся грозы, что даже въ комнатахъ съ первымъ ударомъ грома приказывалъ запи- рать ставни и двери, зажигалъ лампады у образовъ, ложился среди бѣла-дня въ постель, голову прикрывалъ одѣя- ломъ и такъ лежалъ, пока удалялась гроза.

Но случилось, что Иванъ Яковлевичъ, наконецъ, и вы- ѣдетъ, да вспомнить, что въ то утро всталъ съ постели лѣвой, а не правой ногой, или увидитъ на улицѣ крестъ- на-крестъ ушавшія двѣ соломинки, или кто-нибудь въ де-

ревнѣ перейдетъ ему дорогу, то непременно возвращается, и къ новому отъѣзду соберется уже не скоро.

Жизнь Анны Васильевны на старости была вообще не легка. Сынovia были на службѣ, дочери замужемъ. Однѣ книги ее утѣшали. Твердая нравомъ, начитанная и умная старушка не унывала. Мужинно хозяйство, правда, шло до того плохо, что, при тридцати-сорока лошадей на конюшнѣ, иной разъ не на чемъ было выѣхать: лошади то хромали, то были заналены; а кучерь Иванко подчасъ докладывалъ, что пѣтъ ни единого цѣлаго и сноснаго хомута. Зато въ комнатахъ, благодаря хлопотамъ Анны Васильевны, всегда было чисто, уютно, свѣтло и пріятно пахло. Позолота на зеркальныхъ рамкахъ потускнѣла, правда, и потерялась, и Гаврюшка нерѣдко ходилъ съ прорванными локтями. Зато цвѣты по окнамъ были постоянно свѣжи и зелены. Полы въ комнатахъ бабы подметали вѣниками изъ душистыхъ травъ, вощили и вытирали сукопками. И если Анна Васильевна не всегда имѣла деньги на собственные необходимыя потребности, если сама она пила чай изъ безносаго чайника, зато муку кофе на завтракъ подавался не иначе, какъ въ серебряномъ, съ рѣзьбой и съ цвѣткомъ на крышкѣ, кофейникѣ и съ такою же сахарницей. Въ новый годъ прислуга не выбрасывала изъ дому сора, а оставляла его гдѣ-нибудь въ углу за дверью или подъ печкой, чтобы не вымести вонь изъ дому... счастья...

— Чтѣ жъ за «счастье» было у бабушки?

Анна Васильевна, лѣтомъ съ книгой на балконѣ, а зимой съ чулкомъ, склонясь къ промерзшему окну, по цѣлымъ часамъ стояла, глядя черезъ садъ на дорогу, въ дальнюю ихъ вотчину на рѣкѣ Богатой.

Тамъ-то и былъ «бабушкинъ рай»... И этотъ рай была бабушкина крестница — Груня.

Чуднымъ образомъ досталось это утѣшеніе бабушкѣ. Вышла какъ-то лѣтомъ Анна Васильевна въ старый пришибскій садъ, взглянуть, не осмыналась ли отъ мороза завязь на молодыхъ, посаженныхъ ею щенахъ. Она взглянула на яблони — «добрый крестьянинъ», на плодовитку и антоновку; взглянула на бергамоты и души... Все было благополучно. Она нарвала цвѣтовъ и ужъ хотѣла уйти, какъ

у корня груши-тошкѣвки, въ сочной, высокой травѣ, услышала какой-то шепкъ... Анна Васильевна склонилась къ землѣ, бережно раздвинула траву. Передъ ней, перебирая голыми ручками и ножками, копошилось крохотное, въ оборванныхъ пеленочкахъ, дитя.

Найденная подъ грушей дѣвочка была названа Груней, принята, вырощена и воспитана бабушкой. А когда Грунѣ исполнилось пятнадцатый годъ и она уже была обучена грамотѣ, шитью, домашнему хозяйству, рѣшѣно и даже игрѣ на клавесинахъ, Анна Васильевна рѣшилась съ нею разстаться.

«Дѣвка на возрастѣ и страхъ какъ хорошѣты! — думала про себя бабушка: — сылки то-и-дѣло изъ полковъ навѣдываются, сосѣдніе военные тоже какъ комары здѣсь толкутся, и одиъ изъ нихъ, этотъ картежникъ изъ сербовъ, майоръ Дучичъ, особенно сильно сталъ на Груню поглядывать... Надо ее сировадить подальше».

И Анна Васильевна, скрѣпя сердце и обливаясь слезами, сировадила Груню. Она снабдила ее одеждой и обувью, наставленіями, благословеніемъ и книгами и отправила ее за Донецъ, на Богатую, подъ надзоръ и руководство стараго и опытнаго, но хвораго управляющаго изъ нѣмцевъ, Флуга. Старикъ Флугъ въ скорости умеръ. — «Поставьте на его мѣсто Флугшу, — стала совѣтовать бабушка мужу: — нѣмка, почитай, и такъ при покойномъ всѣмъ тамъ заправляла. Управится и теперь. Особенно же при ней наша Груня; будутъ у нихъ для насъ масло и птица, будутъ, какъ слѣдъ, догляжены овцы, лошади и все наше добро». Мужъ согласился.

Груня привыкла къ хозяйству и дѣйствительно хорошо управлялась. Она часто переписывалась съ бабушкой. — «Живу хорошо, милостивая государыня и крѣстная матушка, — писала она, — только скучаю. Стѣнь, ни села кругомъ не видно, ни лѣса. Новый флигель, поодаль отъ батрацкихъ избъ, сколоченъ тепло, заборъ вокругъ двора высокъ и крѣпокъ, а на ночь мы ворота съ Миной Карловной запираемъ на замокъ. Ленъ цвѣтетъ — все поле голубенькое, какъ ситчикъ, что вы прислали. Овцы здравствуютъ, — табукъ съ нови бѣжитъ, земля дрожитъ, — а ужъ садъ да и огородъ у насъ, на рѣчкѣ Богатой — не чета, маменька, вашему: будутъ яблоки алорты, будутъ сливы-

безсѣмянки, будутъ черешни и бѣлая слива. Принасайте, крѣстная, меду: всего наваримъ. Да пришлите книжечекъ. Смерть, по вечерамъ, тоска. Прочла я «Наталью боярскую дочь»... Ахъ, какъ хорошо. А не вышло ли, маменька, продолженія «Онгина?» Да еще слышно, — купецъ тутъ съ бакалеей сбился съ дороги, у насъ кормилъ, — ходитъ, говорить, въ спискахъ стихи — «Горе отъ ума». Очень хвалить, и у него списано нѣсколько стихиковъ... Пришлите. Флугину лихорадка бьетъ, да и глазами хвораетъ. Итъ ли какихъ капель?»

Грунѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ. Высокая, темно-русая, степенная и гордая, съ полною, крѣпкою грудью, румяная и широкая въ кости, — Груня ходила съ увальцемъ, говорила медленно, будто нехотя, работала не сибѣна. Большия сѣрые глаза смотрѣли ласково... Станетъ она, не двигая ни рукой, ни бровью, улыбнется, — всю душу освѣтить. А ишла, забравшись въ поле или въ садъ, — не слушаешься.

«Ой, соберется онъ на Богатую, соберется! — мыслила, въ тоскѣ о своей питомкѣ и въ тревогѣ о мужѣ, Анна Васильевна: — Середняя, Ольшанка ближе къ дому, и дѣла тамъ вотъ какъ запущены, — а его туда не сдвинешь. На Богатую-жъ, въ такую даль, какъ разъ онъ угодитъ, — и не спохватишься... Да, да, угодитъ; и майоръ Дучичъ съ нимъ собирается... Недаромъ Иванъ Яковлевичъ сталъ толковать, что на табуль надо взглянуть. Ружья началъ чистить, — дичи, говоритъ, лисницъ, да дрофъ, но обернешься тамъ... Знаю, сударь, на какую дичь твой другъ сербнитъ мѣтить».

Съ унавшимъ отъ жалости и страха сердцемъ Анна Васильевна вздыхала, хмурилась, быстро перебирала страницами чулка и не отходила отъ оконъ, изъ которыхъ былъ виденъ путь за Донецъ, на Богатую.

Опасенія бабушки не сбывшесъ. Груня вскорѣ ускользнула отъ всякой опасности.

Бабушка продолжала навѣщать хуторъ на Богатой.

Особенно любила Анна Васильевна встрѣчать весну на хуторѣ. Поѣдетъ къ роднымъ на Самару или на Торонецъ, отговлеть тамъ въ великій постъ и зѣдетъ провѣдать Груню.

А Грунѣ пошелъ восемнадцатый годъ.

Февраль-бокороуи дохнулъ тепломъ, да не такъ, какъ слѣдуетъ. Колья заборовъ, углы хать и саравъ на подсолнечной сторонѣ съ утра затаили, а къ вечеру обмерзли опять. Мартъ еще держалъ и холодъ, и снѣгъ, хотя небо становилось ласковѣе, голубѣе. Вотъ Благовѣщенье, конецъ поста. Дружнѣе подулъ съ полдня знакомый, теплый и полный обаятельной нѣги вѣтерокъ. Старый табунщикъ Максимъ глянулъ въ окно, подтянулъ поясъ и говоритъ женѣ: «а что, Ганна, должно быть и весна на дворѣ?» — «Можетъ, и весна!» — отвѣчаетъ покорно и робко жена. И оба они выходятъ на порогъ хаты. жутко и весело взглядываясь въ заснѣвинную стѣнь. — «Пора барышниѣ доложить, пусть отпишеть господамъ, не размять ли табуна на волѣ, не выгнать ли коней хоть на старыя жнивья?»

Вышла и Груня за ворота. Кругомъ еще тихо. А бѣлыя перистыя облака беспокойно несутся надъ вздувшеюся отъ подпора стѣнныхъ водъ Богатой. Еще зарями морозить; еще по почамъ хруститъ подъ ногами. А въ лицо уже пахнетъ инымъ, щедрымъ, будто праздничнымъ тепломъ. Точно паръ молодого хмельнаго вина разлитъ и струится въ воздухѣ. И отъ каждаго вонеднаго съ надворы, отъ его одежды, лица и рѣчей — пахнетъ весной.

И вотъ весна пришла.

Огромный, исхудалый за зиму грачъ, звонко каркая, летитъ съ поля на выгонъ. Выглянуло солнце, глядитъ и не причется. Подъ его лучами залаяли родники, сугробы и намѣты. Все точно дымится, обрушается, шумитъ и плыветъ. Къ вечеру будто отпуститъ. Выйдетъ Груня на крыльцо: кругомъ тихо, только собаки на дальней овчарнѣ лають, да въ темнотѣ кое-гдѣ раздастся шелестъ подтаявшаго снѣга, неугомонное шушуканье и пошептыванье бѣгущей по скатамъ въ разныхъ уголкахъ и направлѣнїяхъ воды. Стоитъ Груня и слушаетъ, что говорятъ воды и что нашептываетъ весна? Все стихло, не слышать ничего. Но впотьмахъ у сарая что-то вновь зашепестило: вода понемногу скопилась, пробуравила дырку подъ соломой, сваленной у коновязи, закипѣла и точно ухнула и рѣзко пошла въдоль двора къ рѣкѣ. А не то мелкими, звонкими каплями, какъ горохъ или дробь, вдругъ посыплется что-то съ крыши, точно съ снѣжннй покровъ охватило налетѣвшимъ, бродячимъ тепломъ, и онъ подъ его струей затаилъ...

Прошелъ день-другой, прошла недѣля. Груню манить въ садъ. Изъ влажнаго, пригрѣтаго чернозема пробиваются первыя травы, тутъ же на солнцеекъ быстро и расцвѣтаютъ. Голубые прѣлѣски и бѣлые ландыши гнѣздятся между безлистныхъ еще деревьевъ. Явились лѣсточники, мотыльки. Цвѣтковые почки на вѣтвяхъ вздулись, и ихъ липкіе, душистые лепестки развертываются зелеными и бѣлыми кулачками. Еще день — вишень и терна не узнать: все сливается въ бѣлую стѣну, и запахомъ меда далеко несетъ отъ нихъ. Показались рои мошекъ и комаровъ. На тропинкахъ обозначились ямки пауковъ. Рогатый черный жукъ суетливо катитъ задомъ, черезъ былинки и сучки, скомканный изъ всякаго хлама шарикъ. Отозвалась кукушка. А вотъ и соловьи...

Сядетъ Груня на крыльцѣ, мысль ея далеко — съ Кавказскимъ плѣшникомъ, или съ цыганомъ Алеко. Дворъ хутора на взгорьѣ. За выгономъ вѣтви и вправо — неоглядная степь, на днѣ широкаго лога — извилины рѣчки Богатой, а за рѣкой — опять взгорье и опять синяя, гладкая степь, все это видно съ крыльца, какъ на ладони. Во дворѣ тихо. Рабочіе, старъ и младъ, ушли на посѣвъ. Овцы и лошади пасутся далеко по буграмъ; за косогоромъ ихъ не видно. Солнце грѣетъ. Птицы затихли. И ни одинъ звукъ не долетаетъ до Груни. Развѣ хлопотунъ-пѣтухъ, роясь въ кучѣ сора, отзовется на отомеднѣхъ къ сторонкѣ куръ, да согнанная коршункомъ или коншкой стая голубей съ шумомъ взлетитъ съ овчарни или съ мельницы и, кружась, унесется къ вербамъ на луга...

Груня смотритъ на голубей, на сарай, подъ которымъ кучей свалены зимнія дровни, на всякую домашнюю рухлядь, развѣшенную Флугней по веревкѣ, между погребомъ и амбаромъ, на заячьи тулузы, наволоки, кофты, одѣяла, платки и мѣшки. Посидитъ Груня, вздохнетъ и идетъ въ садъ. А тамъ, въ сочныхъ травахъ и въ кустахъ, кишитъ домовитая хлопотня пѣвчихъ птичекъ и звѣрковъ. Въ земляныхъ, листовенныхъ и древесныхъ тайникахъ вездѣ пищать, копошатся, звенять и шуршать новорожденные крылатые и четвероногія семьи. А въ воздухѣ жарче и жарче. Земля накаляется. По стени, волнуясь, ростя, опять исчезая, движутся исполнскія туманцыя марева... Скоро на кольяхъ заборовъ и на высохшихъ былинкахъ явится во-

строносенькая, вѣчно-чиликающая, «птичка-жажда». Загремятъ страшныя грозы, прольются шумныя дожди...

Грунѣ исполнилось девятнадцать лѣтъ.

Въ концѣ зимы того года, ѣздивъ съ Флугшей въ церковь ближняго села, Груня простудилась и пролежала въ горячкѣ большую часть великаго поста. Бабушка присылала къ ней фельдшера и сама ее навѣстила на страстной недѣлѣ. Много въ эту зиму въ степи болѣло людей. Старый табуищикъ Максимъ умеръ и на его мѣсто Иванъ Яковлевичъ прислалъ отъ себя другого наѣздника, Родьку, но прозвищу Бѣлогубова. О смерти и о похоронахъ Максима, а равно о присылкѣ Бѣлогубова Груня знала смутно, по слухамъ, изрѣдка доставившимъ въ свѣтелку, гдѣ она томилась въ болѣзни. На часку Груня оправилась. Еще блѣдная, худая и слабая, она пріодѣлась, накупила на голову платокъ и, пошатываясь, отъ скуки вышла на крыльцо, а оттуда въ садъ.

Быль конецъ апрѣля. Вечерѣло. Овцы шли къ водоною. Табуи рѣзво несся по стени домой.

Груня потянула грудью свѣжаго воздуха и закрыла глаза отъ блеска солнца, тонувшаго за рѣкой, да отъ запаха распускавшихся деревъ и цвѣтовъ. Никогда еще весна такъ не плѣняла и не чаровала Груни. Слезы покатались у нея по лицу. Она присѣла на коцкѣ, склонилась головой на руки и сперва тихо, потомъ громче и громче, съ перебивами заиграла нѣкогда модную пѣсню, которой за клавишномъ выучилась у крестной:

Я бѣдная пастушка,
Весь міръ мой—этотъ лугъ;
Собачка мнѣ—подружка,
Барашекъ—милый другъ...

За спиной Груни слышались шаги. Что-то зашелестило въ кустахъ. Она смолкла, оглянулась. Раздвинувъ вѣтви вишенника, передъ нею, безъ шапки, стоялъ высокій, статный человекъ: въ сѣромъ старенькомъ, обхваченномъ ремнемъ армякѣ, на поясѣ—подниклокъ, ножъ и ланцетъ, самъ онъ русый, борода чуть пробивается, молодое, обвѣтренное лицо и ласковые, веселые и вмѣстѣ робкіе глаза.

— Штушки, сударынька! это вамъ-съ!..—сказалъ подонеднѣй разжимая широкую, мозолистую ладонь.

Груня взглянула: передъ ней на протянутой рукѣ сидѣли рядкомъ, шевелись и раскрывая желтые, мягкіе посы, двѣ, чуть обросшія сѣрымъ пухомъ, птички.

— Что это?— спросила Груня.

— Птушки, сударынька, жавороночки! а може и скворцы... не бойтесь, это вамъ...

— А ты самъ кто такой?

— Новый табуницкѣ, Родька, коли изволили слышать.

Груня встала.

— Ну, Родивонъ, сдѣлай же ты мнѣ божескую милость.— сказала она:— отнеси ты этихъ птишекъ туда, откуда ихъ взялъ. — Это — соловьи. Пусть себѣ живутъ... Да бережно, смотри, положи, чтобъ соловыха не откинулась. А за вниманіе благодарствую...

Съ этими словами Груня ушла. Поглядѣвъ ей вслѣдъ Родивонъ, вздохнулъ и, почесывая затылокъ, долго не сходилъ съ мѣста. Какъ стемнѣло, онъ спустился въ ягодные кусты, положилъ птицъ въ гнѣздо, въ сборную избу ужинать не зашелъ, а сѣлъ на коня, шевели плеткой, тихо выѣхалъ въ степь, и Груня изъ своей свѣтелки слышала, какъ по темному бугру за рѣкой, на привольи, раздалась его заунывная пѣсня:

«Охъ, и гдѣ жъ ты, гдѣ же,
Милъ сердечный другъ?»

Съ той поры Родивонъ не выходилъ изъ головы Груни. Она пригласилась отъ него, избѣгала его, но невольно слѣдила за всѣмъ, что онъ дѣлалъ и что о немъ говорили.

Въ средній мая на Богатую пришли подводы, забирать продажную кушамъ проплодную ишеницу и кое-что изъ запасовъ льна. За болѣзнью Флугни кули вѣселъ и, какъ грамотный, по списку отпускалъ, подъ надзоромъ Груни, Родивонъ. Первые возы нагрузились и съ купеческимъ приказчикомъ уѣхали; стали грузиться вторые; подводчики устали и пошли обѣдать. Въ прохладномъ, пахнувшемъ мукой и развѣшенными новыми вѣниками, амбарѣ остались только Родивонъ да Груня. Поглядывая на Груню, Родивонъ карандашомъ выводилъ послѣднія отмѣтки въ амбарномъ спискѣ. Груня зѣвнула.

— Это у васъ, барышня, какое колечко?— спросилъ Родивонъ, встряхивая заплепными мукой кудрями.

— Сердолокъ, крестной подарокъ!—отвѣтила Груня, протягивая руку.—Да что ты, непутный, поди, мукой всю переначкаешь!—крикнула она, смѣясь и съ силой отталкивая Родивона:—ой, да не жми жь такъ, больно... пусти... Мину Карловну позову...

Родивонъ не отступалъ. Онъ крѣпче обнялъ Груню, подхватилъ ее отъ полу, какъ перышко, посадилъ на куль рядомъ съ собою и сказалъ:

— Что жь, сударыня, кричите; одинъ, видно, мнѣ конецъ...

— Да пусти жь ты, сумасшедшій, что затѣялъ! одумайся! ой!..

— Нечего мнѣ, барышня, думать. Сердце изныло. Одна дорога: либо петля, либо въ воду... День хожу, какъ шальной, ночи не сплю—помutilа меня твоя красота, Грунюшка...

Тренеть пробѣжалъ по тѣлу Груни. Она вскинулась, искоса поглядывая на Родивона.

— Ахъ, отчего я не богатый, да не знатный!—продолжалъ Родивонъ:—не пойдешь за простого, не отдадутъ такой крали за сермяжника...

Груня вырвалась отъ Родивона.—«Руки коротки!—сказала она, толкнувъ его такъ, что тотъ о закромъ ударился спиной.—Мнѣ Карловнѣ, вотъ ей-Богу, все расскажу!»—прибавила она, безъ оглядки уходя изъ амбара. А когда вечеромъ уѣхали послѣднія подводы, Груня вышла на крыльцо, подозвала Родивона, взяла у него амбарные списки и, не уходя въ горницы, спросила: «кто ты родомъ и отколь къ господамъ нашимъ взялся?»

— Княжескій я,—иѣсколько замямившись, тихо отвѣтилъ Родька:—въ пѣвчихъ былъ—не вытерѣлъ; въ егеряхъ—не по праву пришлось; лошадей любить—пу, съ тѣмъ и остался...

— Какъ же ты къ господамъ-то къ нашимъ присталъ?

— У лѣкари, у Егора Фадденча Слѣзиевскаго, сперва кучеромъ ѣздилъ, а онъ меня и къ вашимъ господамъ направилъ.

— По паспорту, что ли, ходишь?

— Мы оброчные,—еще тише отвѣтилъ Родька.

— Есть же у тебя отецъ, мать?—допытывала Груня, поглядывая на стоявшаго передъ ней безъ шапки молодца.

— Какъ перстъ, барышня, одинъ, какъ перстъ, на свѣтѣ...

— Ну, иди же, Родивонъ, къ себѣ, да впередъ не смѣй озорничать. Не то, поссоримся.

— А книжечки, сударыня, нѣтъ ли почитать?— лукавыми карими глазами усмѣхнулся Родька.

— Послѣ приходи... Найду, сама тебя кликну и отдамъ... а самъ не смѣй! — сказала, вся покраснѣвшись, Груня, обернулась и ушла къ себѣ въ горницу.

Копчился май. Началась косовица, полотье огорода и льна. Груня ходила въ поле къ гребцамъ и къ попольщикамъ въ огородъ и на луга. Не зимняя пора. Весело и размяться, несмотря на зной и духоту. Вездѣ въ часы роздыха неслась болтовня словоохотливыхъ захожихъ поденщицъ. Бабы толковали о хозяйствѣ мужей, дѣвки о женихахъ да нарядахъ. И всякія тайны сосѣдокъ-хуторянокъ при этомъ неволью узнавала Груня: гдѣ парни хорошіе и гдѣ дурные, и кто кого любитъ и съ кѣмъ знаетъ, и кто кого гонитъ, или за кого собирается замужъ. Вопль загорѣлая, статная, съ черными бровями и русой косой красавица, бросивъ грабли, божится, что нѣтъ на свѣтѣ лучшаго, какъ ткачихинъ сынъ; но она его прогнала и не пуститъ къ своей хатѣ, хоть убейся онъ. Другая, худощавая, блѣдная, забитая лихорадкой, лежитъ подъ конной и, закинувъ руки за красивую голову, шепчетъ подругѣ, какъ въ воскресенье, въ слободѣ, ее затронулъ у церкви поповичъ и что она при этомъ отвѣтила, и какъ, оставивъ своихъ, она уже и слободу миновала, а поповичъ все за нею, все за нею, идетъ и проситъ, чтобъ она вечеромъ вышла къ нему постоять за ворота. И всюду любовь, всюду нѣга, всюду голосъ, зовущій къ иной, неизвѣданной, чудной жизни...

Гребцы идутъ нестрыми рядами по свѣжимъ покосамъ, а Груня глядитъ въ даль, гдѣ по синѣющему пригорку Родивонъ водитъ на просторѣ вольный табунъ. Соберется Груня съ дворовыми стряпухами въ сосѣдній лѣсокъ по грибы,— Родивонъ уже тамъ: подойдетъ къ ней, ласковыя рѣчи ведетъ, застѣячивъ, глазъ на нее не поднимаетъ, а съ другими зубы скалитъ, нѣсен во все горло поеть. «Такъ, такъ! Онъ полюбилъ меня, оттого и стыдится!»—думаетъ Груня, съ кузовкомъ грибовъ идя домой.

«А колы не суженый?—размышляла какъ-то Груня, погасивъ свѣчу и собираясь ко сну въ своей горницѣ,—отдадутъ меня за чиновника, отдадутъ за офицера... Да будетъ ли тотъ такъ любить? Простой, подневольный человекъ...»

Лишь бы не обмануль, — крестная выкупить его у князя... Смышленный, умный такой, да работящий; все знаетъ, грамотный, — ему быть не при лошадахъ... Ему цѣлой вотчиной править, такъ не испортить дѣло»...

Груня откинула пологъ кровати, распустила косу, приѣла и, не раздвигаясь, стала глядѣть въ окно. Полный мѣсяцъ плылъ въ ясномъ небѣ. Кудрявая акація, не шелхнувшись, стояла на садовой полянѣ противъ окна. Тихо. Только кузнечики трещатъ по дугамъ, да изрѣдка на птичномъ дворѣ крикнетъ иѣтухъ, и ему прерывистымъ, звонкимъ баскомъ вторять молодые, подрастающіе иѣтушки.

Что-то зашелестило подъ окномъ. Груня привстала, слушаетъ. Чья-то рука будто скользитъ по стеклу, нажимаетъ раму. Рама отворилась. «Боже! неужели воры? — подумала, мертвѣя отъ страха, Груня, — съ нами крестная сила! » Она спряталась за положокъ.

— Барышня, вы не спите? это я! — шепчетъ изъ саду тихій голосъ.

— Да кто ты, говори! или я крикну...

— Не кричите, барышня, это я... Родивонъ...

— Что тебѣ?

— Книжечки иѣтъ ли? скука... смерть — тоска! — шепчетъ Родивонъ.

— Нашель, безпутный, въ какое время книжку просить! Поди, говорю тебѣ, поди... чтобъ и духу твоего не нашло! какъ можно! такая пора...

— Да вы, сударыня, слушайте не бойтесь... да вы только подойдите сюда, къ окну... Хоть словечко промолвите...

«Встать ли? подойти ли къ нему, озорнику?» — разсуждала, не выходя изъ-за полога Груня. А ночь тиха, свѣтъ мѣсяца щедро летится. Медвяный запахъ цвѣтущихъ лиць врывается въ открытое окно...

Въ началѣ іюля Анна Васильевна получила отъ Груни письмо, съ просьбой о благословеніи и о разрѣшеніи ей выйти замужъ за Родивона. Сильно озадачила и огорчила эта вѣсть старуху. Она ни словомъ не проговорилась о томъ мужу, а велѣла запрячь крытыя дрожки, сѣздила на Богатую, посоветовалась съ Флугиней, разспросила Груню, потребовала къ себѣ на глаза Родьку и, давъ ему добрую годовомойку, кончила тѣмъ, что благословила его на бракъ

съ Груней. Свадьбу сыграли въ ту же осень въ Прішибѣ. Родька сталъ именоваться Родивономъ Максимычемъ и получилъ званіе конторщика, а въ слѣдующемъ году, когда умерла Флугна, Грунѣ и Родивону было передано и все управленіе хозяйствомъ на Богатой.

Отлично зажила Груня съ мужемъ. Черезъ годъ у нихъ родилась дочь, которая также удостоилась быть крестницей Анны Васильевны. Груни завѣдывала коровами, птицей, садомъ и огородомъ; Родивонъ Максимычъ—овцами, лошадьми и хлѣбопашествомъ. Доходы съ Богатой удвоились. Не хвалится новыми хозяевами далекаго хутора Иванъ Яковлевичъ. А ужъ объ Аннѣ Васильевнѣ и говорить нечего—она души въ нихъ не чаяла.

— Да кто жь онъ, матушка, кто этотъ ваиъ новый управляющій? — спрашивали Анну Васильевну любопытныя сосѣдки.

— Четвертинскаго князя крѣпостной, изъ дворовыхъ, съ Литвы, а проживалъ при барскомъ домѣ въ Москвѣ. Былъ у насъ прежде почитай конюхомъ, а вонъ, за отличіе да за стараніе, чѣмъ его мужъ мой пожаловалъ.

— Вы его, матушка, выкунили?

— Самъ выкупился; безъ того я крестницы за него не отдавала.

И дѣйствительно, Бѣлогубовъ съѣздилъ въ Москву и передъ вѣначаліемъ привезъ оттуда отпускную. Все шло хорошо. Только самъ Родивонъ Максимычъ сталъ что-то неспокоенъ: по-часту охаетъ, ходитъ задумчивъ, мало разговариваетъ, а ужъ жену любить—но наглядитесь на нее, да и съ дочкой-подросточкомъ такъ ласковъ да вѣженъ, съ рукъ ее не спускаетъ, слезы потихоньку утираетъ, любясь на нее.

— Что ты, Родя, печалишься будто? — спрашиваетъ его Груня: — изъ-за чего думы твои? или ты чѣмъ недоволенъ, или я тебѣ не угодила?

— Вѣмъ я, Грунюшка, доволенъ, оттого и мысли мои... Ну, думаю, какъ все это кончится? Ну, какъ ничего не станетъ у меня, ни тебя, ни дочки, ни всего?

— Какъ не станетъ и отчего? Бога ты гнѣвишь, Родя, и не добро думаешь.

— Одночо... постои, отвѣть: а что... вдругъ, — ну, какъ вы померете, или кто васъ отберетъ?

— Полно, пустяки говоришь. Я думала, о чемъ о другомъ онъ заботится... А ты о смерти... пустяки! Всѣ мы подъ Богомъ, всѣ подъ Его волею, Онъ насъ и помируетъ. Лучше ты бѣглыхъ вонъ тутъ не держи. Самъ толкуешь про становаго, про Сидора Акимыча, не человекъ, а звѣрь.

— Полно, Груня, будто бѣглецы не люди! Жаль ихъ, да и работаютъ какъ... А обо мнѣ ты не думай, это пройдетъ...

Родивонъ, однакоже, не унимался: похудѣлъ, опустился, даже старфе будто сдѣлался на нѣсколько годовъ. И началось это съ той поры, какъ онъ съѣздить на ярмарку продавать выбрапныхъ изъ табуна лошадей. На ярмаркѣ, между всякимъ народомъ у кабака, его узналъ какой-то рыжій и невзрачный съ виду, загулящій побродяжка. Родивонъ сильно смѣшался при видѣ этого человека и сперва на его привѣтъ не признался; но потомъ они пошли въ трактиръ и больше сутокъ тамъ угощались. Загулящій человекъ, на радости отъ встрѣчи съ старымъ пріятелемъ, остался мертвецки пьяный подъ лавкою трактира, а Родивонъ носкорѣе уѣхать домой, но съ той поры его какъ въ воду опустили: совсѣмъ сталъ иной.

Эти заботы, спустя нѣкоторое время, какъ будто и прошли. Родивонъ съ виду сталъ спокойнѣе. Но къ зимѣ онъ получилъ откуда-то письмо и опять закручинился; началъ искать денегъ взаймы, добылъ, сколько могъ, и выслать ихъ куда-то, а прежняго спокойствія не видитъ.—«Откуда письма получаешь?» допытывала жена.—«Отъ родныхъ, изъ нашихъ мѣстъ», отвѣчалъ Родивонъ, но писемъ жегѣ не показывать.

Какъ-то, въ Спасовку, написала Анна Васильевна къ Грунѣ письмо, что сильно соскучилась по ней и что хорошо бы Груня сдѣлала, если бы, пока тепло, собралась и навѣстила ее съ дочкой.

— Что, ѣхать ли намъ къ крѣстной? — спросила мужа Груня.

— Нѣтъ, обожди.

— Какъ ждаты! Спасовка вонъ проходитъ, скоро Успеневъ день, пчелу ~~...~~ мѣрить, медъ къ господамъ отсылать; а мы бы при этомъ случаѣ и съ Параней поѣхали.

— Поѣдень послѣ Воздвиженья! день надо молотить на сѣяна—я одинъ не управлюсь.

Но и пчелу поморили, и медъ послали, и Успеневъ дѣнь прошелъ, а Родивонъ не отпускалъ Груни за Донецъ.

Въ концѣ августа стояла особенно жаркая погода. Родивонъ съ утра верхомъ, а послѣ обѣда на бѣговыхъ дрожкахъ обѣхалъ поля. взглянуть, какъ пасутся овцы и лошади, повѣрилъ счетъ подводъ, перевозившихъ остальные конны на гумно, и навѣстилъ грабарей, рывшихъ въ степи новый прудъ. Онъ возвратился на вечерней зарѣ до-нельзя усталый, наскоро поужиналъ, перемолвилъ нѣсколько словъ съ женой, поинутилъ съ дочкой и ушелъ спать.

Долго Груня возилась съ уборкой посуды и съ отдачей разныхъ приказаній, сходила за мужа въ амбаръ и въ кладовую. Спать ей не хотѣлось. Изъ головы у нея не шли слова, вскользь сказанныя мужемъ за ужиномъ. — «Всеки порядки бываютъ, — замѣтилъ онъ, доѣдая поросичій бокъ съ кашей: — вотъ бы вольныя, значить, отпускныя... Иной тебѣ вчешетъ туда такое словцо, что послѣ и не расхлебашь». — «Да ты это чтó?» — спросила, похолодѣвъ отъ страха, Груня. — «Ничего... это я про одного нашего землячка вспомнилъ, — отвѣтилъ со вздохомъ Родивонъ: — да и становой оный въ голову пришелъ. Ужъ точно Иродъ, не человекъ, какъ есть душегубъ; намедни пяттерыхъ бѣглыхъ изловилъ на Терновой и всѣхъ уперъ въ кандалы, да въ острогъ... Есть тоже такой баринъ, графъ Аракчеевъ, коли слышала, — къ тому понадѣсь, живого съѣсть...» — «Да вѣдь онъ въ Питерѣ, при царѣ служитъ», — сказала Груня. — «Въ Питерѣ-то, въ Питерѣ, а подъ землей всякаго найдетъ, коли захочетъ... Чай слышала, къ Чугуеву ужъ подбирается...»

Все, наконецъ, затихло въ горницахъ. Груня взглянула на спавшую въ углу за шкаломъ Парашу, помолилась, раздѣлась, тоже легла и заснула.

Спитъ Родивонъ, да неспокойно, по временамъ вздрагиваетъ и мечется. Спится ему, что онъ изнываетъ отъ духоты. — «Охъ, хоть бы вѣтеръ нахнулъ въ лицо, — думаетъ онъ, — хоть бы глотокъ студеной водицы...» Странныя грѣзы порхаютъ надъ его изголовьемъ...

Красное, въ веснушкахъ, отекающее, пыльное лицо склоняется надъ нимъ, сѣрые безстыжие глаза смѣются, рыжая борода щекочетъ ему губы и носъ. — «Ха-ха-ха! поймайся, Родька, поймайся, землячекъ! — хохочетъ на всю компаню

пьяная рожа:—вставай, арестантъ! вонъ онъ, вотъ! ха-ха-ха! тебѣ хорошо, мнѣ худо... берите его...»—Тыфу ты, сгинь!—отмахиваясь руками, изъ всѣхъ силъ плюнулъ на стѣну Родивонъ.

Онъ вскочилъ, присѣлъ на кровати, протеръ глаза. Въ комнатѣ мертвая тишина. Полный мѣсяцъ смотритъ съ неба. Чебрецомъ и калуферомъ пахнетъ изъ огорода, и чудные, серебрястые звуки несутся въ окно. Звенить, звенить что-то тамъ въ сверкающей дали, за рѣкой, смолкнетъ и опять отзовется, будто спускается со взгорья, ближе и ближе подплываетъ къ рѣкѣ.—«Батюшки-свѣты! колокольчикъ!—спохватился Родивонъ:—это полиція... меня ищутъ... Куда дѣться?»

Онъ бережно, мимо Груни, слѣзъ съ кровати, нѣсколко одѣлся, отыскалъ вьютьмахъ ведро съ водой, перегнулъ его, жадно отпилъ разъ и другой и бросился къ окну. Во дворѣ ни звука. Хромая дворовая собаченка Стрѣлка, наставя чуткія уши, лежитъ на мѣсяцѣ у крыльца. Она увидѣла хозяина, легонько помахала хвостомъ, встала и, ковыляя, побѣжала въ садъ. Родивонъ за нею. Выскочила собачка на освѣщенную мѣсяцемъ дорожку, постояла, поджавъ лапку, у одного куста, у другого, скусила верхушку какой-то травки, вѣжливо пожевала ее, перепрыгнула черезъ канавку, обнюхала какой-то бугорокъ, уставилась носомъ за рѣку и вдругъ замерла, точно слыша что-нибудь въ той сторонѣ. А въ ушахъ Родивона опять шумъ и звонъ... Затихая и вновь раздаваясь, несутся серебрястые звуки: тень-тень... тень...

«Милочка, Стрѣлочка! да ты врешь, обозналась! никого нѣту!» готовъ былъ молить собаченку Родивонъ. И вдругъ его какъ варомъ обдало. Онъ вздрогнулъ, судорожно двинулся по поясъ въ высокую душистую траву и замеръ. Прохладнымъ лужкомъ съ зарѣчнаго бугра явственно донеслось фырканье одной лошади, другой, и негромкое постукиваніе бережно катившихся колесъ.—«Крадутся! колокольчикъ подвязали!—пронеслось въ головѣ Родивона:—не къ кому больше, какъ ко мнѣ...»

Кликнувъ собачонку, чтобъ та не разлаялась, Родивонъ бросился въ комнаты, разбудилъ жену и нѣсколко разсказалъ ей въ чемъ дѣло. Та ахнула, заметалась.—«Звать ли кого изъ людей?»—«Не зови никого... Пронадать видно! самъ управлюсь...»

Черезъ часть, за бѣлою скатертью, установленной всякою снѣдью и флягами, передъ пыхтѣвшимъ самоваромъ, при свѣчѣ, сидѣлъ низенькій, сѣденькій, лысый и сутулочатый, въ разстегнутомъ мундирѣ, при шпажонкѣ, становой. Родивонъ, съ заложеными за спину руками, растерянно и покорно стоялъ передъ нимъ. Груня, чуть живая отъ страху, выглядывала на нихъ въ дверь изъ сосѣдней комнаты.

— Дверь въ сѣни заперъ? — спросилъ, уписывая поро-сенка, становой.

— Заперъ.

— Никто не знаетъ, что я прѣхалъ?

— Никто.

— Гдѣ кучерѣнокъ?

— На птичью, за дворъ отвелъ.

— А лошади?

— Въ конюшню къ корму поставилъ.

— Ворота?

— На засовѣ.

— Такъ какъ же?

— Чего-съ?

— Отдасишь тройку бѣлоногихъ на придачу?

— Къ чему на придачу-съ?

— Десятокъ овецъ отпустишь, коровенку тамъ какую, или двѣ, суконца на бешметъ...

— Много будетъ, ваша милость! — проговорилъ Родивонъ: — нельзя ли поменѣе?.. Я подначальный! взыщется... Господа притомъ строгіе...

— Строгіе? — засмѣялся становой: — знаю я ихъ лучше тебя! А это, читай... чтѣ... «Доношу вашему благородію, что на рѣчкѣ Богатой, по фальшивому виду... проживаетъ...» ну-ка, читай, братецъ, самъ: «проживаетъ бѣглый, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева крѣпостной слуга, Василій Ильинъ, сынъ Самопаловъ... А бѣгалъ онъ трижды и сидѣлъ въ острогѣ въ Муромѣ, да сидѣлъ же въ Херсонѣ и въ Бахмутѣ... и мнѣ про то доподлинно извѣстно... мѣщанинъ Исай Перекатовъ...»

— Исайка, ваша благородіе, вретъ; онъ по злобѣ...

— Не вретъ, я тебѣ докажу... Ты—Васька, а не Родивонъ, Самопаловъ,—а не Бѣлогубовъ... Лучше признавайся, да помиримся; а то будешь меня помнить. Хе-хе... Черезъ часть, черезъ два, знай ты это, подойдутъ понягые. Письмо-

водитель съ сотскимъ въ Чунихной остался; чуть зорька выглянетъ, всё будутъ здѣсь... Такъ согласенъ? Помни—связку, а тамъ—въ кандалы и въ Сибирь... что въ Сибирь? хуже! къ самому графу Аракчееву по этапу перешлю... Онъ те вчешетъ—съ живого кожу сдеретъ! Хе-хе...

— Смилуйтесь, Сидоръ Акимычъ! смилуйтесь!—не своимъ голосомъ взмолился Родивонъ: — все берите; не погубите только жены, да маленькой дочки.

— Да ты, можетъ, и взанравду не графа Аракчеева крѣпостной, а князя Четвертинскаго вольноотпущенный?— шутилъ, хмелѣя отъ старой Флугшиной занекалки, становой.

Родивонъ уналъ ему въ ноги.

— Гдѣ состряпалъ паспортъ? — крикнулъ, затонавъ на него, становой.

— Въ Бердянскѣ у жида купилъ.

— У Герцика? знаю... А отпускную гдѣ добылъ?

— Тамъ же.

— Что даль?

— Два золотыхъ.

Становой покатился со смѣху.

— Вотъ, сударыня, — обратился онъ къ подошедшей Грунѣ, наливая стаканъ: — за вашу хлѣбъ да соль готовъ я вамъ помочь. А опрометчиво поступили, опрометчиво... неужели многочтимая, столь высокога ума и характера дама, Анна Васильевна, ваша крѣстная матушка, — я ихъ довольно знаю и ручку имъ не разъ цѣловалъ! — неужели, говорю, не нанла бы она вамъ лучшаго сокола? Эхъ, эхъ... А занекалка — мое почтеніе!.. вѣчная память Минѣ Карловиѣ, — я ею и равно покойнымъ мужемъ ся много поштованъ!.. Что, любезный?—обратился становой къ Родивону: — не слыхать ли понятыхъ? не пришли еще?

— Не видно что-то, — отвѣтилъ Родивонъ, взглядывая въ окно.

— Такъ готовъ, душенька ты моя, бѣлоногихъ... Рѣзвы, ухъ рѣзвы! Видѣлъ, какъ ты на чортовыхъ жеребцахъ по ярмаркамъ свою кралю-сударушку покачивалъ... Готовъ, а я тѣмъ временемъ маленько сосну... Да ты не бойся: все теперь у насъ будетъ гладко, пинто! Никто, опричь меня, про доносъ этотъ не знаетъ, даже и письмоводителю я не показывалъ... Рыло у него нечисто... Понятыхъ тѣмъ же часомъ отпущу назадъ и нанину, куда слѣдуетъ, что нѣтъ-

моль такого въ здѣшнихъ мѣстахъ; а про подарки ты выдашь мнѣ росписку, что деньги за все сполна получились...

«Слава тебѣ, Господи! слава!» — не помня себя отъ радости, взмолилась Груня, когда становой погасилъ свѣчу и, примостясь на лавкѣ, захрапѣлъ въ первой горницѣ, а Родивонъ ушелъ ему готовить тройку бѣлоногихъ.

— Ыдемъ, — шепнулъ, входя къ женѣ впопыхахъ, Родивонъ.

— Куда?

— Нечего толковать. Буди и бери Параню, да захвати хлѣба, одежды. Послѣ все разскажу.

— Да онъ же поладилъ съ тобой, согласился! — лепетала, дрожащими руками одѣвая дочку, Груня.

— Знаю я ихъ, ненасытныхъ волковъ. Дай ему только палець въ глотку, всю руку слопаеть. Пропали мы, пропали... Скорѣе сваряжайся, скорѣй... Люди не скоро сойдутся, — успѣемъ уйти: загоною коней до смерти, а сто верстъ проскачу. Въ Бахмутѣ есть пріятель, далѣе отъ него уйдемъ... въ Анапу или за Кубань.

Родивонъ хотѣлъ-было сразу порѣшить съ становымъ, да раздумалъ. Пошаривъ потомъ съ фонаремъ на чердакѣ и вкругъ дома и раздумывая, не повѣситъся ли? онъ возвратился къ женѣ, поднялъ у нечки топоромъ половицу, вынулъ оттуда кожаный поясъ съ деньгами, снялъ со стѣны ружье, перекрестился на образъ и вышелъ на крыльцо.

На дворѣ чуть начинало бѣлѣть. Запряженная тройка бѣлоногихъ, какъ вкопанная, стояла на привязи у крыльца.

Родивонъ усадилъ въ телѣгу Груню съ дочкой, бросилъ къ нимъ кое-какіе пожитки, бережно растворилъ ворота, самъ сѣлъ на облучокъ, снялъ шалку, еще разъ перекрестился, прислушался. Вездѣ было тихо. Только въ сосѣдней слободкѣ за бугромъ, какъ бы по волку, тивкали собаки.

Телѣга безъ шума выѣхала за ворота, спустилась на темный еще дугъ, стала переваливать за косогоръ. Родивонъ беспокойно задвигался, подобралъ вожжи и сперва рысью, потомъ вскачь пустил храпѣвшихъ и рвавшихся жеребцовъ.

— Охъ, да что же это? что? — заговорила въ страхѣ, оглядываясь, Груня: — никакъ у насъ, Родивонъ Максимычъ, пожаръ?

Родивонъ съ трудомъ переводилъ дыханіе и молчалъ. Онъ

крѣпче надвинулъ шапку на уши, крѣпче налегъ на бѣлоногихъ, и тройка, выбравшись на дорогу къ Волчьей, скрылась за горой, въ то же время, какъ начавшійся за спицами бѣглецовъ пожаръ далеко освѣтилъ долину Богатой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ хуторъ и гдѣ Богатая сливалась съ рѣчкой Богатенькой.

Домъ, гдѣ спалъ мертвецки-пьяный становой, вспыхнулъ и горѣлъ, какъ свѣча. Не успѣли сбѣжаться изъ задворныхъ избъ разбуженные ревомъ скотины и гуломъ огня батраки, не успѣли подойти завидѣвшіе пламя понятые, отъ новаго дома Ивана Яковлевича остался одинъ пепель.

Письмоводитель далъ знать въ городъ. Явился исправникъ. По окончаніи слѣдствія, былъ составленъ протоколъ, а въ протоколѣ было сказано: «По Божьему изволенію, такого-то года, мѣсяца и числа, на хуторѣ лейбъ-гвардіи прапорщика Д**, отъ неизвѣстной причины, въ глухое ночное время, приключился пожаръ. А на томъ пожарѣ, кромѣ лошадей, коровъ и прочаго имущества владѣльца, сгорѣли: становой приставъ, Сидоръ Акимовъ Солодкій, со всѣми его бумагами, пара обывательскихъ коней, съ повозкою, и управляющій тѣмъ хуторомъ вольноотпущенный, Родивонъ Максимовъ Вѣлогубовъ, съ женою Аграфеною Ивановою и съ малолѣтней дочкой Прасковьей! Въ чемъ и подписуемся...»

Вѣсти о пожарѣ на хуторѣ и о гибели управляющаго съ семьей сильно поразили Ивана Яковлевича и Анну Васильевну. Дѣдушка рѣшилъ раздѣлаться съ землей и со всѣмъ хозяйствомъ на Богатой. Бабушка мужу не перечила. Это имѣніе вскорѣ было продано курскому второй гильдіи купцу, Ивану Михайловичу Слатину. Иванъ Яковлевичъ былъ доволенъ тѣмъ, что вырученными деньгами уплатилъ немало особенно тяжелыхъ долговъ. Анна Васильевна была зато неутѣшна.

— Нѣтъ моего рая, нѣтъ Грунюшки, — толковала старуха: — погибла моя Груня, съ мужемъ и съ дочкой, да еще какою страшною смертію погибла! И все я виновата, я... Зачѣмъ боялась, зачѣмъ ее туда отослала?..

Прошелъ годъ и два, прошло нѣсколько лѣтъ. Умеръ и дѣдушка Иванъ Яковлевичъ.

Аннѣ Васильевнѣ, по его кончинѣ, не жилось болѣе въ старомъ пришибскомъ домѣ. Она тосковала, не знала куда

дѣтся, и почасту гостила въ лѣсномъ домицѣ, при винокуренномъ заводѣ, въ Курбатовомъ.

Нѣкто г. Баженовъ, борисоглебскій улаля и мѣстный поэтъ, за много лѣтъ передъ тѣмъ, а именно въ 1802 году, оставилъ въ альбомѣ бабушки слѣдующее «Изображеніе пріятнаго мѣста Курбатова»:

«Курбатовъ! ты сокрытъ природой подъ горами...
Въ тебѣ собраніе прекраснѣйшихъ картинъ;
Величественъ твой видъ, обиліе ты водами
И у природы, знать, ты прелюбезный сынъ...
Въ тебѣ я созерцалъ пріятные предметы:
Долину, горы, лѣсъ, звѣринецъ, водометы,
И какъ изъ тростника Михайло возъ гонялъ...
Тогда-то въ сердцѣ я твой видъ благословилъ!»

Что же манило бабушку въ лѣсную глушь, въ тихое, пустынное Курбатово? Здѣсь умеръ дѣдушка. Сверхъ того, домицъ въ Курбатовѣ сильно напоминалъ Анинъ Васильевнѣ выстроенный по его образцу, сгорѣвшій домъ на Богатой, гдѣ она въ прежніе годы любила съ Груней встрѣчать весну. Подъ конецъ своихъ дней бабушка еще болѣе стала походить видомъ и нравомъ на спартакку. Уѣдетъ изъ Пришиба на заводъ, велитъ опречь лошадей и пойдетъ бродить съ книжкой или съ кузовкомъ, будто за грибами, въ окрестностяхъ старой винокурни, по лѣсу и по лугамъ.

«Нѣтъ моего рая, нѣтъ Груни!» тоскуетъ бабушка: «думала ее сосватать за Калиныча, за винокура. Жила бы, радовала-бы меня и поднесъ. А теперь? Гдѣ-то витають душеньки ея и ея дочки? Ахъ! не прощу себѣ, никогда не прощу... я виновата въ ихъ смерти... я!»

Бабушка ходитъ между высокихъ сосенъ, по песчаному пристѣиу и между кудрявыхъ березъ и ольхъ, по лугамъ. Стародавніе годы ходитъ по слѣдамъ бабушки. — «Ничего, никакого придагаго я не принесла мужу, — думаетъ она, — пользовалась его имуществомъ. Поль-состоянія предлагалъ онъ мнѣ отписать по дарственной. Все, все отдала бы, лишь бы жива была Груня...»

А лѣсъ стонетъ, поетъ, отзывается на тысячи голосовъ. По влажному, остывшему илу, таская изъ него свѣжіе сладкіе корешки, бѣгаютъ кулички и черныя дикія курочки. Сырая поверхность грязи усѣвается крестиками ихъ пожекъ, какъ старинная рукопись словами. Каждый кустъ.

каждая вѣтка одѣты своимъ благоуханіемъ. Чубатый удождь цосвистываетъ на бугоркѣ; слышится рѣзкое чоканье дрозда; кукушка вдали отзывается; дятлы и иволги, какъ куски разноцвѣтнаго сукна, перебрасываются съ дерева на дерево.

А на зарѣ — нескончаемый лѣсной концертъ... Вверху, вокругъ, вездѣ слышится музыка. Цѣлое море звуковъ проливается на лѣсъ и на зеленые луга.

Возвратится бабушка на крутой бугоръ, на которомъ стоитъ старыи заводскій домикъ, сидеть на крылечко, развернетъ на колѣняхъ книжку, или, глядя вдали, шевелить спицами чулка, — мысли ея за Донцомъ. Слушая весеннія лѣсныя пѣсни, и бабушкинъ фаворитъ-пѣтухъ, состарѣвшійся при винокурнѣ, не унимается: смотреть съ холма на луга и на озера, и то-и-дѣло кричить... Да крикнетъ иной разъ такъ, что самъ отшатнется въ сторону и, наставивъ одинъ глазъ въ землю, а другой на бабушку, какъ бы разсуждастъ: «кто это такъ странно крикнулъ?»

Пезадолго передъ смертью, бабушка возила больного внука на Кислыя воды, на Кавказъ. На одной станціи, не доѣзжая Екатеринодара, она мѣняла лошадей. Станціонный писарь взглянулъ въ ея подорожную, потомъ на нее самую. Онъ пригласилъ Анну Васильевну въ особую горницу, заперъ за собой дверь и, спросивъ ее, не у нея ли на хуторѣ когда-то проживала съ мужемъ и съ дочкой Аграфена Бѣлогубова?—разказалъ ей, какимъ образомъ Бѣлогубовы спаслись отъ огня и какъ они долгое время скрывались по близости, въ казачьихъ станицахъ, въ томъ числѣ и на этой станціи, гдѣ Родивонъ занимался старостой.

— Что же Груня?—спросила, ни жива, ни мертва отъ страху, бабушка:—гдѣ она теперь? жива ли?

— Не знаю...

— А мужъ ея?

— Лошадьми на Кубани въ послѣднее время, сказывають, торговалъ...

— Отчего-жъ они, безумные, отчего-жъ ни о чемъ не дали мнѣ вѣсти? зачѣмъ терзали меня?

— Боялись, сударыня-матушка.

— Меня боялись?

— Не васъ, сударыни, не васъ... Они такъ васъ хва-

лили и помнятъ—я все уговаривалъ ихъ къ вамъ писать...
Боялись же своего... графа-то Аракчеева...

— Да онъ вѣдь давно померъ...

— А дѣло-то ихнее—бѣгство?.. потомъ пожаръ—нешто
все это померло?

Бабушка залилась слезами...

Въ Пятигорскѣ, въ Кисловодскѣ и Екатеринодарѣ, вездѣ
Анна Васильевна потомъ отыскивала Бѣлогубовыхъ, сулила
за ихъ указаніе значительную сумму денегъ, переписыва-
лась съ властями, даже черезъ мирныхъ черкесовъ сноси-
лась съ горцами—ничто не помогло. Слѣдъ Бѣлогубовыхъ
пропалъ навсегда.

— «Вотъ, душенька,—говорила мнѣ бабушка, рассказавъ
эту исторію:—я стара, у меня ничего нѣтъ; имѣніе твоего
дѣда раздѣлено и распалось... Выростешь, помни это...
души-то, крѣпостныя... крѣпостные люди... Приглядывайся,
да читай умныя книги, все поймешь...»

1873 г.

Профессиональный Союз
Р.Т.С.—СССР

Экспертный Комитет

Зав. Д.Т. № 5

185-1/2 с

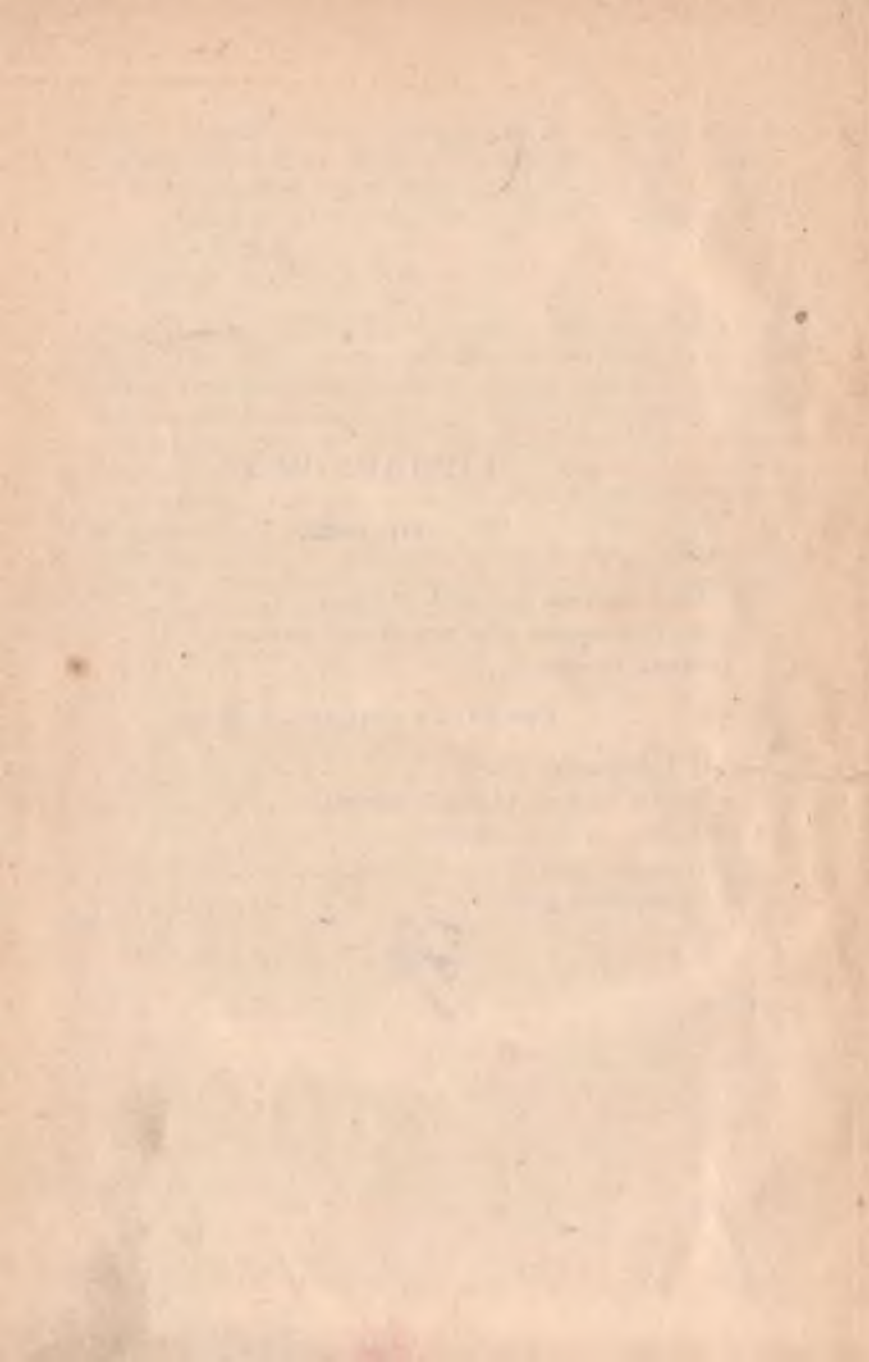
Оглавление

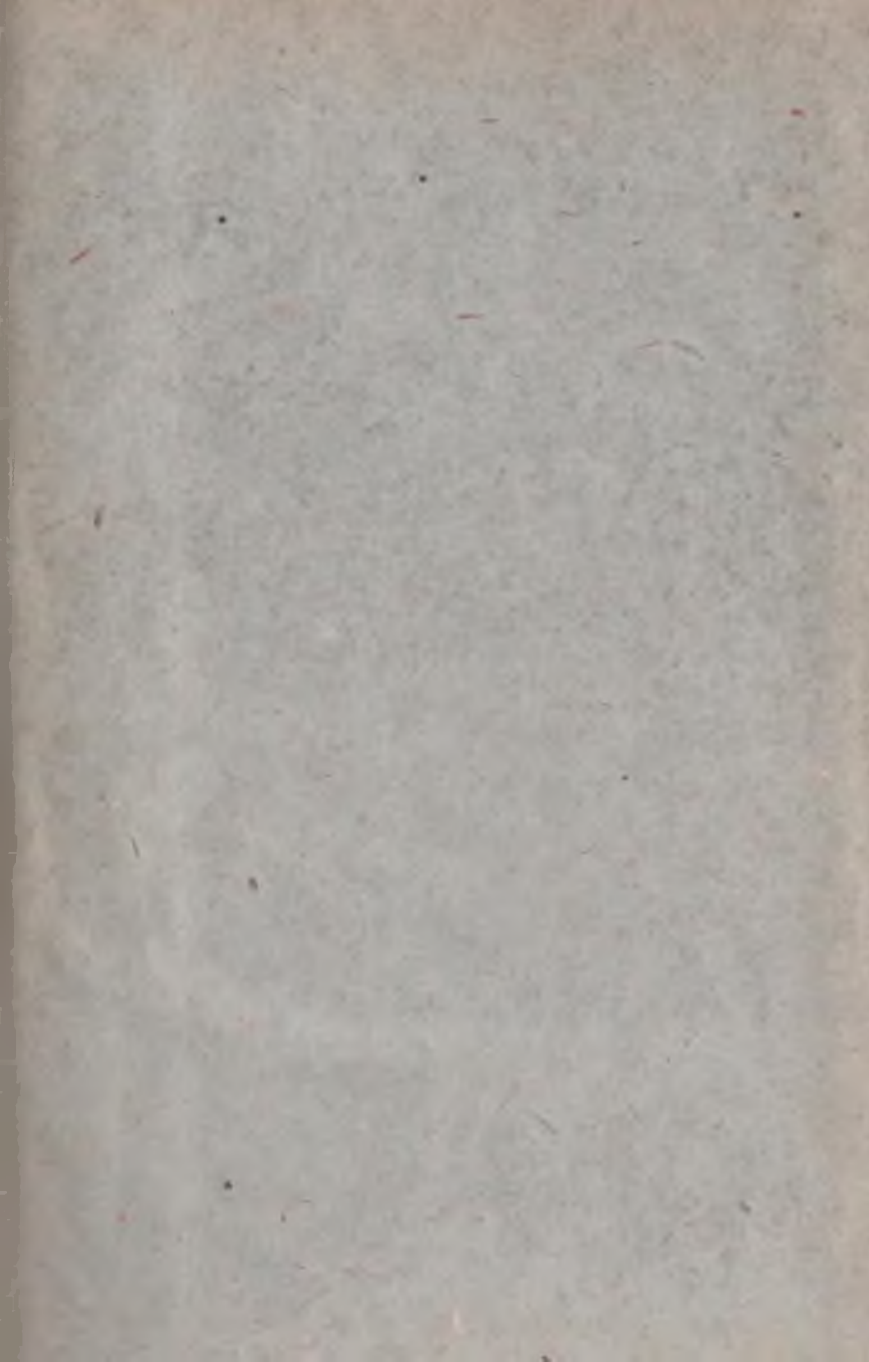
VII ТОМА.

Бѣглый Лаврушка въ Парижѣ. Разсказъ.	3
Село Сорокопановка. (Изъ воспоминаній депутата***).	26
Феничка. Разсказъ.	53

Семейная старина. Разсказы.

I. Прабабушка.	90
II. Тѣнь праѣда. (Лейбъ-Кампанецъ)	110
III. Именины прабабушки.	129
IV. Дѣдовъ лѣсъ.	147
V. Бабушкинъ рай.	173





2

HOOPER BERRY

1875

1875

